

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 33

2024

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский филиал РАНХиГС, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Юридическая герменевтика	
Абдуллаев Ю.Г. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ МНОГОАСПЕКТНОСТИ НА СТЫКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК	6
Головинов А.В., Головинова Ю.В. ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ Н.М. ЯДРИНЦЕВА	9
Казанцева О.Л. О РОЛИ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА	13
Юридическая техника	
Глянц Е.М. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ТЕРМИНА «СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО»	18
Землюков С.В., Анисимова И.А. ФИЗИЧЕСКИЙ ВРЕД ЛИЧНОСТИ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ В УК РФ	25
Калашник Н.И., Киселева Е.В., Прасолова И.А. АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ: ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ В РОССИИ	31
Коренная А.А. ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	37
Куфлева В.Н. К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА	44
Салтыков К.Г. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ «ОДИНОКАЯ МАТЬ» В СОСТАВЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА	52
Правовая коммуникация	
Кирюшина Л.Ю. ДОПРОС ПОТЕРПЕВШЕГО: ЭМПАТИЙНОЕ ИЛИ РЕФЛЕКСИВНОЕ ОБЩЕНИЕ?	57
Кузнецова И.С., Скорев В.А. СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ОБВИНЯЕМЫЙ», «ПОДСУДИМЫЙ», «ОСУЖДЕННЫЙ», «ОПРАВДАНЫЙ» И ИХ СЛОВ-ОБОЗНАЧЕНИЙ	61
Лингвоэкспертология	
Дайлоф Е.Л. АВТОРОВЕДЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА СОСТАВЛЕНИЯ ТЕКСТА ЯВКИ С ПОВИННОЙ ПРИ УЧАСТИИ ИНОГО ЛИЦА	68
Коростелева Л.В. «ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИНГВИСТА-ЭКСПЕРТА	73
Ушакова К.С. КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ	78

Речевые правонарушения	
Сидорова Е.З., Алиев Т.Ф. СООТНОШЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ОБВИНЯЕМЫЙ», «ПОДСУДИМЫЙ», «ОСУЖДЕННЫЙ», «ОПРАВДАНЫЙ» И ИХ СЛОВ-ОБОЗНАЧЕНИЙ	84
Язык и право	
Бредихина О.М. ГАЛЛИЦИЗМЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	92

CONTENTS

Legal hermeneutics	
Abdullaev Y.G. PHILOLOGICAL APPROACH TO INTERPRETING LAW: PROBLEMS OF MULTIDIMENSIONALITY AT THE OVERLAP OF LEGAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES	6
Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. CAUSES OF CRIME IN PRE-REVOLUTIONARY SIBERIA IN TEXTS OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF N.M. YADRINTSEV	9
Kazantseva O.L. ON THE INTERPRETATION OF LEGAL NORMS	13
Legal Techniques	
Glyants E.M. LEGAL REGULATION OF THE TERM "SOCIAL ORPHANHOOD"	18
Zemlyukov S.V., Anisimova I.A. PHYSICAL TRESPASS TO THE PERSON: CONCEPT, TYPES AND APPROACHES TO DESCRIPTION IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	25
Kalashnik N.I., Kiseleva E.V., Prasolova I.A. ACTIVE LONGEVITY: ISSUES OF IMPLEMENTATION POLICY IN RUSSIA	31
Korennaya A.A. THE CONCEPT AND ATTRIBUTES OF ECONOMIC ACTIVITY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION	37
Kufleva V.N. ON DEFINING ENTITIES OF CRIMINAL LAW	44
Saltykov K.G. FUNCTIONING OF THE PHRASE «SINGLE MOTHER» AS PART OF LEGAL LANGUAGE	52
Legal Communication	
Kiryushina L.Yu. INTERROGATION OF THE VICTIM: EMPATHIC OR REFLECTIVE COMMUNICATION?	57
Kuznetsova I.S., Skorev V.A. THE CORRELATION OF LEGAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF THE STUDY OF THE TERMS «ACCUSED», «DEFENDANT», «CONVICTED», «ACQUITTED» AND THEIR WORD DENOMINATIONS	61
Linguoexpertology	

<i>Daylof E.L.</i> ESTABLISHING AUTHORSHIP OF VOLUNTARY APPEARANCE TEXT COMPOSED WITH THE PARTICIPATION OF ANOTHER PERSON	68
<i>Korosteleva L.V.</i> "INCITEMENT OF HATRED OR ENMITY AS WELL AS ABASEMENT OF HUMAN DIGNITY" AS INTERPRETED BY AN EXPERT LINGUIST	73
<i>Ushakova K.S.</i> CATEGORY REFERENCE OF THE MEANING IN LINGUISTIC EXPERTISE ON TERRORIST MATERIALS	78
Speech Offenses	
<i>Sidorova E.Z., Aliyev T.F.</i> MODERN DETERMINANT COMPLEX OF EXTREMISM (CASE STUDY OF LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS)	84
Language and law	
<i>Bredikhina O.M.</i> GALLICISMS IN LEGAL ENGLISH	92

Филологический способ толкования права: проблемы многоаспектности на стыке юридических и филологических наук

Ю. Г. Абдуллаев

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: yury.abdullaev@yandex.ru

В статье рассматривается филологический (грамматический, языковой) способ толкования права как первичный в процессе уяснения и разъяснения норм права. Отмечается, что в вопросе исследования филологического способа толкования права и его применения ключевыми являются задачи разграничения лингвистической и юридической сторон, с одной стороны, и определения общих точек их соприкосновения и взаимопроникновения, с другой. При этом особое значение данный способ интерпретации правовых норм приобретает в практике рассмотрения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, приобретающих весомую актуальность в последнее время. Подчеркивается многоаспектный характер филологического способа правотолкования, проистекающий из множественности подходов к анализу текста. Недостаточность разработанности вопроса видится в необходимости владения исследователем одновременно как филологическими, так и юридическими компетенциями. Отдельное внимание уделено языковой личности автора правового текста, комплексное изучение которой позволит продвинуться в поиске ответов на основополагающие для правильности толкования права вопросы.

Ключевые слова: толкование права, филологический, лингвоюристика, многоаспектность, языковая личность.

Philological Approach to Interpreting Law: Problems of Multidimensionality at the Overlap of Legal and Philological Sciences

Y. G. Abdullaev

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: yury.abdullaev@yandex.ru

The article considers the philological (grammatical, linguistic) approach to interpreting law as the primary one in the process of comprehending and clarifying the norms of law. It is noted that in the case of studying the philological approach to interpreting law and its application, the key tasks are to distinguish the linguistic and legal features, on the one hand, and to determine the common grounds and interpenetration, on the other. At the same time, this method of interpreting legal norms is of particular importance when considering complaints for defamation of character, which have become significantly acute recently. The multidimensional nature of the philological approach to legal interpretation is emphasized, resulting from the multiplicity of approaches to text analysis. The under research of the issue is due to the requirement for the researcher to possess both philological and legal competencies at the same time. Special attention is paid to the linguistic persona of the author of the legal text, a comprehensive study of which will make it possible to advance in the search for answers to questions fundamental to the appropriateness of law interpretation.

Key words: interpretation of law, philological, forensic linguistics, multidimensionality, linguistic persona.

Вопросы толкования права являются одними из основополагающих в юридической науке и практике. Являясь необходимой составляющей как правотворческого, так и правореализационного процессов, правотолкование имеет своей целью уяснение и разъяснение юридических норм и применяется на всех стадиях правового регулирования.

Длительная история интерпретационно-правовой деятельности выработала целый ряд различных по своей природе способов толкования, имеющих собственные теоретические основания, критерии, правила, инструменты, и,

соответственно, результаты. При этом многогранность способов толкования обусловлена особенностями объекта – нормы права, смысл которой возможно постичь только в процессе мышления, которое, как известно, представляет собой сложный и многоуровневый процесс. Д. С. Морозов указывает, что это «опосредованное познание, через которое возможно постичь содержание нормы права, уяснить ее смысл, который постигается через знание языка, на котором она изложена, ее системных связей, происхождения и функционирования» [Морозов 2022: 174].

Одним из первых в диахроническом аспекте правоведа выделяют способ, связанный с языковой стороной юридического текста, получивший название грамматического. А. Ф. Черданцев полагает, что «толкование права – это результат мыслительного процесса, выраженный в совокупности суждений (грамматических предложений), в которых раскрывается содержание толкуемых норм» [Общая теория государства и права 2002: 473]. Первичность грамматического способа толкования обусловлена тем, что изначально и далее – на протяжении истории человечества – правовые нормы (за исключением архаических правовых обычаев) закреплялись в форме письменных текстов. Но и без письменной фиксации, в редких случаях устной формы, норма права почти всегда выражается через язык. Как твердо замечает Ю. С. Ващенко, «будучи правилом поведения и формой выражения государственной воли, норма права существует только в языке и передается в языковом выражении» [Ващенко 2002: 175]. Законодательно филологическое толкование закреплено в качестве приоритетного в ст. 431 ГК РФ, определяющей, что при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Таким образом, актуальность и значимость рассматриваемой темы обусловлена как исторически, так и с учетом того места, которое занимает грамматический способ толкования в современной правоприменительной практике.

При этом необходимо иметь в виду тот факт, что, исследуя языковую природу правового текста, как теоретик-правовед, так и юрист-практик сталкиваются с проблемой определения границ предмета рассмотрения. Если объект здесь может быть относительно точно определен как правовой текст в форме юридического документа, то предметом выступают сложные, разноуровневые и часто нелинейные связи между его компонентами, многоаспектный характер анализа которых обусловлен самой природой языка как сложноорганизованной естественной системы и живой стихии. И здесь мы сталкиваемся с необходимостью использования междисциплинарного подхода к предмету исследования, находящегося на стыке филологических и собственно юридических наук. Попытку разграничить эти науки по отношению к тексту правовой нормы предпринял Н. Д. Голев: «Объектом юрислингвистики и лингвоюристики являются взаимоотношения языка и закона: отношение языка к закону изучает юрислингвистика, а закона к языку – лингвоюристика; юридический аспект языка – предмет юрислингвистики, языковые аспекты права – лингвоюристики. <...> В первом аспекте язык, носители языка – субъекты и объекты права, во втором аспекте язык представлен как средство, с одной стороны, создания и понимания закона (законотворческая и интерпретационная функции естественного языка в юридической сфере) и, с другой стороны, – применения закона, где язык – предмет (или средство) экспертизы» [Голев 1999: 11]. От себя отметим, что особое значение последняя сторона вопроса приобретает в практике рассмотрения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации.

С. Н. Бошно определяет филологический (языковой или грамматический) способ толкования права как рассмотрение словесной оболочки норм права, сущность которого состоит в выяснении смысла правовой нормы при помощи средств грамматического анализа текста нормативного акта [Бошно 2013: 19]. При этом необходимо учитывать, что анализ текста с точки зрения языковедческой науки – это целый комплекс его разборов и исследований с точки зрения грамматических и смысловых связей, учитывающий лексическую, семантическую, синтаксическую, стилистическую и др. составляющие слов и предложений. Таким образом, многоаспектность данного способа правотолкования проистекает из множественности подходов к анализу текста. И здесь, как мы уже говорили выше, важно, хотя и в определенной степени затруднительно, провести границу между аналитической работой лингвиста и аналитической работой юриста.

Стоит отметить, что если в отечественной лингвистической науке за последние годы по данной тематике опубликовано значительное количество исследований, сложивших основу целой школы юрислингвистики, о чем свидетельствует издание с 1999 г. отдельного научного журнала [Юрислингвистика URL], то в собственно юридическом аспекте это направление еще недостаточно разработано. Одной из причин этого является необходимость владения исследователем как филологическими, так и юридическими компетенциями.

В этой связи актуальными в вопросе исследования филологического способа толкования права и его применения являются задачи разграничения лингвистической и юридической сторон, с одной стороны, и, напротив, определения общих точек их соприкосновения и взаимопроникновения, с другой. При этом наиболее интересным и обещающим определенным исследовательский успех представляется то новое знание, которое рождается на стыке филологических и юридических наук.

Не меньший интерес представляет изучение языковой личности автора правового текста. В. В. Катермина справедливо утверждает, что идея языковой личности пронизывает все аспекты изучения языка и разрушает границу между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка [Катермина 2016: 206]. В самом деле, личность законодателя или иного творца юридических текстов – субъект, так или иначе интересующий их читателя или толкователя, в первую очередь с позиции стремления к более точному уяснению вкладываемого в них смысла. При всей строгости правил юридической техники, автор правового документа – это в первую очередь живой человек, со своей картиной мира, определенным уровнем жизненного и профессионального опыта, набором знаний, умений и навыков, ценностными и иными установками. Всё это не может не найти отражения в продуктах его деятельности, каковыми являются правовые тексты.

С другой стороны, не следует забывать и о личности интерпретатора: каждый человек пропускает текст, содержащий нормы права, через себя, становясь в какой-то степени его соавтором. «Нейтральны ли юристы и переводчики юридических текстов? Могут ли они когда-нибудь стать непредвзятыми, прибегнув к какому-либо методу? <...> В какой степени экономические, социально-политические или религиозные факторы влияют на толкование закона и насколько это законно? Должны ли возраст и пол переводчика оказывать какое-то влияние на понимание юридических текстов? Могут ли правила толкования привести толкователя к правильному значению закона? Существует ли абсолютно точное значение закона?» – подобными вопросами задаются отечественные и зарубежные теоретики и практики права [Glanert, Girard 2017: 5]. Их разрешению будут способствовать системные исследования как способов толкования права в целом, так и филологического способа в частности.

Литература

Бошно С. В. Толкование норм права / Право и современные государства. - 2013. - № 4. С. 17-25.

Ващенко Ю. С. Филологическое толкование норм права. Тольятти, 2002.

Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. - Барнаул, 1999.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ. (ред. от 11.03.2024) / СПС КонсультантПлюс. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/44e7bdf9e5f734faf41d0ac516872d11b0b52366/

Катермина В. В. Языковая личность автора в художественном тексте / Человек. Культура. Образование. - 2016. - № 1. С. 205-213.

Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. - Т. 2. М., 2002.

Морозов Д. С. Толкование права / Образование и право. - 2022. - № 5. С. 174-177.

Юрислингвистика. Научный журнал Алтайского государственного университета. URL: <http://legallinguistics.ru/index>.

Simone Glanert, Fabien Girard. (2017) *Law's Hermeneutics: Other Investigations*. London – New York.

References

Boshno, S.V. (2013). Interpretation of the norms of law. *Law and modern states*, 4, 17-25 (in Russian).

Golev, N.D. (1999). The legal aspect of language in linguistic coverage. *Jurislinguistics-1. Problems and prospects*. Barnaul (in Russian).

Katermina, V.V. (2016). The linguistic personality of the author in a literary text. *Man. Culture. Education*, 1, 205-213 (in Russian).

Legal linguistics. Scientific journal of Altai State University. Available from: <http://legallinguistics.ru/index> (in Russian).

Morozov, D.S. (2022). Interpretation of law. *Education and law*, 5, 174-177 (in Russian).

Simone Glanert, Fabien Girard. (2017) *Law's Hermeneutics: Other Investigations*. London – New York.

The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 11/30/1994 No. 51-FZ. (ed. from 03/11/2024). *ConsultantPlus* (in Russian).

The general theory of state and law. Academic course: in 3 volumes / Ed. by M. N. Marchenko. (2002). - Vol. 2. Moscow (in Russian).

Vashchenko, Y. S. (2002). Philological interpretation of the norms of law. *Tolyatti* (in Russian).

Citation:

Абдуллаев Ю. Г. Филологический способ толкования права: проблемы многоаспектности на стыке юридических и филологических наук // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 6-8.

Abdullaev Y. G. (2024) Philological Approach to Interpreting Law: Problems of Multidimensionality at the Overlap of Legal and Philological Sciences. *Legal Linguistics*, 33, 6-8.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Причины преступности в дореволюционной Сибири в текстах политико-правовой доктрины Н. М. Ядринцева

А. В. Головинов¹, Ю. В. Головинова²

¹*Алтайский государственный университет*

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Алтайский государственный педагогический университет*

ул. Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

Цель настоящего исследования – выявление и демонстрация базовых причин и факторов преступности в дореволюционной Сибири в текстах политико-правовой доктрины Н. М. Ядринцева. Работа проводилась на основании текстологического инструментария и герменевтической методологии. Объектом аналитики выступили опубликованные произведения просветителя, в которых представлен политико-правовой нарратив роста преступных девиаций в сибирском регионе периода империи.

Авторами акцентируется, что тексты произведений просветителя были наполнены глубокой юридико-философской и социально-правовой рефлексией о причинах и состоянии преступлений ссыльных, каторжан и беглых бродяг в России и Сибири.

В статье показано, что одним из основных криминогенных факторов лидер движения сибирских областников рассматривал не просто рост ссыльнопоселенцев, а еще не эффективные и неразборчивые трансформации в уголовном законодательстве. Также высвобождение части правонарушителей от наказания в виде лишения свободы, как считал Н. М. Ядринцев, неотвратимо порождало рост контингента ссыльных. Вместе с ростом численности уголовной и политической ссылки усложнялись и условия сыска за беглыми ссыльными. Все это крайне негативно отражалось на криминогенной ситуации в регионе.

В ходе исследования установлено, что согласно политико-правовому наследию мыслителя, негативное влияние на причины преступности в дореволюционной Сибири оказали рост бродячего населения, многочисленная ссылка на поселение, каторжный фактор и просчеты в государственной пенитенциарной политике.

Ключевые слова: текстологический анализ правовой доктрины, сибирское областничество, Н. М. Ядринцев, Российская Империя, пенитенциаристика, ссылка, каторга, Сибирь, преступность.

Causes of Crime in Pre-revolutionary Siberia in Texts of Political and Legal Doctrine of N.M. Yadrintsev

A. V. Golovinov¹, Yu. V. Golovinova²

¹*Altai State University*

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Altai State Pedagogical University*

55 Molodyozhnaya str., 656035, Barnaul, Russia. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

The purpose of this study is to identify and demonstrate the basic causes and factors of crime in pre-revolutionary Siberia in the texts of the political and legal doctrine of N. M. Yadrintsev. The work has been carried out on the basis of text study tools and hermeneutic methodology. The published works of the educator have been the subject of the analysis, presenting the political and legal narrative of the growth of criminal deviations in the Siberian region during the empire period.

The authors emphasize that the texts of the enlightener's works were filled with deep legal, philosophical and socio-legal reflection on the causes and conditions of crimes of exiles, convicts and escaped vagrants in Russia and Siberia.

The article shows that the leader of the movement of Siberian regionalists considered that not only the growth of the number of exiled settlers served as one of the main criminogenic factors, but also ineffective and obscure amendments in criminal legislation. Also, according to N. M. Yadrintsev, waiver of imprisonment for some offenders inevitably gave rise to an increase

in the number of exiles. Along with the increase in the number of criminal and political exiles, the requirements for criminal detection also became more complicated. All this had an extremely negative impact on the crime rate in the region.

The study established that, according to the political and legal heritage of the thinker, the growth of the vagrant population, numerous internal deportations, numerous convicts and faults in state penitentiary policy had negative impact on the causes of crime in pre-revolutionary Siberia.

Key words: text analysis of legal doctrine, Siberian regionalism, N. M. Yadrintsev, Russian Empire, penitentiary, exile, hard labor, Siberia, crime.

Преступность как негативное явление жизни государства и общества интересовала профессиональных юристов и мыслителей во все времена. Тексты уголовного закона, имея целью пресекать преступные девиации, не всегда с формально-юридической точки зрения дают четкое представление о детерминирующих факторах противоправных деяний. Несомненно, современный Уголовный кодекс и дореволюционное Уголовное уложение, а также разного рода Судебники России в своем текстологическом содержании раскрывают составы преступлений и определяют соответствующее наказание. Вместе с тем правовая доктрина как источник права также способствует эффективному пониманию факторов, причин и условий, повлиявших на рост преступного поведения.

Так, в дореволюционной России в текстах трудов ученых юристов, публицистов и общественно-политических деятелей неоднократно поднимались вопросы о причинах преступных девиаций. В этом смысле текстологический анализ правовых доктринальных положений вполне может сопутствовать выявлению и определению детерминирующих факторов и условий, повлекших ухудшение криминогенной обстановки.

Сибирь как особый макрорегион в системе уголовной и уголовно-исполнительной политики России как сегодня, так и в дореволюционный период занимает и занимала особое место. «Восточная окраина» Российской Империи выступила территорией ссылки, каторги и огромной сети учреждений тюремной системы. Непрерывный поток уголовных и политических ссыльных, этапирование сюда сотен тысяч арестантов и перманентное бродячее население по природе своей выступали серьезными факторами расцвета криминального мира в регионе. Одним из первых мыслителей, кто обеспокоился таким положением дел, можно считать Николая Михайловича Ядринцева, известного сибирского публициста. В своей актуальной политико-правовой публицистике он осуществлял попытки определения тех негативных причин, которые влекут рост преступности в отчем крае.

Тексты произведений просветителя часто были наполнены глубокой юридико-философской и социально-правовой рефлексией о причинах и состоянии преступлений ссыльных и беглых бродяг в России и Сибири. Объемный и отдельный параграф его монументального юридического произведения «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872) был посвящен этой острой проблеме. К тому же обозначенный нарратив вообще был типичен для целого ряда его произведений на рубеже 1870-х – 1880-х гг. Потому герменевтический и текстологический анализ политико-правовой доктрины Н. М. Ядринцева представляется актуальным и научно значимым.

В современной исследовательской литературе освещение получили разнообразные нарративы идейно-публицистического наследия Н. М. Ядринцева. К числу современных исследователей в области «ядринцеведения» можно отнести В. А. Должикова [Должиков 2019], А. А. Иванова [Иванов 2022], А. В. Малинова [Малинов 2012], А. Э. Зайнутдинова [Зайнутдинов 2011], М. К. Чуркина [Чуркин 2021], Т. Н. Емельянову [Емельянова 2004], М. В. Шиловского [Шиловский 2021], О. Л. Протасову [Протасова 2023], Н. В. Жилиякову, В. А. Есипову, В. В. Шевцова [Жилиякова, Есипова, Шевцов 2022], Н. А. Чиканову [Чиканова 2021], Е. В. Масяйкину [Масяйкина 2022] и др.

Знакомство с содержанием данного блока научно-исследовательской литературы показывает, что проблемам причин преступности в дореволюционной Сибири в текстах политико-правовой доктрины Н. М. Ядринцева уделено не достаточно внимания. Потому решению этой гносеологической задачи посвящена настоящая работа.

Итак, постигая детерминирующие факторы тотального роста преступных девиаций в сибирском социуме, Н. М. Ядринцев отталкивался от постоянного увеличения числа ссыльнопоселенцев. Вооружившись историко-правовым подходом, публицист пытался детально установить пропорцию роста ссыльных и повышения криминогенной обстановки в регионе. Опираясь на богатые статистические данные и официальные источники в разные времена дореволюционной России, просветитель констатировал, что с изменением законоположений о ссыльных их численность возрастала.

Вот что находим в текстах произведений Н. М. Ядринцева: «Указом 1823 г. запрещено обращать в военную службу маловажных преступников и велено отправлять их в Сибирь. Вследствие этого указа, через Сибирь прошло в 1824 году до 12 000 ссыльных, число, до которого далеко не достигает даже нынешняя ссылка. Значительное распространение ссылки на маловажных преступников в это время было вызвано отсутствием тюремных помещений и экономическими расчетами, а не какими-либо соображениями о полезности такого наказания» [Ядринцев 1870: 128].

Как видим, одним из криминогенных факторов лидер движения сибирских областников рассматривал не просто рост ссыльнопоселенцев, а еще не эффективные и неразборчивые трансформации в уголовном законодательстве. Действительно в Российской Империи пенитенциарная система требовала реформирования, а тюремных учреждений не хватало. Как следствие, в ссылке как наказании законодатель видел простой и легкий выход. Высвобождение части правонарушителей от наказания в виде лишения свободы, как считал Н. М. Ядринцев, неотвратимо порождало рост контингента ссыльных. Вместе с ростом численности уголовной и политической ссылки

усложнялись и условия сыска за беглыми ссыльными. Все это крайне негативно отражалось на криминогенной ситуации в регионе. Преступления неизбежно росли.

Просветитель отмечал, что возвращение ссыльных, их побег и преступления отзывались не в одной Сибири, так как вред, приносимый ими, чувствовала вся Россия. «Какими массами, – замечал публицист, – ссыльнопоселенцы пробирались в Россию и проникали в центральные губернии, показывает цифра ссыльнопоселенцев и беглых каторжных, возвращенных назад в Сибирь после их побегов через тобольский приказ о ссыльных, в 20 лет, с 1827 по 1846 год, их прошло 18 328 человек. Цифра эта, как можно заключить по официальным данным, едва ли уменьшалась и впоследствии...» [Ядринцев 1872: 611].

По наблюдениям Н. М. Ядринцева, в числе преступлений ссыльных играли самую видную роль воровство, развратное поведение, смертоубийство, грабеж и др. Просветитель констатировал, что ссыльные привлекаются к уголовной ответственности почти за все без исключения преступления, обозначенные в уголовной номенклатуре, и таким образом значительно увеличивают цифру осужденных преступников по сибирским губерниям.

Именно выявление данных видов противоправных деяний позволило мыслителю показать еще один, тесно связанный со ссыльной системой фактор криминализации региона – каторгу. «Убийства и разбои в Сибири, – писал областник, – всего более совершаются каторжниками, что происходит, конечно, от того, что в каторге скопляются опытные убийцы, которым повторять это преступление дело привычное, также и потому, что наши каторги воспитывали особое ожесточение, огрубение и озлобление личности» [Ядринцев 1872: 622].

Другой важной детерминантой роста преступлений в Сибири Н. М. Ядринцев считал бродяжество как результат многочисленного бегства каторжан и ссыльных. Среди причин же бродячества как наказуемого преступного деяния он называл такие обстоятельства, как гнетущая тоска, вторичное преступление и желание избежать наказания, а также бедственное экономическое положение. Просветитель приходил к выводу о том, что «в связи с бродяжеством замечается и особенное распространение преступлений к востоку» [Ядринцев 1872: 612].

Бродяжество, по заключению просветителя, было одним из результатов ссылки, то есть понималось вторичным и производным фактором и причиной роста девиаций в дореволюционной Сибири. На этот счет просветитель писал так: «Если бродяги протестовали против ссылки своим вечным скитанием и его последствием преступлением, то и вообще ссыльнопоселенцы, живущие оседло, не отличались развитием нравственных качеств и совершали в Сибири, на местах ссылки, те же преступления, за которые и были сосланы» [Ядринцев 1872: 620].

К числу обстоятельств, тенденций и причин, вызывающих рост преступности, Н. М. Ядринцев относил и некоторые просчеты в пенитенциарной политике царизма. Данный фактор касался не только Сибири, потому просветитель считал его своего рода косвенным. «Достойный сын Сибири» обстоятельно рефлексировал об исправительном воздействии системы исполнения наказания на арестантов. По мнению публициста, русская тюрьма никого еще не исправила, но всегда превращала своих подневольных обитателей в людей раздражительных, желчных, больных физически и морально. Это в свою очередь и выступало причиной роста преступлений. Особую проблему просветитель фиксировал в сфере исполнения наказания для несовершеннолетних осужденных. «Какое же ужасное разрушающее влияние должна иметь тюрьма на малолетних преступников, тем разрушительнее и резче должно быть это влияние чем моложе субъект», – вот к какому умозаключению пришел Н. М. Ядринцев [Ядринцев 1875: 1]. Социальные практики в «мертвых домах» противоречили высоконравственным целям перевоспитания юных преступников.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в текстах политико-правовой доктрины Н. М. Ядринцева, представленной в ряде его литературно-публицистических произведений, отчетливо виден широкий нарратив о причинах преступного поведения в дореволюционной Сибири. Руководствуясь парадигмами текстологического и доктринального анализа, можно констатировать, что среди основных причин роста преступлений в регионе Н. М. Ядринцев выделял бесчисленный и неразборчивый характер назначения ссылки как уголовного наказания. Также большое влияние на преступность в Восточной окраине, согласно политико-правовому наследию мыслителя, оказали рост бродячего населения, каторжный фактор и просчеты в государственной пенитенциарной политике. Данная группа факторов и причин приводила к росту таких распространенных в дореволюционной Сибири противоправных деяний, как воровство, развратное поведение, убийство, подделка ассигнований и грабеж.

Литература

- Должиков В. А. Образ Русского Алтая в метафорах областническо-народнической публицистики / Алтайский текст в русской культуре : Сборник научных статей. Выпуск 8. Барнаул, 2019. – С. 230-239.
- Емельянова Т. Н. Областничество Н. М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004.
- Жулякова Н. В., Есипова В. А., Шевцов В. В. «Секретно. Конфиденциально»: цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX - начало XX в.) : Монография. Томск, 2022.
- Зайнутдинов А. Э. Социологические взгляды Н. М. Ядринцева / Петербургская социология сегодня. – 2011. – Т. 1. – С. 62-64.
- Иванов А. А. Историографическое осмысление проблем политической и уголовной ссылки в Сибири / Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX - начало XX века). Иркутск, 2022. – С. 134-210

- Масяйкина Е., Владимирова С. Идеология областничества в зеркале русской культуры: на материале лексико-языковых практик повести Георгия Гребенщикова «Ханство Батырбека» / Юрислингвистика. – 2022. – № 26(37). – С. 90-95. – DOI 10.14258/leglin(2022)2615
- Малинов А. В. Философия и идеология областничества. СПб., 2012.
- Протасова О. Л. Сибирь и сибиряки в идейно-творческом осмыслении писателей-неонародников (конец XIX - начало XX в.) / Уральский исторический вестник. – 2023. – № 4(81). – С. 24-32. – DOI 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-24-32.
- Чиканова Н. А. Коммеморации Н. М. Ядринцева в сибирских музеях и библиотеках в 1917-1994 годах / Преподавание истории в школе. – 2021. – № 5. – С. 91-92.
- Чуркин М. К. «Субалтерны» колонизации в научно-публицистическом и литературном наследии Н. М. Ядринцева. Имагология и компаративистика. – 2021. – 15. – С. 236-247. DOI 10.17223/24099554/15/14
- Шиловский М. В. Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870-1880-е гг. / Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск. – 2021. – С. 22-26.
- Ядринцев Н. М. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений / Дело. – 1870. – № 10. – отд. 1. – С. 122-234.
- Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872.
- Ядринцев Н. М. Малолетние преступники и тюрьма / Голос. – 1875. – № 194. – С. 1.

References

- Chikanova, N. A. (2021). Commemorations by N. M. Yadrintsev in Siberian museums and libraries in 1917-1994. Teaching history at school, 5, 91-92 (in Russian).
- Churkin, M. K. (2021). "Subalterns" of colonization in the scientific, journalistic and literary heritage of N. M. Yadrintsev. Imagology and comparative studies, 15, 236-247. DOI 10.17223/24099554/15/14 (in Russian).
- Dolzhikov, V. A. (2019). The image of Russian Altai in the metaphors of regional-populist journalism. Altai text in Russian culture: Collection of scientific articles, Barnaul, 8, 230-239 (in Russian).
- Emelyanova, T. N. (2004). Regionalism N.M. Yadrintsev as a philosophy of Russian reality. St. Petersburg (in Russian).
- Ivanov, A. A. (2022). Historiographical understanding of the problems of political and criminal exile in Siberia. Essays on historiography and source studies of the history of Siberia during the era of the empire (XIX - early XX centuries). Irkutsk, 134-210 (in Russian).
- Malinov, A. V. (2012). Philosophy and ideology of regionalism. St. Petersburg (in Russian).
- Masyaykina, E., Vladimirova, S. (2022). The ideology of regionalism in the mirror of Russian culture: based on the lexical and linguistic practices of Georgy Grebenshchikov's story "The Khanate of Batyrbek". Jurislinguistics, 26(37), 90-95. DOI 10.14258/leglin(2022)2615 (in Russian).
- Protasova, O. L. (2023). Siberia and Siberians in the ideological and creative understanding of neo-popular writers (late XIX - early XX century). Ural Historical Bulletin, 4(81), 24-32. DOI 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-24-32 (in Russian).
- Shilovsky, M. V. (2021). Publicistic comprehension of N. M. Yadrintsev prospects for the development of Siberia in the 1870-1880s. Yadrintsev readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk, 22-26 (in Russian).
- Yadrintsev, N. M. (1870). Historical essays on Russian exile in connection with the development of crimes. Delo. No. 10. dep. 1. 122-234 (in Russian).
- Yadrintsev, N. M. (1872). Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of various punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community. St. Petersburg (in Russian).
- Yadrintsev, N. M. (1875). Juvenile delinquents and prison. Voice, 194, 1 (in Russian).
- Zainutdinov, A. E. (2011). Sociological views of N. M. Yadrintseva. Petersburg sociology today, 1, 62-64 (in Russian).
- Zhilyakova, N. V., Esipova, V. A., Shevtsov, V. V. (2022). "Secret. Confidential": censorship history of journalism in the Tomsk province (second half of the 19th - early 20th centuries): Monograph. Tomsk (in Russian).

Citation:

- Головинов А. В., Головинова Ю. В. Причины преступности в дореволюционной Сибири в текстах политико-правовой доктрины Н.М. Ядринцева // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 9-12.
- Golovinov A. V., Golovinova Yu. V. (2024) Causes of Crime in Pre-revolutionary Siberia in Texts of Political and Legal Doctrine of N.M. Yadrintsev. Legal Linguistics, 33, 9-12.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О роли толкования норм права

О. Л. Казанцева

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: verwaltung@mail.ru

Научное исследование посвящено комплексному анализу толкования юридических текстов, имеющих свою специфику по сравнению с обыденными, содержащими специальную юридическую терминологию и изложенными по правилам юридической техники. Нормы права, содержащиеся в нормативных правовых актах, подлежат толкованию исключительно в системе с другими нормами права и с учетом принципов юридической науки. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что правовые нормы регулируют возникающие в обществе отношения и адресованы прежде всего людям. В связи с развитием общественных отношений они нуждаются в точном правовом регулировании, создании условий для единообразного правоприменения. Толкование – процесс мыслительной деятельности, направленный на уяснение смысла правовых норм. Правильное и однозначное толкование норм права позволит не только их изучить, понять их подлинный смысл, но и в целом проникнуться духом права, его основополагающими принципами. В работе исследуется понятие толкования правовых норм, виды и методы толкования, а также выявляются особенности толкования органом высшей конституционной юстиции Конституционным Судом Российской Федерации, отмечается его важная роль в обеспечении единообразия правоприменения. Наличие дефектов правовых актов требует актуализировать вопрос о совершенствовании деятельности, позволяющей исправить, восполнить положения нормативных правовых актов. В статье анализируются подходы к толкованию норм права, выявляются проблемы толкования. По итогам проведенного исследования делается вывод о необходимости правильного толкования правовых норм. В этих целях автором предлагается использование разных способов толкования в комплексе.

Ключевые слова: нормы права, толкование, принципы права, Конституционный Суд, Конституция.

On the Interpretation of Legal Norms

O. L. Kazantseva

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: verwaltung@mail.ru

The scientific research discusses a comprehensive analysis of the interpretation of legal texts that have their own specifics in comparison with ordinary ones, containing special legal terminology and laid out according to the rules of legal technique. The norms of law contained in normative legal acts are subject to interpretation, exclusively in accordance with other norms of law and taking into account the principles of legal science. The relevance of the research topic is determined by the fact that legal norms regulate relations arising in society and are addressed primarily to people. Due to the development of public relations, they need precise legal regulation and the creation of conditions for uniform law enforcement. Interpretation is a process of mental activity aimed at understanding the meaning of legal norms. A correct and unambiguous interpretation of the norms of law will allow not only to study them, understand their authentic meaning, but also to get into the spirit of law and its fundamental principles in general. The paper examines the concept of interpretation of legal norms, types and methods of interpretation, as well as identifies the peculiarities of interpretation by the body of supreme constitutional justice, the Constitutional Court of the Russian Federation, and notes its important role in ensuring uniformity of law enforcement. The presence of defects in legal acts requires reopening the issue of improving activities that allow correcting and replenishing the provisions of regulatory legal acts. The article analyzes approaches to the interpretation of legal norms, identifies problems of interpretation. Based on the results of the study, it is concluded that the correct interpretation of legal norms is necessary. For these purposes, the author proposes the use of different methods of interpretation in combination.

Key words: norms of law, interpretation, principles of law, Constitutional Court, Constitution.

Активность представителей юридической науки в освещении вопросов толкования права обусловлена их актуальностью и важностью. Толкованию норм права посвящен ряд научных работ, все они отражают разные аспекты толкования [Вопленко 1976; Залоило, Малютин 2015; Марченко 2018; Матузов, Малько 2004].

Особый интерес представляют работы, раскрывающие особенности судебного толкования (см., например, [Биюшкина, Гук 2022; Власенко, Залоило 2016; Гандалоев, Грудцына 2020; Гук, Коршунова 2020; Линько 2021; Малютин 2016; Терехина 2023]).

Под толкованием принято понимать сложный и важный процесс уяснения смысла правовой нормы, благодаря которому она претворяется в жизнь. Толкование представляет собой ценность как на стадии правотворчества, когда при разработке новых актов толкуют уже действующие нормы права, так и в процессе правоприменения, квалификации деяния и вынесении решения.

Основная цель толкования – единообразное понимание и применение правовых актов.

Анализ научных источников позволяет выделить два вида толкования в зависимости от субъекта толкования: официальное и неофициальное.

Первый вид толкования (официальное) осуществляется уполномоченными на то органами власти и носит обязательный характер. Однако следует отметить, что не каждый орган власти уполномочен официально толковать нормы права.

Например, разъяснения Министерства труда и социальной защиты РФ не имеют обязательного характера, а выражают только лишь мнение органа исполнительной власти по определенному вопросу. Данный вид акта также нельзя отнести к нормативным правовым актам, что подтверждается п. 2 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 г. № 1009, который предусматривает, что «нормативные правовые акты издаются в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Акты, издаваемые в ином виде, не должны содержать предписания нормативно-правового характера».

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» «признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений».

Следовательно, письма Министерства труда и социальной защиты РФ не могут относиться к категории нормативных правовых актов и носят всего лишь рекомендательный характер.

Однако на практике должностные лица все же руководствуются подобными разъяснениями названного министерства. Примером могут служить принимаемые им акты по вопросам отстранения работников в связи с отсутствием прививки от коронавируса.

Официальное толкование, в свою очередь, подразделяется на аутентичное, легальное и судебное.

Аутентичное толкование – это толкование нормативного правового акта органом или должностным лицом, которые непосредственно его издали.

Легальное толкование осуществляется в рамках делегированных полномочий органа, производящего интерпретацию. В этом случае юридическая сила толкования распространяется на субъектов, которые попадают под юрисдикцию органа, дающего толкование. Следовательно, легальное толкование – это толкование, правом давать которое официально наделен соответствующий орган, и носящее обязательный характер.

Судебное толкование – это толкование норм права судами [Гук 2016]. Важная роль в толковании конституционных норм отводится Конституционному Суду Российской Федерации, который наделяется правом давать обязательное их толкование (ч. 5 ст. 125 Конституции РФ). Это единственный орган, который дает официальное толкование Основного закона.

Ст. 6 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает: «Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Решения Конституционного Суда РФ содержат правовые позиции, в которых раскрывается толкование конституционных норм и выявляется конституционный смысл законов.

Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 08.10.1998 г. № 118-О установлено, что «Положения мотивировочной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные в резолютивной части этого же постановления, отражают правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации и также носят обязательный характер».

В своем выступлении Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отметил: «Юридическая сила итоговых решений Конституционного Суда превышает юридическую силу любого закона, а следовательно,

практически равна юридической силе самой Конституции, которую уже нельзя применять в отрыве от итоговых решений Конституционного Суда, относящихся к соответствующим нормам, и тем более вопреки этим решениям. Таким образом, любое толкование высшего закона страны, которое дается Конституционным Судом в его правовых позициях, имеет фактически конституционную силу» [Зорькин 2009].

Таким образом, решения Конституционного Суда РФ обжалованию не подлежат, и изменить свою правовую позицию вправе только сам Конституционный Суд, что, собственно, он и делает по истечении времени.

Представляются интересными правовые позиции Конституционного Суда РФ о соотношении норм Конституции России и норм международного права.

Приоритет Конституции РФ устанавливается самим Основным законом российского государства (ч. 1 и ч. 4 ст. 15).

В разных частях ст. 15 встречается термин «закон». Толкуя все части ст. 15 Конституции РФ в системе, можно прийти к выводу о том, что «закон» и «Конституция» – разные источники права. Использование в ч. 2 разделительного союза «и» об этом свидетельствует.

Конституция РФ, как Основной закон государства, имеет большую юридическую силу по сравнению с другими законами и нормативными правовыми актами.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров составляют часть российской правовой системы во главе с Конституцией РФ. В ситуации «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Это означает, что международный договор имеет верховенство исключительно над нормами законов, но Конституция РФ к ним не относится.

Ст. 125 Конституции РФ также подтверждает такой вывод и закрепляет, что «не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению».

Конституционный Суд РФ, толкуя положения Конституции, в своих правовых позициях также отмечал, что «в правовой системе Российской Федерации, основанной на верховенстве Конституции Российской Федерации, правила международного договора, если они противоречат ее положениям, не могут находить своего применения» (например, абз. 4 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации - Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации»).

В результате конституционной реформы 2020 года в ст. 79 Конституции РФ включено положение о том, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Это означает, что как и ранее сохраняется приоритет ратифицированных Россией международных договоров над нормами национальных законов. А что касается межгосударственных органов, то при условии противоречия их решений нормам Конституции РФ они на территории России применяться не будут.

Таким образом, внесенные в 2020 году в Конституцию поправки защищают ее суверенитет.

Следует признать значимость правовых позиций Конституционного Суда РФ, который стоит на страже защиты независимости российского государства от неправомерного вмешательства извне.

Второй вид толкования правовых норм – это неофициальное толкование, не носящее обязательный характер. К нему относится, в том числе, обыденное толкование, доктринальное, научное и профессиональное толкование.

Обыденное толкование – уяснение норм права людьми, не имеющими специальных познаний в области права. Зачастую оно бывает ошибочным, поскольку не учитывает принципы толкования юридических текстов и выражается в устной форме. Поскольку нормативные правовые акты издаются преимущественно для обывателей, регламентируя их права, обязанности и гарантии, возрастает роль обыденного толкования, граждане должны уметь читать, анализировать и толковать нормы права.

Особенностью доктринального толкования является то, что оно дается авторитетными учеными в сфере юриспруденции уже с учетом принципов и методов юридической науки. Как правило, это не субъективная позиция одного специалиста, а целый подход, выработанный определенной научной школой. Доктринальное толкование может влиять на понимание и применение норм права в случае грамотной аргументации.

Научное толкование дается кандидатами и докторами в области права, а профессиональное – юристами.

На основе доктринального, научного и профессионального толкования строится вся юридическая наука.

Для правильного понимания правовой нормы нужно использовать все способы толкования в комплексе. Правовую норму следует толковать в системе с другими нормами, с учетом места толкуемой правовой нормы и юридической силы, а не обособленно, понимать их общий смысл и назначение. В этом заключается суть систематического толкования.

При толковании следует также знать законы логики и анализировать нормы права с точки зрения формальной логики.

Необходимо разбираться в юридической терминологии, понимать значение терминов, хорошо владеть лексикой и грамматикой. Грамматический способ толкования основан на лексике, грамматике, фразеологии, при его помощи анализируется значение слов.

Может использоваться исторический способ, который направлен на уяснение норм права и учитывает исторические условия их принятия.

Специально-юридическое толкование основано на специальных юридических знаниях в целях уяснения значения специально-юридических терминов.

Таким образом, базой для толкования являются системные четко выстроенные знания, верное правовое мышление.

Как отмечалось выше, уметь правильно толковать юридические тексты должны не только юристы и уполномоченные должностные лица, но и граждане, для которых они пишутся. Этот навык поможет им ориентироваться в принимаемых нормативных правовых актах, отличать обоснованность принятия норм от дезинформации, уметь защищать свои права, правомерно себя вести, соблюдая ограничения и запреты.

Понимание правовых норм – это показатель их доступности для населения. В большинстве своем правовое мышление зависит от самих граждан, поскольку при желании можно научиться самому разрешать сложные правовые казусы, а можно заручиться помощью специалиста. Однако государство также должно способствовать росту правовой грамотности и правосознания собственных граждан, что является основой государственной политики Российской Федерации.

Литература

- Биушкина Н. И., Гук П. А. Нормотворческая деятельность высших судебных органов Российского государства: историко-правовой аспект / Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 2 (62). – С. 117–132.
- Власенко Н. А., Залоило М. В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики / Журнал российского права. – 2016. – № 8 (236). – С. 43–57.
- Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М., 1976.
- Гандалоев Р. Б., Грудцына Л. Ю. Теория судебного толкования / Образование и право. – 2020. – № 10. – С. 16–23.
- Гук П. А. Судебное толкование норм права / Журнал российского права. – 2016. – № 8 (236). – С. 72–78.
- Гук П. А., Коршунова П. В. Единство судебной практики как особая ценность правосудия / Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 103–118.
- Залоило М. В., Малютин Н. С. Толкование и конкретизация как универсальные формы эволюции права / Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4 (53). – С. 84–90.
- Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI в. М., 2008.
- Линько В. В. Влияние глобализации на применение судебного прецедента в Российской Федерации / Государство и право. – 2021. – № 6. – С. 199–204.
- Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2004.
- Малютин Н. С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2016.
- Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. М., 2018.
- Терехина Е. А. Толкование и конкретизация норм права судебными органами / Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2023. Т. 11 – № 2. – С. 14–23.

References

- Biyushkina, N. I., Guk, P. A. (2022). Rule-Making Activity of Supreme Judicial Bodies in the Russian State: Historical and Legal Aspect. University Proceedings. Volga Region. Social Sciences, 2(62), 117–132 (in Russian).
- Vlasenko, N. A., Zaloilo, M. V. (2016). Concretization and Interpretation of Law as a Creative Content of Judicial Practice. Journal of Russian Law, 8 (236), 43–57 (in Russian).
- Voplenko, N. N. (1976). Official Interpretation of Legal Norms. Moscow (in Russian).
- Gandaloev, R. B., Grudtsyna, L. Yu. (2020). Theory of Judicial Interpretation. Education and Law, 10, 16–23 (in Russian).
- Guk, P. A. (2016). Judicial Interpretation of Legal Norms. Journal of Russian Law, 8, 72–78 (in Russian).
- Guk, P. A., Korshunova, P. V. (2020). Unity of Judicial Practice as a Special Value of Justice. Journal of Russian Law, 12, 103–118 (in Russian).
- Zaloilo, M. V. (2011). Concept and Types of Implementing Legal Concretization of Legal Norms. Lawyer, 11, 28–37 (in Russian).
- Zor'kin, V. D. (2008). Russia and the Constitution in the 21st century. Moscow (in Russian).
- Linko, V. V. (2021). Influence of Globalization on Applying Judicial Precedent in the Russian Federation. State and Law, 6, 199–204 (in Russian).
- Matuzov, N. I., Malko, A. V. (2004). Theory of State and Law: Textbook. Moscow (in Russian).
- Malyutin, N. S. (2016). Judicial Interpretation of Normative Legal Acts in the Russian Federation: Constitutional and Legal Aspect. PhD dissertation. Moscow (in Russian).
- Marchenko, M. N. (2018). Theory of State and Law: Textbook. Moscow (in Russian).
- Terekhina, E. A. (2023). Interpretation and specification of legal norms by judicial authorities. Electronic scientific journal "Science. Society. State", 11, 2, 14–23 (in Russian).

Citation:

Казанцева О. Л. О роли толкования норм права // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 13-17.

Kazantseva O. L. (2024) On the Interpretation of Legal Norms. Legal Linguistics, 33, 13-17.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Правовая регламентация термина «социальное сиротство»

Е. М. Глянц

*Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
ул. Московская, 42, 420111, Казань, Россия. E-mail: ekaterina1714@mail.ru*

Статья посвящена исследованию существующих подходов к определению понятий «сиротство», «социальное сиротство», «социальный сирота» в федеральных и региональных нормативных правовых актах. Выявлен существующий в российском законодательстве пробел – отсутствие единообразного определения понятия «социальное сиротство». Определено, что применяемые в нормативных правовых актах понятийно-категориальные подходы не обладают универсальностью, что может привести к нарушениям прав и законных интересов соответствующих субъектов. Исследованы имеющиеся подходы к определению смежных понятий, таких как «дети-сироты», «дети, оставшиеся без попечения родителей», «дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации», и установлены терминологические границы между ними и понятием «социальное сиротство». Рекомендовано закрепить в отечественных официальных актах единое определение понятий «социальное сиротство» и «социальный сирота». В целях виктимологической защиты и виктимологической профилактики несовершеннолетних, как наименее защищенной категории граждан, предложено авторское определение термина «социальное сиротство» и социальная дифференциация социальных сирот.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, социальный сирота, социальное сиротство, сиротство.

Legal Regulation of the Term "Social Orphanhood"

E. M. Glyants

*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEMU)
42 Moskovskaya str., 420111, Kazan, Russia. E-mail: ekaterina1714@mail.ru*

The article covers the study of existing approaches to the definition of the concepts of "orphanhood", "social orphanhood", "social orphan" in federal, regional and local regulatory legal acts. A gap existing in Russian legislation has been identified – the lack of a uniform definition of the concept of "social orphanhood". It is determined that the conceptual and categorical approaches used in normative legal acts do not have a universal character, which can lead to violations of the rights and legitimate interests of relevant entities. The available approaches to the definition of related concepts, such as: "orphaned children", "children left without parental care", "children in difficult life situations", are investigated, and terminological boundaries between them and the concept of "social orphanhood" are established. It is recommended to consolidate a single definition of the concepts of "social orphanhood" and "social orphan" in official domestic acts. For the purpose of victimological security and prevention of crime victims among minors, as the least protected category of citizens, the author's definition of the term "social orphanhood" and social differentiation of social orphans are proposed.

Key words: orphans, neglected children, children in difficult circumstances, social orphan, social orphanhood, orphanhood.

Введение

Российская Федерация признает детство важным этапом жизни человека. Государство руководствуется принципами приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности [Федеральный закон 1998].

В последнее десятилетие государством и обществом предпринимаются значительные усилия для создания несовершеннолетним полноценных условий жизни и развития в семье. Однако проблема сиротства продолжает

оставаться актуальной. Это крайне негативное явление продолжает существовать и требует постоянного внимания государства и общества. Так, по данным на 2023 год в России насчитывалось 375 700 детей-сирот [Фролова URL].

Сироты – одна из наименее защищенных категорий граждан. Забота о слабых членах общества, их всесторонняя поддержка – признак развитого правового государства и зрелого гражданского общества. Чем выше уровень развития государства и общества, тем эффективнее меры защиты и поддержки.

Немаловажное значение при решении социально-правовой проблемы имеет терминологический аппарат, используемый в доктрине и нормативных правовых актах. Отсутствие четких и понятных дефиниций приводит к неопределенности в понимании статуса лиц, нуждающихся в защите и поддержке со стороны государства.

До сих пор в отечественной доктрине и практике нет единого категориально-понятийного аппарата, который позволил бы однозначно ответить на вопрос, что же такое «сиротство», как это понятие соотносится с «социальным сиротством», какое из этих понятий шире?

Несмотря на значительное количество и высокую научную ценность трудов ученых-правоведов, необходимо констатировать, что проблема установления единообразного категориально-понятийного аппарата в рассматриваемой сфере в уголовно-правовой науке комплексно не исследована. Все это свидетельствует о несомненной актуальности темы исследования.

Цель исследования: изучение существующих в нормативных правовых актах подходов к определению понятий «сиротство» и «социальное сиротство», терминологический анализ рассматриваемых и смежных дефиниций, используемых в официальных документах разных уровней.

1. Нормативные правовые акты федерального уровня

В первую очередь следует остановиться на Федеральном законе от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [Федеральный закон 1996].

Ключевое для нас понятие дается в статье 1 этого закона, в котором законодатель указывает, что дети-сироты – это лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель [Федеральный закон 1996].

Серьезных споров в правовой науке относительно содержания этого понятия нет, однако этот же федеральный закон гарантирует дополнительную социальную поддержку совершеннолетним лицам из числа детей-сирот в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель [Федеральный закон 1996].

То есть закон, определяя сироту как ребенка в возрасте до 18 лет, в то же время распространяет социальные гарантии и на лиц с 18 до 23 лет, расширяя тем самым возрастные границы понятия ребенок-сирота. Фактически, категория дети-сироты гораздо шире, чем дефиниция, закрепленная в статье 1 рассматриваемого закона.

В отдельную категорию законодатель выделяет детей, оставшихся без попечения родителей. Это несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими, установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, уклонением родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, а также в случае, если единственный родитель или оба родителя неизвестны, в иных случаях признания детей оставшимися без попечения родителей в установленном законом порядке.

Следует отметить, что 8 июня 2020 года были внесены изменения в федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Федеральный закон 1998], что позволило расширить понятие «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации». Законодатель постарался охватить как можно больше сложных ситуаций, в которых может оказаться несовершеннолетний. К категории детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, были отнесены и дети-сироты.

С нашей точки зрения, поправки носят прогрессивный характер. Изменения в законе позволяют распространить на детей-сирот социальную поддержку, о которой говорится в этом законе.

Понятие «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации» теперь включает в себя следующие категории детей:

- дети-сироты;
- дети, оставшиеся без попечения родителей;
- дети-инвалиды;
- дети с ограниченными возможностями здоровья, то есть имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии;
- дети – жертвы вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий;
- дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев;
- дети, оказавшиеся в экстремальных условиях;
- дети – жертвы насилия;

– дети, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; дети, находящиеся в образовательных организациях для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода (специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа);

– дети, проживающие в малоимущих семьях;

– дети с отклонениями в поведении;

– дети, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи [Федеральный закон 1998].

В целях комплексного исследования рассматриваемых проблем необходимо обратиться к подзаконным актам Российской Федерации.

В частности, постановлением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2019 г. № 397 утверждены правила формирования списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями (далее – Правила).

В пункте 3 Правил указано, что в списки включаются «дети-сироты, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также дети-сироты, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признано невозможным...» [Правила 2019].

Лица, которые «достигли возраста 23 лет, включаются в список, если они относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и в соответствии с законодательством Российской Федерации имели право на внеочередное обеспечение жилыми помещениями по договору социального найма, но в установленном порядке не были поставлены на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий или нуждающихся в жилых помещениях и не реализовали это право по состоянию на 1 января 2013 г. или после 1 января 2013 г. имели право на обеспечение жилыми помещениями из специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений, но не были включены в список» [Постановление 2019].

Фактически указанные правила очерчивают круг лиц, имеющих аналогичные сиротам права на обеспечение жильем в рамках этого постановления. Это и дети-сироты, и дети, оставшиеся без попечения родителей, в том числе и достигшие возраста 23 лет.

Кроме того, заслуживает внимания распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в образовательных организациях» [Распоряжение 2020], в котором раздел III посвящен целевой группе «Категории детей, нуждающиеся в особом внимании в связи с высоким риском уязвимости, испытывающие трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации».

К категории детей, нуждающихся в особом внимании в связи с высоким риском уязвимости, испытывающих трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации, отнесены дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

В этом же разделе раскрываются понятия «сирота (сиротство)» и «социальный сирота (социальное сиротство)».

Согласно распоряжению дети-сироты – это дети в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель. Социальный сирота – это ребенок, у которого есть биологические родители, однако они не занимаются воспитанием ребенка и не заботятся о нем. К числу социальных сирот данный нормативно-правовой акт относит и детей, родители которых не лишены родительских прав, но фактически не заботятся о своих детях.

В пункте 1.1. распоряжения раскрывается понятие «социальное сиротство». Его определяют как «социальное явление, обусловленное наличием в обществе детей, оставшихся без попечения родителей вследствие лишения их родительских прав, признания родителей недееспособными, безвестно отсутствующими» [Распоряжение 2020].

При этом к детям-сиротам, согласно распоряжению, относятся дети из замещающих семей, дети-сироты из учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, центров помощи семье и детям.

Отдельно следует отметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержат в себе понятий «сиротство» и «социальное сиротство», в них не упоминаются ни сироты, ни социальные сироты.

Анализ нормативных правовых актов федерального уровня позволяет говорить о том, что единообразного терминологического подхода к интересующим нас терминам нет. Все это вызывает недопонимание у правоприменителя, который вынужден ориентироваться на некие перечни и списки, не имея возможности оперировать конкретными и точными терминами и определениями.

Следует особо отметить, что единственным нормативным актом, в котором содержится определение понятия «социальное сиротство», является распоряжение Министерства просвещения Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в образовательных организациях».

2. Нормативные правовые акты регионального уровня

Исследование регионального терминологического аппарата в рассматриваемой сфере, основанное на понятиях федерального уровня, показало, что в таком законодательстве отсутствует определение понятия «дети-сироты».

Так, в частности, в статье 1 Закона г. Москвы от 30 ноября 2005 г. № 61 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в городе Москве» [Закон 2005] указано, что в законе используются понятия, определенные Федеральным законом «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и Законом города Москвы от 14 апреля 2010 г. № 12 «Об организации опеки, попечительства и патронажа в городе Москве» [Закон 2010].

В то же время в пункте 7 статьи 1 Закона города Москвы от 14 апреля 2010 года № 12 закреплено понятие «дети, нуждающиеся в помощи государства», – это дети, еще не лишившиеся родительского попечения, находящиеся в обстановке, представляющей действиями или бездействием родителей (иных законных представителей) угрозу их жизни или здоровью либо препятствующей их нормальному воспитанию и развитию [Закон 2010]. Такое понятие отсутствует в федеральных нормативных правовых актах.

В законе Московской области от 29 декабря 2007 г. № 248/2007-ОЗ «О предоставлении полного государственного обеспечения и дополнительных гарантий по социальной поддержке детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей» очерчивается круг отношений, на которые он распространяется. Это отношения, «возникающие в связи с предоставлением органами государственной власти Московской области полного государственного обеспечения и дополнительных гарантий по социальной поддержке детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лицам в возрасте от 18 до 23 лет, у которых в период их обучения по очной форме обучения за счет средств бюджета Московской области или бюджетов муниципальных образований Московской области по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих умерли оба родителя или единственный родитель, предусмотренных федеральным законодательством и законодательством Московской области» [Закон 2007].

Несмотря на довольно широкую сферу применения, указанный нормативный акт не содержит понятий, отличающихся от тех, что дает федеральное законодательство. Исходя из формулировок, используемых в законе, можно сделать вывод, что здесь также используется понятийный аппарат федерального законодательства.

Следующий пример региональных норм, касающихся детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, это статья 1 Областного закона Ленинградской области от 28 июля 2005 г. № 65-оз «О дополнительных гарантиях социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Ленинградской области», где закреплено, что для целей настоящего областного закона используются основные понятия и термины в значениях, определенных федеральным законодательством [Закон 2005].

Согласно статье 2 рассматриваемого закона законодательство в сфере социальной поддержки прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц, потерявших в период обучения обоих родителей или единственного родителя, состоит из Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и принятых в соответствии с ними законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, настоящего областного закона и иных нормативных правовых актов Ленинградской области [Закон 2005].

Как мы видим, собственного понятийного аппарата по интересующей нас проблеме в законодательстве Ленинградской области нет.

Постановление Правительства Сахалинской области от 2 марта 2012 г. № 115 «О создании системы профилактики социального сиротства и жестокого обращения с детьми в Сахалинской области» [Постановление 2012] также не содержит определений «сирот» или «социального сиротства», из чего мы делаем вывод, что данный акт опирается на федеральный понятийный аппарат.

Однако в пункте 2.1. рассматриваемого Постановления Правительства Сахалинской области в качестве одной из основных задач Общественного муниципального совета по работе с семьями, оказавшимися в социально опасном положении, указывается организация межведомственного взаимодействия территориальных органов, федеральных органов исполнительной власти, региональных органов исполнительной власти, действующих на территории муниципального образования, органов местного самоуправления, органов и учреждений системы профилактики муниципального образования, общественных объединений и организаций по работе с семьями, оказавшимися в социально опасном положении, в целях предотвращения социального сиротства [Постановление 2012]. То есть конечной целью взаимодействия всех органов публичной власти является профилактика социального сиротства. Мы видим, что термин «социальное сиротство» используется, но содержание его не раскрывается.

3. Межведомственные нормативные правовые акты регионального уровня

Необходимо отметить, что 19 августа 2015 г. № 14-15 постановлением Республиканской комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Кабинете Министров Республики Татарстан был утвержден регламент взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по реализации пилотного проекта по профилактике социального сиротства «Точка трезвости»

[Постановление 2015]. В постановлении используется термин «социальное сиротство», а сам документ направлен на профилактику этого явления. Но определения этому понятию акт не дает.

Так, 26 апреля 2016 года Республиканской комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав при Кабинете Министров Республики Татарстан вынесено постановление «О реализации пилотного проекта по профилактике социального сиротства "Точка трезвости"» № 11-16.

В абзаце 2 указанного постановления утверждается, что главной причиной сиротства является алкогольная зависимость родителей. Алкоголизм родителей в целом порождает неблагополучие семьи и ненадлежащее исполнение родителями своих обязанностей по воспитанию, содержанию и уходу за своими детьми [Постановление 2016].

Также необходимо указать постановление Республиканской комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Кабинете Министров Республики Татарстан от 26 февраля 2021 г. № 02-21 «Об утверждении Регламента взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по реализации проекта по профилактике социального сиротства "Точка трезвости" на 2021-2022 годы» [Постановление 2021].

В указанных постановлениях используется термин «социальное сиротство», но суть этого понятия не раскрывается. Из содержания этих нормативных правовых актов можно понять, что под социальными сиротами имеются в виду дети из семей, где злоупотребляют алкоголем. По крайней мере, эта категория четко обозначается в текстах рассмотренных актов.

Департаментом семьи, социальной и демографической политики Брянской области, Департаментом образования и науки Брянской области, Департаментом здравоохранения Брянской области был принят приказ № 332, № 420, № 137 от 24 марта 2020 г. «Об утверждении межведомственного плана мероприятий ("дорожной карты") по реализации мер, направленных на профилактику социального сиротства на территории Брянской области, на период до 2021 года» [Приказ 2020].

В этом документе также используется термин «социальное сиротство», разрабатываются мероприятия по борьбе с этим явлением, но содержание понятия не раскрывается.

Распоряжением Правительства Севастополя от 24 июля 2020 г. № 79-РП «Об утверждении Плана мероприятий ("дорожной карты") по реализации мер, направленных на профилактику социального сиротства, на территории города Севастополя на период до 2021 года» был утвержден соответствующий план мероприятий [Распоряжение 2021].

В распоряжении упоминаются причины социального сиротства. В их числе падение нравственности среди молодежи, распространение алкоголизма и наркомании и т.д. Социальное сиротство называется в числе приоритетных направлений политики государства.

Кроме того, в распоряжении дается определение термину «социальные сироты»: дети, оставшиеся без родительского попечения при живых родителях [Распоряжение 2021].

Таким образом, чаще всего в российском законодательстве используются термины «дети-сироты», «дети, оставшиеся без попечения родителей», «дети, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации».

Заключение

В настоящее время назрела острая необходимость в формировании единообразного определения понятия «социальное сиротство», отсутствие которого не способствует выработке системного подхода к изучению этого социального явления.

Предложена социальная дифференциация социальных сирот по различным основаниям, среди которых:

- лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель;
- лица из числа детей-сирот в возрасте от 18 до 23 лет, у которых, когда они находились в возрасте до 18 лет, умерли оба или единственный родитель;
- дети, оставшиеся без попечения родителей, – это лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими, установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, уклонением родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, а также в случае, если единственный родитель или оба родителя неизвестны, в иных случаях признания детей оставшимися без попечения родителей в установленном законом порядке;
- дети, формально имеющие родителей и проживающие в семье, но родители не исполняют свои обязанности по отношению к детям.

В целях виктимологической защиты и виктимологической профилактики несовершеннолетних, как наименее защищенной категории граждан, предложено авторское определение термина «социальное сиротство», под которым следует понимать сложное социально-экономическое, этико-правовое, криминологическое, психолого-педагогическое и морально-этическое явление, образуемое в результате недолжного исполнения родителями своих

обязанностей по воспитанию детей, влекущее криминогенное, виктимное либо иное антисоциальное поведение последних.

Литература

- Закон г. Москвы от 30.11.2005 № 61 (в ред. от 27.12.2023 № 40) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в городе Москве» / Ведомости Московской городской Думы. 2006. № 1. ст. 312.
- Закон города Москвы от 14 апреля 2010 года № 12 «Об организации опеки, попечительства и патронажа в городе Москве». URL: <https://docs.cntd.ru/document/3718611>
- Закон Московской области от 29.12.2007 № 248/2007-ОЗ «О предоставлении полного государственного обеспечения и дополнительных гарантий по социальной поддержке детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей» / Ежедневные Новости. Подмосковье, № 245, 30.12.2007.
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. - № 11. - ст. 1416.
- Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.
- Областной закон Ленинградской области от 28.07.2005 № 65-оз (ред. от 15.02.2022) «О дополнительных гарантиях социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Ленинградской области» (принят ЗС ЛО 28.06.2005) / Вестник Правительства Ленинградской области, № 39, 22.08.2005.
- Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» / Собрание законодательства Российской Федерации от 2 июня 2014 г. № 22 ст. 2887
- Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2019 г. № 397 «О формировании списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, исключении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из списка в субъекте Российской Федерации по прежнему месту жительства и включении их в список в субъекте Российской Федерации по новому месту жительства» / Собрание законодательства РФ. 2019. № 15 (часть IV). ст. 1764.
- Постановление Правительства Сахалинской области от 02.03.2012 № 115 (в ред. от 01.12.2015 № 479) «О создании системы профилактики социального сиротства и жестокого обращения с детьми в Сахалинской области» / Губернские ведомости. 2012. 31 марта и 11 апреля.
- Постановление Республиканской комиссии по делам несовершеннолетних об утверждении регламента взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по реализации пилотного проекта по профилактике социального сиротства «Точка трезвости» от 19 августа 2015 года № 14-15. URL: <https://docs.cntd.ru/document/429066662?marker>
- Постановление Республиканской комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при КМ РТ от 26.04.2016 № 11-16 «О реализации пилотного проекта по профилактике социального сиротства "Точка трезвости"». URL: <https://docs.cntd.ru/document/429056409>
- Постановление Республиканской комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при КМ РТ от 26.02.2021 № 02-21 «Об утверждении Регламента взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по реализации проекта по профилактике социального сиротства "Точка трезвости" на 2021-2022 годы». URL: https://rkdnr.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2720743.pdf.
- Приказ Департамента семьи, социальной и демографической политики Брянской области N 332, Департамента образования и науки Брянской области N 420, Департамента здравоохранения Брянской области N 137 от 24.03.2020 «Об утверждении межведомственного плана мероприятий ("дорожной карты") по реализации мер, направленных на профилактику социального сиротства на территории брянской области, на период до 2021 года». Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
- Распоряжение Министерства просвещения РФ от 28 декабря 2020 г. N P-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в образовательных организациях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378772/
- Распоряжение Правительства Севастополя от 24.07.2020 № 79-ПП «Об утверждении Плана мероприятий ("дорожной карты") по реализации мер, направленных на профилактику социального сиротства, на территории города Севастополя на период до 2021 года». Официальный сайт Правительства Севастополя URL: <http://sevastopol.gov.ru>.

Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/079e7b4a2591f06b6af03599d9aabef165d65ec6/
Фролова М. Тренд на усыновление: в России сократилось число детей – сирот. URL: <https://iz.ru/1639913/mariia-frolova/trend-na-usynovlenie-v-rossii-sokratilos-chislo-detei-sirot>.

References

- Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved in the course of nationwide voting on 01.07.2020). Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2020. - № 11. - Art. 1416.
- Law of the City of Moscow dated 30.11.2005 No. 61 (as amended on 27.12.2023 No. 40) "On Additional Guarantees for Social Support of Orphans and Children Left without Parental Care in the City of Moscow". Vedomosti of the Moscow City Duma. 2006. No. 1. art. 312.
- Law of the City of Moscow of April 14, 2010, No. 12 "On the Organization of Guardianship, Trusteeship and Patronage in the City of Moscow". Available from: <https://docs.cntd.ru/document/3718611>.
- Law of the Moscow Region of 29.12.2007 No. 248/2007-OZ "On Providing Full State Support and Additional Guarantees of Social Support to Orphans and Children Left Without Parental Care". Daily News. Podmoskovye, № 245, 30.12.2007.
- Regional Law of the Leningrad Region of 28.07.2005 № 65-oz (ed. of 15.02.2022) "On additional guarantees of social support for orphans and children left without parental care, persons from among orphans and children left without parental care, in the Leningrad Region" (adopted by the LS of 28.06.2005). Bulletin of the Government of the Leningrad Region, № 39, 22.08.2005.
- Resolution of the Government of the Russian Federation of May 24, 2014 № 481 "On the activities of organizations for orphans and children left without parental care, and on the placement of children left without parental care in them". Collection of Legislation of the Russian Federation of June 2, 2014 № 22 Art. 2887
- Resolution of the Government of the Russian Federation of April 4, 2019. No. 397 "On the formation of the list of orphans and children left without parental care, persons from among orphans and children left without parental care, persons who belonged to the category of orphans and children left without parental care, persons from among orphans and children left without parental care and reached the age of 23, who are subject to provision with housing, exclusion of orphans and children without parental care, persons from among orphans and children without parental care, from the list in the subject of the Russian Federation at the former place of residence and their inclusion in the list in the subject of the Russian Federation at the new place of residence". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 15 (part IV). art. 1764.
- Order of the Ministry of Education of the Russian Federation from December 28, 2020 N R-193 "On approval of methodological recommendations on the system of functioning of psychological services in educational organizations". Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378772/.
- Order of the Department of Family, Social and Demographic Policy of Bryansk Oblast N 332, Department of Education and Science of Bryansk Oblast N 420, Department of Health of Bryansk Oblast N 137 of 24.03.2020 "On Approval of the Interagency Action Plan ("road map") for the implementation of measures aimed at preventing child abandonment in Bryansk Oblast for the period up to 2021". Official Internet Portal of Legal Information Available from: <http://www.pravo.gov.ru>.
- Order of the Government of Sevastopol from 24.07.2020 № 79-RP "On approval of the Action Plan ("road map") for the implementation of measures aimed at preventing child abandonment in the city of Sevastopol for the period up to 2021". Official website of the Government of Sevastopol. Available from: <http://sevastopol.gov.ru>.
- Federal Law of July 24, 1998 № 124-FZ "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3802.
- Federal Law "On Additional Guarantees for Social Support of Orphans and Children Left Without Parental Care" dated 21.12.1996 No. 159-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/079e7b4a2591f06b6af03599d9aabef165d65ec6/
- Frolova, M. (2024). Trend on adoption: the number of orphans in Russia has decreased. Available from: <https://iz.ru/1639913/mariia-frolova/trend-na-usynovlenie-v-rossii-sokratilos-chislo-detei-sirot>.

Citation:

Глянц Е. М. Правовая регламентация термина «социальное сиротство» // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 18-24.

Glyants E. M. (2024) Legal Regulation of the Term "Social Orphanhood". Legal Linguistics, 33, 18-24.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Физический вред личности: понятие, виды и способы описания в УК РФ

С. В. Землюков¹, И. А. Анисимова²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹zemlukow@mail.ru, ²anisimovaia@bk.ru

Статья посвящена положениям учения о преступном вреде в части исследования вреда, причиняемого личности. Личный преступный вред определен как нарушение охраняемых уголовным законом прав и свобод личности. Показано, что конкретное выражение этого преступного вреда зависит от характера личных прав и свобод, на которые осуществляется посягательство. Преступный вред, причиняемый личности, обобщен на виды: физический, психический, иное существенное нарушение основных прав и свобод человека и имущественный вред. Уточнено понятие и рассмотрены виды физического преступного вреда. Обращено внимание на то, что физический вред ограничен вредом, причиняемым организму и (или) телу человека. Предложено выделять следующие виды физического вреда: смерть, вред здоровью, нарушение телесной неприкосновенности и утрата физической свободы человека. Отражены понятие и особенности описания смерти как вида физического вреда в уголовном законе. Раскрыты признаки и виды вреда здоровью человека. В частности, выявлено, что такой вред состоит в умалении физиологического состояния человека относительно того уровня, который имел место до возникновения патологии и выражается в телесном повреждении (травме), заболевании или патологическом состоянии. Продемонстрировано многообразие способов описания вреда здоровью человека в УК РФ. Уделено внимание преступному результату побоев и истязания. Обосновано, что данные насильственные преступления влекут вред не здоровью, а телесной неприкосновенности человека. Определено, что физический вред в виде утраты свободы заключается в нарушении свободы движений и (или) передвижения в пространстве. Важнейшая особенность такого вреда, которая должна быть учтена в УК РФ, состоит в том, что степень тяжести этого вреда зависит от длительности удержания человека. Предложены рекомендации по совершенствованию описания отдельных видов личного физического вреда в уголовном законе.

Ключевые слова: преступный вред, физический вред, смерть, вред здоровью человека, утрата физической свободы.

Physical Trespass to the Person: Concept, Types and Approaches to Description in the Criminal Code of the Russian Federation

S. V. Zemlyukov¹, I. A. Anisimova²

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹zemlukow@mail.ru, ²anisimovaia@bk.ru

The article considers foundations of the doctrine of criminal trespass with regard to physical trespass to the person. Trespass to the person is defined as a violation of the rights and freedoms of an individual protected by the criminal law. It is shown that the specific manifestation of this criminal trespass depends on the nature of personal rights and freedoms infringed. Criminal trespass to the person is broken into types: physical, mental, other significant violation of fundamental human rights and freedoms and property trespass. The concept is clarified and the types of physical trespass are considered. Attention is drawn to the fact that physical trespass is limited to battery or harm caused to the human body. It is proposed to distinguish the following types of physical trespass: death, harm to health, bodily injury and depriving of freedom of movement. The concept and features of the description of death as a type of physical trespass in the criminal law are reflected. The signs and types of harm to human health are disclosed. In particular, it has been revealed that such harm consists in the impairment of human physiology relative to the state before the onset of pathology and is manifested in bodily injury (trauma), disease or medical condition. The diversity of ways of describing harm to human health in the Criminal Code of the Russian Federation is demonstrated. Attention is given to the criminal result of battery and torture. It is established that these violent crimes do not

entail harm to health, but rather bodily injury. It is determined that physical trespass in the form of false imprisonment consists in the unlawful obstruction or deprivation of freedom from restraint of movement. The most important feature of such trespass, which should be taken into account in the Criminal Code of the Russian Federation, is that the severity of this crime depends on the duration of the unlawful deprivation of freedom of a person. Recommendations for improving the description of certain types of physical trespass to the person in the criminal law are offered.

Key words: criminal trespass, physical trespass, death, harm to human health, deprivation of freedom.

Несмотря на то, что преступный вред (общественно опасные последствия преступлений) исследовались многими учеными, учение о преступном вреде до настоящего времени нельзя признать разработанным. Сохраняются различные взгляды на многие вопросы, касающиеся понятия, признаков, классификации преступного вреда и содержания его отдельных видов. Недостатки описания преступного вреда и отсутствие единства среди ученых и практиков относительно его понимания неизбежно влекут квалификационные ошибки, связанные с установлением и толкованием преступного вреда в конкретных составах преступлений, в том числе и против личности. В связи с этим системное исследование уголовно-правовых норм о защите личности в аспекте характеристики видов и способов описания причиняемого ей вреда является актуальным и направлено на решение дискуссионных вопросов и совершенствование правоприменения.

В теории уголовного права преступный вред определяется как негативные изменения, возникающие в охраняемых уголовным законом объектах вследствие совершения преступного деяния. В реальной действительности преступный вред имеет внешние (материализованные или нематериализованные) формы своего выражения [Землюков 1991: 109]. Эти объективные формы вреда получают свое закрепление в нормах уголовного закона и определяют деление преступного вреда на виды. Существует множество классификаций преступного вреда. Одним из видов делений, продиктованным самой структурой уголовного закона, является деление преступного вреда на личный и вред неличного характера.

Личный преступный вред состоит в ограничении, умалении, лишении прав и свобод человека. Конкретное выражение и содержание такого вреда определяется природой и свойствами нарушенного блага. Особенная часть УК РФ начинается разд. VII «Преступления против личности». Данный раздел содержит пять глав, которые защищают жизнь и здоровье (гл. 16); свободу, честь и достоинство (гл. 17); половую неприкосновенность и половую свободу личности (гл. 18); иные конституционные права и свободы человека и гражданина (гл. 19); права членов семьи и несовершеннолетних (гл. 20). Деяния, включенные в этот раздел, именуется в теории уголовного права преступлениями против личности в узком смысле. В разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» защищаются имущественные права и интересы отдельных лиц, поэтому эти деяния можно отнести в широком значении к преступлениям против личности. Классификацию причиняемого перечисленными преступлениями преступного вреда можно проводить с учетом предусмотренных в УК РФ объектов посягательств. Сколько существует видовых и групповых объектов, столько групп личного преступного вреда можно выделить.

Вместе с тем личный преступный вред в ч. 1 ст. 42 УПК РФ обобщен в три вида: физический, имущественный и моральный. Эти виды личного преступного вреда традиционны для уголовного права. Более полный перечень видов вреда, причиняемого личности, приведен в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. № 40/34. В соответствии с п. 1 разд. «А» жертвам преступления причиняется такой вред, как «...телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав...». Соответственно, развивая учение о преступном вреде, можно выделить следующие виды вреда, причиняемого личности: физический, психический (в том числе моральный и эмоциональный), иное существенное нарушение основных прав и свобод человека (в частности, вред, причиняемый конституционным правам и свободам граждан) и имущественный вред (ущерб).

Уголовно-правовое понятие «физический вред» объединяет такие виды вреда, как смерть, вред здоровью и нарушение телесной неприкосновенности человека. При этом в уголовном праве понятие «физический вред» используется в значении противопоставления психическому вреду. Однако содержание такого вреда более точно раскрывает медицинский термин «физиологический», он ограничивает причиняемый вред нарушением исключительно биологических благ личности, указывает, что посягательство направлено на организм и (или) тело человека [Певцова 2023: 20].

Самый тяжкий физический вред – это смерть человека. Для каждого человека приоритетной ценностью является его жизнь. Право на жизнь принадлежит каждому человеку от рождения, закрепляется в Конституции государства и охраняется уголовным законом.

Понятие смерти неразрывно связано с понятием жизни, по сути является антонимом последней. Жизнь понимается как «физиологическое существование человека», «состояние организма от рождения до смерти» [Певцова 2023: 36]. Основная проблема при определении смерти заключается в том, как отличить ее от жизни, поскольку смерть «...не представляет собой какое-то пороговое состояние, а является процессом перехода живого в неживое» [Романовский 2003: 29]. Еще в 1996 г. М.И. Ковалев писал, что необходимо внедрить правовую регламентацию в саму процедуру констатации смерти. Под смертью он предлагал считать «...полное и необратимое прекращение деятельности коры головного мозга, обусловленное гибелью его клеток и констатированное

комплексом выработанных современной медициной средств и способов, с очевидностью и несомненностью доказывающих ее наступление» [Генетические исследования 2021: 34].

Сегодня для определения юридического факта смерти юриспруденция вводит понятие «момент смерти». В соответствии со ст. 66 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Постановлением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека» моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека). Биологическая смерть характеризуется «посмертными изменениями во всех органах и системах, которые носят постоянный, необратимый, трупный характер». Смерть мозга проявляется в развитии «необратимых изменений в головном мозге, а в других системах – частично или полностью обратимых». Как уточнено в другом документе, Приказе Минздрава России от 25 декабря 2014 г. № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека», «...смерть мозга человека наступает при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких. Момент смерти мозга человека является моментом смерти человека». Таким образом, нормативно закреплены два момента смерти человека – смерть биологическая и смерть головного мозга, что обусловлено невозможностью медицины полноценно восстановить функции коры головного мозга.

Смерть – это основной вред и конструктивный признак различных видов убийств (ст. 105–108), причинения смерти по неосторожности (ст. 109), составов, связанных с содействием и побуждением к совершению самоубийства (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ). В преступлениях, непосредственным объектом которых являются другие ценности и блага, смерть предусмотрена в качестве дополнительного последствия и квалифицирующего признака (например, в ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 124, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «б» ч. 3 и п. «а» ч. 4 ст. 131, ч. 2 ст. 143, ч. 3 ст. 145.1 УК РФ). Содержание такого вреда просто и понятно, поскольку смерть не подлежит качественной и количественной оценке. Способы описания этого вреда едины, в УК РФ он представлен двумя лексическими формами: «причинение смерти» и «тяжкие последствия».

Вред здоровью человека, в отличие от смерти, имеет качественные и количественные характеристики. Вред здоровью в наиболее общем виде выражается в умалении физиологического состояния человека относительно того уровня, который имел место до возникновения посягательства. Признаки вреда здоровью раскрыты в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 (далее – Правила 2007 г.) и Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н (далее – Медицинские критерии). В п. 2 Правил 2007 г. и п. 5 Медицинских критериев с небольшими терминологическими расхождениями вред здоровью определяется как нарушение анатомической целостности (в Медицинских критериях – целости) и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических (в Медицинских критериях – психогенных) факторов внешней среды. Нарушение анатомической целостности и (или) физиологической функции органов и тканей – это необходимые сущностные признаки любого вреда здоровью.

Характер или качественная оценка вреда здоровью определяется формой изменений (патологии), причиненных организму. В ранее действовавших Правилах судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью, утвержденных приказом Минздрава России от 10 декабря 1996 г. № 407, было названо три таких формы: телесное повреждение, заболевание и патологическое состояние. В Правилах 2007 г. и разработанных в соответствии с ними Медицинских критериях данные формы вреда здоровью прямо не выделены, но упоминаются в тексте этих актов.

Телесные повреждения (травма), как правило, выражены в анатомическом нарушении структуры органа или ткани. Например, это ссадины, кровоподтеки, раны, вывихи, растяжения, переломы, трещины; разрывы и размятие органов; отделение частей тела. К функциональным травмам относят сотрясение мозга и других органов. Заболевания проявляются в виде функциональных нарушений, полной или частичной утраты органами или тканями способности нормально функционировать либо в нарушении жизнедеятельности всего организма. В УК РФ перечислены такие заболевания, как наркомания, токсикомания, психическое расстройство, венерическая болезнь, ВИЧ-инфекция. Патологическое состояние можно определить как стойкое или временное отклонение от нормы, имеющее биологически отрицательное значение для организма. Например, шоковое, коматозное состояния, острая сердечная, дыхательная недостаточности и другие состояния, нарушающие физиологические функции организма [Анисимова 2007: 114].

В УК РФ закреплена градация вреда здоровью по степени тяжести, которая отражает его количественную характеристику, размер причиняемого вреда. Ответственность установлена за нанесение тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью человека. Признаки данных видов вреда названы в диспозициях чч. 1 ст. 111, 112, 115 УК РФ, п. 4 Правил 2007 г. и раскрыты в Медицинских критериях.

Терминологическое выражение вреда здоровью в нормах УК РФ разнообразно. Наряду с выражением «вред здоровью» (ст. 111–115), законодатель выделяет специальные составы с последствиями в виде заражения венерической болезнью (ст. 121), ВИЧ-инфекцией (ст. 122), искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ). Кроме того, в УК РФ достаточно часто используется термин «насилие» (ст. 120, п. «в» ч. 2 ст. 127, ч. 1 ст. 131 и др.), охватывающий не только общественно опасное деяние, но и наступивший физический вред. Еще один применяемый термин «тяжкие последствия» включает в свое содержание причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью

человека (п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, ч. 2 ст. 128, ч. 2 ст. 145.1 УК РФ).

С точки зрения дальнейшего совершенствования УК РФ следует оценить обоснованность выделения ответственности отдельно за заражение венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) и ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ). Это не самые опасные инфекционные и вирусные заболевания современности. Видимо, нет необходимости конструировать специальные составы причинения вреда здоровью для каждой опасной болезни, но можно предусмотреть общий состав, при этом степень тяжести вреда здоровью при различных видах заражения раскрыть в Медицинских критериях.

В юридической литературе продолжает оставаться дискуссионным вопрос о преступном результате побоев (ст. 116, 116.1) и истязания (ст. 117 УК РФ), о возможности отнесения этих преступлений к причиняющим вред здоровью человека.

Объективно результат побоев и иных насильственных действий может быть выражен в форме телесных повреждений: ссадин, кровоподтеков, небольших поверхностных ран. В п. 22 Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений, утвержденных приказом Министерства здравоохранения СССР от 11 декабря 1978 г. № 1208, данные повреждения были охарактеризованы как незначительные, скоропреходящие, длящиеся не более шести дней. Однако в п. 9 Медицинских критериев закреплено, что подобные «...поверхностные повреждения, в том числе: ссадина, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие...» расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью человека.

Побои и иные насильственные действия могут и не оставить объективно диагностируемых телесных повреждений. В данном случае их результат проявляется в иной форме – причинении физической боли. Разновидностью физической боли являются физические страдания как преступный результат истязания. Как пишет Р. Д. Шарапов, физические страдания выражены в систематическом переживании острой боли или в причинении хронической, продолжительной и особенной боли [Шарапов 2001: 121-122]. По сути, особенностью истязания, сопряженного с причинением особой боли, является то, что оно влечет неразрывное единство двух взаимосвязанных преступных результатов – физических и психических страданий.

По убеждению М. И. Галюковой, причинение боли означает вред здоровью человека. В подтверждение своей позиции она приводит определение телесных повреждений, данное Обществом русских врачей в 1883 г. Телесным повреждением в юридическом смысле предлагалось считать «...всякое нарушение физиологических функций или анатомической целостности данного живого человека, начиная от причинения ему незначительной боли до потери важных для жизни органов» [Галюкова 2007: 184-185]. Судебные медики причинение боли относят к функциональным нарушениям работы организма [Судебная медицина. Общая и Особенная части 2006: 297].

Однако, несмотря на то, что побои и иные насильственные действия воздействуют на организм человека и влекут нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека, в диспозиции ст. 116 УК РФ прямо отмечено, что эти преступления не должны причинять вред, указанный в ст. 115 УК РФ. Законодатель вывел преступный результат побоев за рамки трех видов вреда здоровью, выделяемых по степени тяжести. Исходя из буквального толкования УК РФ, объектом побоев и истязания (в части) является не здоровье, а более широкий круг охраняемых уголовным законом отношений – телесная неприкосновенность личности. Соответственно, вред, причиняемый этими преступлениями, правильно определять как нарушение телесной неприкосновенности.

Полагаем, преступный вред, причиняемый личности, может быть выражен также в виде утраты (ограничения) физической свободы. В частности, утрату физической свободы можно рассматривать как преступный результат похищения человека (ст. 126), незаконного лишения свободы (ст. 127) и незаконного помещения в психиатрический стационар (ст. 128 УК РФ). Вследствие совершения торговли людьми (ст. 127.1) и использования рабского труда (ст. 127.2 УК РФ) наступает сложное преступное изменение, необходимым элементом которого выступает утрата потерпевшим такого блага, как физическая свобода. Насилие как конструктивный и квалифицирующий признак многих составов преступлений также включает действия, влекущие ограничение или утрату свободы потерпевшего.

Данный вид личного преступного вреда еще не получил достаточной разработки в уголовно-правовых исследованиях. Характеризуя вред в виде утраты физической свободы, обратим внимание на то, что «свобода» – это понятие широкое. В ее содержание в юридической литературе включают различные аспекты: свободу передвижения, свободу волевой деятельности (принятия и осуществления решений), свободу трудовой деятельности, моральную свободу (то есть свободу мысли, совести, религии), социальную свободу (в смысле выбора языка общения, национальной принадлежности), половую свободу. Вместе с тем понятие физической свободы ограничивается естественной способностью человека распоряжаться своими внешними действиями и самостоятельно определять место своего пребывания. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 сделан акцент на том, что общественная опасность похищения человека заключается именно «...в незаконном ограничении человека в его физической свободе, в том числе в свободе передвижения и выбора места своего нахождения». А. Э. Жалинским физическая свобода как охраняемое благо определена очень емко как «телесная свобода передвижения» [Жалинский 2007: 401]. Основываясь на изложенном, можно резюмировать, что утрата физической свободы как вид личного физического преступного вреда выражается в нарушении телесной свободы движений и (или) передвижения в пространстве.

Преступный вред в виде утраты физической свободы может варьироваться по своему объему. Например, человек может быть лишен возможности и проявлять двигательную активность, и передвигаться в пространстве, в частности, когда он связан. В другом случае у потерпевшего может сохраниться возможность двигательной активности, но

ограниченной пределами помещения, в котором он заперт.

Однако степень общественной опасности такого вреда, прежде всего, зависит от длительности утраты физической свободы, времени, в течение которого потерпевший был лишен свободы. Продолжительность срока утраты потерпевшим физической свободы, влияющая на размер причиняемого вреда, была учтена в российском дореволюционном законодательстве. Так, в ст. 1540 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. ответственность за лишение свободы дифференцировалась в зависимости от следующих сроков нахождения потерпевшего в неволе: «не более недели»; «более недели, но не более трех месяцев»; «более трех месяцев [Есипов 1910: 70]. Различные варианты смягчения и (или) усиления уголовной ответственности в зависимости от длительности утраты физической свободы реализуются в зарубежном уголовном законодательстве (УК Республики Болгария, Республики Польша, Швейцарии, Испании, Австрии и Франции).

По мнению некоторых российских ученых, время нахождения потерпевшего в неволе должно быть учтено и при установлении ответственности за похищение человека и незаконное лишение свободы в УК РФ. К примеру, Т. Н. Нуркаева рекомендует дополнить соответственно чч. 2 и чч. 3 ст. 126 (Похищение человека) и 127 (Незаконное лишение свободы) квалифицирующими признаками: «с удержанием похищенного в неволе более 7 суток» и «с удержанием похищенного в неволе более 15 суток» Аналогичные изменения автор предлагает внести и в ст. 206 (Захват заложника) УК РФ [Нуркаева 2020: 130] Данная рекомендация в целом заслуживает поддержки. Вместе с тем с учетом оценки влияния сроков утраты физической свободы на степень общественной опасности содеянного и точности законодательных формулировок содержание предлагаемых признаков требует дальнейшей научной проработки. Как вариант, основываясь на российском дореволюционном и зарубежном законодательном опыте, можно рассмотреть возможность дополнения чч. 2 ст. 126 и 127 УК РФ квалифицирующим и особо квалифицирующим признаками – «с удержанием потерпевшего свыше 7 суток»; а чч. 3 ст. 126 и 127 УК РФ – «с удержанием потерпевшего свыше 30 суток».

Таким образом, уголовно-правое понятие «личный преступный вред» объединяет следующие его разновидности: физический, психический, иное существенное нарушение основных прав и свобод человека и имущественный вред.

Понятие «физический вред» используется в уголовном праве в узком смысле, в значении причинения физиологического вреда организму и (или) телу человека. Он включает такие виды преступного вреда, как смерть, вред здоровью, нарушение телесной неприкосновенности и утрату физической свободы человека.

Литература

- Анисимова И. А. Вред, причиненный здоровью человека: понятие, виды / Вестник Томского государственного университета. - 2007. - № 302. - С. 113-116.
- Галюкова М. И. Уголовная ответственность за побои: сравнительно-правовой аспект / Альманах современной науки и образования. - 2007. - № 2(2). - С. 284-286.
- Генетические исследования: законодательство и уголовная политика / под ред. И.Я Козаченко, Д.Н. Сергеева. М., 2021.
- Есипов В. В. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против личности и имущества М., 1910.
- Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004.
- Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991.
- Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики. М., 2020.
- Певцова Н. С. Право физического существования как новое комплексное конституционное право. М., 2023.
- Романовский Г. Б. Момент смерти как юридическая фикция / Медицинское право. - 2003. - № 2(2). - С. 27-30.
- Судебная медицина. Общая и Особенная части / С.Ф. Щадрин, С.И. Гирько, С.В. Николаев [и др.]. М., 2006.
- Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001.

References

- Anisimova, I. A. (2007). Harm to the human health: concept, varieties. Bulletin of Tomsk State University, 302, 113-116 (in Russian).
- Galyukova, M. I. (2007). Criminal liability for battery: comparative legal aspect. Almanac of modern science and education, 2(2), 284-286 (in Russian).
- Genetic research: legislation and criminal policy (2021). ed. by I. Y. Kozachenko, D. N. Sergeev. Moscow (in Russian).
- Esipov, V. V. (1910). Criminal Law. Part Particular. Crimes against person and property. Moscow (in Russian).
- Zhalinsky, A. E. (2004). Modern German Criminal Law. Moscow (in Russian).
- Zemlyukov, S. V. (1991). Criminal-legal problems of criminal harm. Novosibirsk (in Russian).
- Nurkaeva, T. N. (2020). Criminal-legal protection of the individual, his rights and freedoms: issues of theory and practice. Moscow (in Russian).
- Pevtsova, N. S. (2023). The right of physical existence as a new complex constitutional right. Moscow (in Russian).
- Romanovsky, G. B. (2003). Moment of death as a legal fiction. Medical Law, 2(2), 27-30 (in Russian).
- Forensic Medicine. General and Special Parts (2006). S. F. Shchadrin, S. I. Girko, S. V. Nikolaev [et al.]. Moscow (in Russian).
- Sharapov, R. D. (2001). Physical violence in criminal law. St. Petersburg (in Russian).

Citation:

Землюков С. В., Анисимова И. А. Физический вред личности: понятие, виды и способы описания в УК РФ // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 25-30.

Zemlyukov S. V., Anisimova I. A. (2024) Physical Trespass to the Person: Concept, Types and Approaches to Description in the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Linguistics, 33, 25-30.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Активное долголетие: вопросы реализации концепции в России

Н. И. Калашник¹, Е. В. Киселева², И. А. Прасолова³

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹nat.kalashnik@gmail.com,

²elenvik@inbox.ru, ³inna_prasolova@mail.ru

В статье исследуется правовой аспект понятия «активное долголетие». Подчеркивается актуальность темы, обусловленной увеличением продолжительности жизни, демографическим старением населения в России, что влечет за собой изменение социальной-экономической структуры современного российского общества. На сегодняшний день лица старшего возраста представляют собой значительную социально-возрастную группу в Российской Федерации. Это вызывает потребность формирования национальной системы нормативных правовых актов, направленной на реализацию концепции активного долголетия. Для достижения этой цели наиболее важно решить вопросы о необходимости легального закрепления понятия «активное долголетие» и определении субъектного состава концепции активного долголетия. Для этого проводится анализ международных актов о правах человека, концепции активного старения. На примере российских нормативных актов рассматривается субъектный состав, на который распространяется концепция активного долголетия. Для сравнения приводятся примеры национальных концепций активного долголетия в некоторых зарубежных странах. Делается вывод о том, что на сегодняшний день отсутствует легальное определение понятия активного долголетия в российских нормативных правовых актах, что является препятствием эффективного правового регулирования по улучшению уровня и условий жизни граждан старшего возраста. Авторы отмечают, что понятие «активное долголетие» целесообразно определять, акцентируя внимание на качестве жизни граждан старшего возраста. Такой подход будет способствовать объективной оценке условий жизнедеятельности рассматриваемой группы лиц и оптимизации правового регулирования отношений по реализации действий в интересах граждан старшего поколения (для удовлетворения материальных и духовных потребностей названных лиц).

Ключевые слова: активное долголетие, возрастной ценз, граждане старшего возраста, достойные условия жизни, концепция активного долголетия.

Active Longevity: Issues of Implementation Policy in Russia

N. I. Kalashnik, E. V. Kiseleva, I. A. Prasolova

Altai State University

Socialist St. 68, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹nat.kalashnik@gmail.com, ²elenvik@inbox.ru,

³inna_prasolova@mail.ru

The article examines the legal aspect of the concept of "active longevity". The relevance of the topic is emphasized, due to the increase in life expectancy, demographic aging of the population in the Russia, which entails a change in the socio-economic structure of modern Russian society. Today, senior citizens represent a significant social and age group in the Russian Federation. This brings about the necessity for the development of a national system of regulatory legal acts aimed at implementing the concept of active longevity. To achieve this goal, it is most important to resolve the issues of the need for legal consolidation of the concept of active longevity and determining the subjective structure of the concept of active longevity. For this purpose, an analysis of international acts on human rights, the concept of active aging is carried out. Using the example of Russian regulatory acts, the subjective structure is considered, to which the concept of active longevity applies. Examples of national concepts of active longevity in some foreign countries are given for reference. The conclusion is made that today there is no legal definition of the concept of active longevity in Russian regulatory legal acts, which is an obstacle for effective legal regulation to improve the standard and conditions of life of senior citizens. The authors note that it is advisable to specify the legal definition of the concept of active longevity by focusing on the quality of life of senior citizens. Such an approach will facilitate an objective assessment of the living conditions of the group of persons in question and the

optimization of legal regulation of implementation policy in the interests of senior citizens (to meet the material and spiritual needs of the persons mentioned).

Key words: active longevity, age qualification, senior citizens, decent living conditions, concept of active longevity.

Вопросы, связанные с активным долголетием, становятся актуальными в связи с изменением структуры народонаселения нашей страны, динамики продолжительности жизни, увеличением численности граждан старшего возраста. Согласно демографическому прогнозу Росстата, ожидаемая продолжительность жизни в России в 2025 году составит 73,87 года, а к 2045 году она вырастет до 79,83 года (по среднему варианту прогноза) [Росстат 2023]. Вместе с этим вырастет и доля населения старше трудоспособного возраста с 24,5% в 2023 году до 26,9% в 2045 году [Демография 2023: 23].

Активное долголетие тесно связано с проблемами демографического процесса «старения» населения в результате сокращения рождаемости. Тенденция ежегодного разрыва между молодежью и старшим поколением сохранится в ближайшие годы. Поэтому политика активного долголетия выступает на первый план во всех развитых странах как реакция на демографическое старение, нехватку трудовых ресурсов, кризис пенсионных систем [Колосницyna, Хоркина 2016: URL].

Интерес государства и общества к проблеме увеличения продолжительности жизни граждан старшего возраста, а также улучшения ее качества обусловлен важными социальными и экономическими причинами. К причинам социального характера следует, прежде всего, отнести важность для общества лиц старшего поколения как хранителей традиций, ценностей, опыта и необходимость формирования образа благополучного старения для создания позитивного представления о старости как о будущем этапе жизни. Среди причин экономического характера особую актуальность имеет влияние процесса старения общества на распределение финансовых ресурсов государства, развитие рынка труда и потребительского рынка.

Вопросы улучшения качества жизни граждан старшего возраста входят в сферу интересов международного сообщества и находят отражение в международных актах о правах человека: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г. [Повестка 2015], Глобальная стратегия и план действий по проблеме старения и здоровья на 2016-2020 гг. [Глобальная стратегия 2016], план Десятилетия здорового старения на период 2020-2030 гг. [План 2020].

Поскольку лица старшего возраста представляют собой значительную социально-возрастную группу общества, нормативное регулирование качества жизни этих лиц имеет важное значение для любого государства, в том числе Российской Федерации.

Согласно ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняется здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты [Конституция РФ 1993]. Следовательно, государственное регулирование условий жизни лиц старшего возраста должно быть направлено на создание достойных условий жизни и возможностей для реализации их потенциала.

Для решения задачи по обеспечению достойной жизни указанных лиц важно определить характеристики достойной жизни, которые может обеспечить государство с учетом стоящих перед ним задач и имеющихся материальных возможностей.

Ученые, изучающие старение и условия адаптации лиц старшего возраста (пожилых лиц) в обществе, предлагали разные концепции старения (модели жизнедеятельности этих лиц): успешное старение, продуктивное старение, гармоничное старение [Калачикова, Короленко, Нацун 2023: URL]. Как было указано выше, интерес к явлению старения нашел отражение и в международных актах. В 2002 г. в Мадридском международном плане действий по проблемам старения была сформулирована концепция активного старения [Григорьева, Богданова 2020: URL]. В документе указано, что цель Международного плана действий состоит в обеспечении пожилому населению всех стран мира возможности жить в безопасных и достойных условиях и продолжать участвовать в жизни общества в качестве полноправных граждан [Мадридский план 2002]. Согласно идее документа пожилые люди должны стать активной (и в социальном, и в экономическом аспекте) частью населения. Очевидно, что при таком подходе к жизнедеятельности указанной группы лиц исключается изоляция пожилых людей, возрастает уровень их потребностей, и они становятся ресурсной группой общества.

Идеи Мадридского международного плана действий по проблемам старения нашли отражение в российских актах, посвященных старшему поколению. Следует отметить, что в России вместо термина «активное старение» используется термин «активное долголетие», хотя смысловая нагрузка этих терминов тождественна [Калачикова, Короленко, Нацун 2023: URL]. Данное понятие встречается в таких актах, как Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г. (далее – Стратегия) [Распоряжение 2016] и Приказ Минтруда России от 12.04.2019 № 242 «Об утверждении рекомендаций по повышению эффективности мероприятий региональных программ, направленных на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения» [Приказ 2019]. При этом в названной Стратегии отсутствует определение указанного понятия, а Приказ Минтруда указывает, что Всемирной организацией здравоохранения (далее – ВОЗ) под активным долголетием подразумевается процесс обеспечения качества жизни граждан по мере старения населения через оптимизацию возможностей для поддержания здоровья, безопасности среды обитания и участия человека в жизни общества.

Представляется, что предложенное ВОЗ понятие активного долголетия делает акцент на деятельности государства. Активное долголетие определяется как процесс обеспечения качества жизни граждан. Так как качество жизни граждан обеспечивается государством, «является показателем эффективности государственного управления» [Ягмур 2023: URL], то активное долголетие в данном случае допустимо трактовать как систему государственных мер, направленных на удовлетворение потребностей граждан в здоровье, безопасной среде обитания, социальной активности.

Думается, что рассматриваемый вариант определения понятия «активное долголетие» может выступать в качестве препятствия для реализации концепции активного долголетия, так как не позволяет в полной мере оценить эффективное правовое регулирование в рассматриваемой сфере.

Также возникает вопрос по поводу субъектного состава, на который распространяется концепция активного долголетия. Как следует из нормативных актов [Послание 2018; Распоряжение 2016] и источников научной литературы [Григорьева, Богданова 2020: URL; Колосницына, Хоркина 2016: URL], посвященных данной тематике, при обозначении этих субъектов в основном используются два термина:

- 1) пожилые люди (граждане);
- 2) люди (граждане) старшего поколения (возраста).

Системный анализ вышеуказанных источников показывает, что данные термины используются как синонимы. Так, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018 г. В. В. Путин сказал: «Наш нравственный долг – всемерно поддержать старшее поколение, которое внесло огромный вклад в развитие страны. У пожилых людей должны быть достойные условия для активного, здорового долголетия...» [Послание 2018].

Что касается возраста, с которого граждане могут быть отнесены к пожилым людям или людям старшего поколения, то в Стратегии [Распоряжение 2016] во введении указывается, что для целей Стратегии к гражданам старшего поколения условно относятся граждане, начиная с 60 лет. В приказе Минтруда России от 12.04.2019 г. № 242 «Об утверждении рекомендаций по повышению эффективности мероприятий региональных программ, направленных на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения» в п. 3 указано, что для целей настоящих рекомендаций термин «старшее поколение» употребляется в отношении женщин, достигших возраста 55 лет и старше, и мужчин, достигших возраста 60 лет и старше. При этом отмечается, что в настоящее время в нормативных правовых актах Российской Федерации нет унифицированной терминологии, касающейся граждан старшего поколения. Общим признаком для данной группы населения является возрастной ценз, за основу которого можно взять возрастную периодизацию ВОЗ и ООН, пожилой возраст согласно которой начинается с возраста 60 лет. Также можно обратиться и к Федеральному проекту «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение» [Паспорт федерального проекта 2018], который был разработан в рамках национального проекта «Демография» и рассчитан на период с 2019 г. по 2024 г. Он также направлен на граждан старше 60 лет. При этом в нем отмечается, что это именно граждане старше трудоспособного возраста.

Таким образом, к гражданам старшего поколения относятся граждане, которые достигли возраста старше трудоспособного, а именно пенсионного возраста. Однако все вышеуказанные акты по вопросам активного долголетия были приняты еще до внесения изменений в Федеральный закон «О страховых пенсиях» [Федеральный закон 2018] касательно увеличения возраста выхода на страховую пенсию по старости, соответственно на момент их принятия возраст выхода на страховую пенсию по старости составлял: женщины – 55 лет, мужчины – 60 лет. Согласно же ст. 8 Федерального закона «О страховых пенсиях» с учетом переходных положений пенсионный возраст должен достигнуть отметок: женщины – 60 лет, мужчины – 65 лет. В связи с этим возникает вопрос, стоит ли ждать принятия новых актов по концепции активного долголетия, где возраст старшего поколения будет пересмотрен с учетом пенсионной реформы относительно возраста выхода на пенсию? И должна ли быть гендерная градация по возрасту, учитывая, что возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин различается, соответственно, женщины утрачивают трудоспособность и нуждаются в повышенной заботе государства раньше, чем мужчины.

Вместе с тем привязка возрастного ценза субъектного состава по программам «Активное долголетие» именно к пенсионному возрасту вызывает определенные вопросы. Так, согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ 2018] в качестве одной из целей указывается увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет. Таким образом, если брать за основу пенсионный возраст, то для активного долголетия у граждан остается не так уж и много времени. В связи с этим следует согласиться с позицией ученых, отмечающих необходимость распространения идей активного долголетия не только на людей преклонного возраста, но и на все остальные возрастные группы [Калачикова, Короленко, Нацун 2023: URL]. И как минимум программы «Активное долголетие» следует распространить на лиц предпенсионного возраста, под которым понимается возрастной период продолжительностью до пяти лет, предшествующий назначению лицу страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством Российской Федерации (ст. 144.1 УК РФ, подп. 4 п. 1 ст. 2 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 г. № 565-ФЗ) [Уголовный кодекс 1996; Федеральный закон 2023].

Интересным представляется комплексный (или всеобъемлющий) подход к понятию «активное долголетие», встречающийся в научной литературе и стратегических документах: активное долголетие представлено как превентивная концепция, направленная на вовлечение всех возрастных групп в процесс старения на протяжении всей жизни [Васильева 2022: 22].

В качестве примера можно привести опыт Камбоджи, где разработана Национальная политика по старению на 2017-2030 гг., направленная на будущее поколение граждан пожилого возраста с целью мотивации молодых людей подготовиться к здоровому и активному долголетию [Cambodia 2017: URL].

Показателен пример Национальной концепции политики активного долголетия в Кыргызской Республике 2024-2032 гг., где отмечено, что условия для активного долголетия закладываются на протяжении всей жизни и призваны улучшить качество жизни в старости [Национальная концепция 2022: URL].

Представляется, что в России для решения задач создания достойных условий жизни и повышения социально-экономической активности лиц старшего возраста понятие активного долголетия целесообразно определять с акцентом на состояние качества жизни. Такой подход к содержанию указанного понятия вполне соответствует Стратегии, результатом реализации которой является создание условий для активного долголетия граждан старшего поколения, которые позволят повысить их уровень и качество жизни.

Российские ученые подтверждают обоснованность сделанного вывода. В научно-методологическом докладе НИУ ВШЭ «Концепция политики активного долголетия» оно определяется как «состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии» [Овчарова, Морозова, Сидоренко, Синявская, Червякова 2020: URL]. Однако российским законодателем этот подход не был воспринят.

Содержание понятия активного долголетия, его нормативное закрепление представляет важность для создания в России эффективного механизма правового регулирования отношений по реализации действий в интересах граждан старшего поколения. Определение легального понятия активного долголетия как состояния жизнедеятельности граждан старшего возраста предполагает необходимость установления критериев оценки уровня и условий жизни этих граждан в рамках концепции политики активного долголетия. Проведение систематического мониторинга таких критериев позволит выявлять недостатки правовых средств и устанавливать направления развития законодательства в данной сфере.

Литература

Васильева Е. В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю. Г. Лавриковой. Екатеринбург, 2022.

Глобальная стратегия и план действий по проблеме старения и здоровья на 2016-2020 гг. (принята 69 сессией Всемирной Ассамблеи здравоохранения 28 мая 2016 г.). URL: <https://iris.who.int/handle/10665/253378>

Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии covid-19 / *Laboratorium*: журнал социальных исследований. - 2020. - 12(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-aktivnogo-stareniya-v-evrope-i-rossii-pered-litsom-pandemii-covid-19>

Демография 2030. Как обеспечить устойчивый рост населения Российской Федерации. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации / С. И. Рыбальченко, А. В. Коротаев, И. А. Ефремов и др.; отв. ред. С. И. Рыбальченко. М., 2023.

Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия / Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2023. - № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-issledovaniya-aktivnogo-dolgoletiya>

Колосницына М., Хоркина Н. Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт / Демографическое обозрение. - 2016. - Том 3. - № 4. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/3204>

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской. М., 2020. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf>

Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 г. (принят второй Всемирной Ассамблеей по проблемам старения, апрель 2002г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml

Национальная концепция политики активного долголетия: Научно-методологический доклад, Кыргызстан, 2022. URL: <https://agenet.org/kg/wp-content/uploads/2023/01/Koncepciya-finalnaya-versiya-15.09.2022.pdf>

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/

О занятости населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/

О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2018 г. № 204. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/

- О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/
- Об утверждении рекомендаций по повышению эффективности мероприятий региональных программ, направленных на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения: Приказ Минтруда России от 12 апреля 2019 г. № 242. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335836/
- План Десятилетия здорового старения на период 2020-2030 гг. (подготовлен Всемирной Организацией здравоохранения в феврале 2020 г.). URL: <https://www.who.int/ru/publications/m/item/decade-of-healthy-ageing-plan-of-action>
- Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г. (принята Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2015 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765>
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/
- Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение»: паспорт федерального проекта. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/>
- Росстат: ожидаемая продолжительность жизни при рождении от 29 декабря 2023 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=ожидаемая+продолжительность+жизни>
- Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- Язмур Е. А. Факторы обеспечения качества жизни населения как основа управления благосостоянием народа в новых субъектах Российской Федерации / Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. – 2023. – V. 3. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-obespecheniya-kachestva-zhizni-naseleniya-kak-osnova-upravleniya-blagosostoyaniem-naroda-v-novyh-subektah-rossiyskoj>
- Cambodia (2017). National Ageing Policy 2017-2030. To Further Improve Well-Being of Older Persons of Cambodian People. URL: https://cambodia.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/NAP%202017-2030_%20Final_English-Printed.pdf.

References

- Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of March 1, 2018. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (in Russian).
- Cambodia (2017). National Ageing Policy 2017-2030. To Further Improve Well-Being of Older Persons of Cambodian People. URL: https://cambodia.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/NAP%202017-2030_%20Final_English-Printed.pdf
- Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (in Russian).
- Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (in Russian).
- Demography 2030. How to ensure sustainable population growth in the Russian Federation. Special report of the Public Chamber of the Russian Federation (2023) / S. I. Rybalchenko, A. V. Korotaev, I. A. Efremov, et al.; editor-in-chief S. I. Rybalchenko. Moscow (in Russian).
- Development and implementation of a program of systemic support and improvement of the quality of life of senior citizens "Older Generation": passport of the federal project. Available from: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/> (in Russian).
- Global strategy and action plan on ageing and health 2016–2020 (adopted by the 69th World Health Assembly on 28 May 2016). Available from: <https://iris.who.int/handle/10665/253378> (in Russian).
- Grigorieva, I., Bogdanova, E. (2020). The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the covid-19 pandemic. *Laboratorium: journal of social research*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-aktivnogo-stareniya-v-evrope-i-rossii-pered-litsom-pandemii-covid-19> (in Russian).
- Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V., Natsun, L. N. (2023). Theoretical and methodological foundations of the study of active longevity. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-issledovaniya-aktivnogo-dolgoletiya> (in Russian).
- Kolosnitsyna, M., Khorkina, N. (2016). State policy of active longevity: what does the world experience show? *Demographic Review*. Available from: <https://demreview.hse.ru/article/view/3204> (in Russian).
- Madrid International Plan of Action on Ageing 2002 (adopted by the Second World Assembly on Ageing, April 2002). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (in Russian).
- National concept of active ageing policy: Scientific and methodological report (2022). Kyrgyzstan. Available from: <https://agenet.org.kg/wp-content/uploads/2023/01/Koncepciya-finalnaya-versiya-15.09.2022.pdf> (in Russian).

On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Appointment and Payment of Pensions: Federal Law of October 3, 2018 № 350-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (in Russian).

On approval of recommendations for increasing the effectiveness of regional program activities aimed at strengthening health, increasing the period of active longevity and healthy life expectancy of senior citizens: Order of the Ministry of Labor of Russia dated April 12, 2019 № 242. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335836/ (in Russian).

On employment of the population in the Russian Federation: Federal Law of December 12, 2023 №. 565-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (in Russian).

On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 № 204. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (in Russian).

On insurance pensions: Federal Law of December 28, 2013 № 400-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (in Russian).

Plan for the Decade of Healthy Ageing for the period 2020-2030 (prepared by the World Health Organization in February 2020). Available from: <https://www.who.int/ru/publications/m/item/decade-of-healthy-ageing-plan-of-action> (in Russian).

Rosstat: life expectancy at birth as of 12/29/2023. Available from: <https://rosstat.gov.ru/search?q=ожижаемая+продолжительность+жизни> (in Russian).

Strategy of actions in the interests of senior citizens in the Russian Federation until 2025: Order of the Government of the Russian Federation of February 5, 2016 № 164-р. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ (in Russian).

The concept of active longevity policy: scientific and methodological report to the XXI April international scientific conference on problems of economic and social development, Moscow, 2020 (2020) / edited by L. N. Ovcharova, M. A. Morozova, O. V. Sinyavskaya. Moscow. Available from: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf> (in Russian).

The 2030 Agenda for Sustainable Development (adopted by the UN General Assembly in September 2015). Available from: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (in Russian).

Vasilyeva, E. V. (2022). The concept of active longevity: possibilities and limitations of implementation in Russia / edited by Yu. G. Lavrikova. Ekaterinburg (in Russian).

Yagmur, E. A. (2023). Factors of ensuring the quality of life of the population as the basis for managing the welfare of the people in the new subjects of the Russian Federation. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-obespecheniya-kachestva-zhizni-naseleniya-kak-osnova-upravleniya-blagosostoyaniem-naroda-v-novyh-subektah-rossiyskoy> (in Russian).

Citation:

Калашник Н. И., Киселева Е. В., Прасолова И. А. Активное долголетие: вопросы реализации концепции в России // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 31-36.

Kalashnik N. I., Kiseleva E. V., Prasolova I. A. (2024) Active Longevity: Issues of Implementation Policy in Russia. Legal Linguistics, 33, 31-36.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие и признаки экономической деятельности как объекта уголовно-правовой охраны

А. А. Коренная

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: lawer_ann@mail.ru

Экономическая деятельность является систематизирующей категорией российского уголовного права и предметом изучения в различных науках гуманитарного цикла. В настоящей статье автор аргументирует суждение о необходимости выделения и осмысления автономной уголовно-правовой категории «объект уголовно-правовой охраны», являющейся базовым элементом формирования эффективного уголовного закона и отличающейся по объему и содержанию от юридической конструкции объекта преступления. На основе междисциплинарного подхода и анализа теоретических положений, сформированных в экономической теории, социологии, философии, правовых науках, выделены признаки экономической деятельности (экономическая мотивация, активный и многосубъектный характер), являющиеся социальным основанием для формирования концепции уголовно-правовой охраны экономической деятельности. Экономическая деятельность как объект уголовно-правовой охраны рассмотрена как единое структурируемое общественное отношение (фактический уровень исследования) и как объект первичного правового регулирования позитивными отраслями права (нормативный уровень исследования). Подобный методологический прием обеспечивает достоверность выводов и позволяет соблюдать фундаментальное требование системности правового регулирования аналогичных общественных отношений различными отраслями права.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, объект уголовно-правовой охраны, объект преступления, уголовный закон, концепция формирования уголовного закона.

The Concept and Attributes of Economic Activity as an Object of Criminal Legal Protection

A. A. Korennaya

Altai State University

61 Lenin st., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: lawer_ann@mail.ru

Economic activity is an organizing category of Russian criminal law and a subject of study in various humanities. In this article, the author argues for the need to identify and interpret the autonomous criminal legal category of "object of criminal legal protection," which is a basic element in the development of an effective criminal law and which is different in scope and content from the legal structure of the target of crime. Based on an interdisciplinary approach and analysis of theoretical principles of economic theory, sociology, philosophy, and legal sciences, the attributes of economic activity (economic motivation, active and multi-subject nature) are identified, which serve as social basis for the development of the concept of criminal legal protection of economic activity. Economic activity as an object of criminal legal protection is considered as a single structured social relation (state of facts research) and as an object of primary legal control by positive branches of law (regulatory level research). This technique ensures the reliability of the conclusions and allows one to comply with the fundamental requirement for consistent legal regulation of similar social relations by various branches of law.

Key words: economic crimes, object of criminal legal protection, target of crime, criminal law, concept of criminal law development.

Современная наука изобилует определениями «экономической деятельности», предлагая, на первый взгляд, самые разнообразные подходы к установлению ее объема и содержания. В экономической теории наиболее широкое понимание экономической деятельности основано на определении экономики как «сферы деятельности людей, в которой создаются материальные и духовные ценности для удовлетворения разнообразных потребностей

человека, а более конкретно – национальное хозяйство, совокупность его отраслей, где производятся материальные и духовные блага. Отсюда следует, что общая (глобальная) функция экономики – производство, создание национального богатства, служащего интересам людей. Она проявляется в особенных (частных) функциях, присущих различным фазам воспроизводства. Воспроизводство охватывает четыре фазы: производство, распределение, обмен и потребление» [Жилинский 2001: 9-10]. В приведенном определении результатом экономической деятельности могут быть не только материальные, но и духовные ценности, блага. Благо, в этом случае, – все то, что включает в себе определенный положительный смысл: предмет, явление, продукт труда, удовлетворяющий определенную человеческую потребность и отвечающий интересам, целям, устремлениям людей; или, в более узком понимании, – совокупность всех желаемых индивидами материальных и нематериальных ресурсов (нематериальное благо), удовлетворяющих человеческие потребности [Карпенко 2019: 281]. Нематериальное благо в экономической науке рассматривается как продукт человеческого физического и духовного труда, удовлетворяющий потребности человека [Левченко 2019: 22-26]. Нематериальные блага, например навыки предпринимательской деятельности, знания, результаты научной и творческой деятельности, являются одним из важнейших ресурсов существования и развития экономической системы. Обладая классическими свойствами потребительской и меновой стоимости, они становятся неотъемлемой частью экономической деятельности. Под нематериальными благами, являющимися предметами (целями) экономической деятельности в наиболее широком значении, определяющем, в том числе, объем уголовно-правовой охраны, следует понимать ценности, которые используются в процессе производства, распределения и обмена, имеют товарную стоимость, но не имеют физической формы.

Экономическая деятельность состоит из множества взаимосвязанных простых экономических действий, осуществляемых индивидуальными или коллективными субъектами. Содержание экономической деятельности образуют цели ее осуществления, а именно: удовлетворение потребностей посредством обмена и средства ее достижения – ресурсы обмена. Имманентными свойствами экономических отношений является осуществление в условиях ограниченности ресурсов, следствием которой является возможность их альтернативного использования; ненасильственный характер господства над ресурсами; нацеленность на обеспечение жизнедеятельности людей; количественная определенность целей и средств. Таким образом, экономическое отношение можно определить как общественное отношение, определяемое целью (получение блага, имеющее меновую стоимость) и средствами достижения цели, которые устанавливаются ограниченностью ресурсов и возможностью их альтернативного потребления. Ограниченность ресурсов, требуемых для удовлетворения потребностей, – краеугольный камень экономической науки и основная характеристика экономического отношения [Роббинс URL], а обусловленный этим имманентный конфликт является предпосылкой, требующей установление режима уголовно-правовой охраны экономических отношений.

В социологии содержание экономической деятельности раскрывается путем указания на то, что это динамичная система активного воздействия личности, социальной группы или общества на окружающую природную и социальную действительность, в процессе которого происходит преобразование этой деятельности, производство необходимых для людей жизненных благ, а также воспроизводство человека как существа общественного. Экономическую деятельность осуществляют люди, занимающиеся трудом и создающие продукты труда – разнообразные товары [Бабосов 2004 URL]. Под экономической деятельностью предложено понимать конкурентную реализацию правоспособности граждан, обществ и государств по их жизнеобеспечению, развитию и удовлетворению иных потребностей и интересов [Казанцев 2015: 93]. Основатель направления в экономике под названием «философия хозяйства» профессор Ю. М. Осипов, раскрывая понятие экономической механизм, указывает: «Экономический значит товарный, обменно-оценочный, денежный, стоимостной. Экономика – не все хозяйство, а лишь соответствующим образом организованная его часть» [Осипов 2006 URL].

Философия изучает онтологические, гносеологические и методологические аспекты экономики. Экономика в целом является предметом философского осмысления более двух тысяч лет. Зачатки экономического анализа составляют незначительную часть наследия, оставленного античными мыслителями, однако их экономическая наука является ключом ко всем последующим трудам [Вырская 2010: 133]. Аристотель впервые разделяет экономику на истинную (ойкономикос) и ложную (хресматика). Для общего понимания экономической деятельности учение Аристотеля имеет важное значение, так как отражает два ее самостоятельных проявления: потребление и производство. Помимо выделения производства и потребления в качестве двух взаимосвязанных, но самостоятельных частей экономической деятельности, важную роль в современном понимании экономической деятельности имеют идеи Аристотеля об ее этической, нравственной составляющей [Алексеев 2008: 15]. В настоящее время можно уверенно констатировать, что экономическая деятельность неотъемлемо вплетена в культуру, этику, религию. В последние годы большую популярность приобретает теория так называемого социального предпринимательства. В 2019 г. это понятие в России было закреплено на законодательном уровне. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» социальное предпринимательство – предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными ч. 1 ст. 24.1 настоящего Федерального закона.

Итак, в науках гуманитарного цикла представлены разнообразные подходы к определению содержания экономической деятельности, каждый из которых определяет различные аспекты общей категории, охраняемой уголовным правом. Признаки экономической деятельности определяются следующим образом:

- представляет собой активные действия, то есть с позиции теории государства и права, гражданского права речь

идет о действиях в узком смысле слова - активных, а не о воздержании от действия [Долинская 2018: 8];

- такая деятельность является сознательной, волевой, целенаправленной;
- правовые формы экономической деятельности имеют место в различных отраслях, подотраслях и институтах права, например, материальное и нематериальное производство опосредуют трудовой договор, договор подряда, авторский договор, распределение – общая собственность и корпоративные отношения, обмен – договоры купли-продажи и налоговое право, деление потребления на личное и производительное отразится на квалификации видов экономической деятельности;
- цель экономической деятельности – удовлетворение материальных и духовных потребностей;
- промежуточный результат – создание (изменение) объектов прав (так как каждый объект гражданского правоотношения обладает способностью удовлетворять какие-либо потребности субъектов) [Пиголкин 1995: 106].

На основе вышеизложенного выделим следующие признаки экономической деятельности, определяющие необходимость и возможность ее уголовно-правовой охраны:

- 1) экономическая деятельность является частным видом социальной деятельности;
- 2) предметом экономической деятельности являются материальные и нематериальные блага, посредством которых индивид удовлетворяет потребности;
- 3) признак экономической мотивации отражает обобщенную характеристику субъективного отношения лица к принятию экономических решений и совершению поведенческих актов. В экономической теории аксиоматичным признается суждение, что экономика связана с мотивацией до степени смешения, экономика и есть выражение соответствующей мотивации [Афанасьев 2011: 26], понимаемая как имплицитная составляющая, формирующая активность, побудительность и направленность деятельности человека в экономической сфере [Щербаков 2012: 65]. Подобное значение экономической мотивации соответствует содержанию общей категории «мотивация», сформированному в психологической науке, где мотивация определяется как совокупная система процессов, отвечающих за побуждение и собственно сама деятельность [Хекхаузен 2003 URL], или динамический процесс психофизиологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость, а также способность человека деятельно удовлетворять свои потребности [Маслоу 1999 URL], как источник активности и одновременно система побудителей [Горская 2015: 219]. Экономическая мотивация предполагает наличие цели, что позволяет оценить экономическую деятельность как целенаправленную.
- 4) экономическая мотивация обуславливает следующий имманентный признак экономической деятельности – это всегда активная форма индивидуального либо коллективного экономического поведения. Данный признак позволяет разграничить два типа экономических отношений, условно именуемые статичными (отношения собственности) и динамичными (отношения в связи с осуществлением экономической деятельности), что, в свою очередь, является основанием как для структурирования уголовного закона, так и для формирования правил криминализации (декриминализации) отклоняющегося экономического поведения;
- 5) активный характер экономической деятельности предполагает, что она осуществляется путем взаимодействия между субъектами и объектами материального мира (природными ресурсами, продуктами и т. д.), имеющими свойство ограниченности, определяющее содержание экономического отношения. Отношения, возникающие в сфере экономической деятельности, во всяком случае предполагают наличие как минимум двух субъектов, которые взаимодействуют как по поводу объекта, так и между собой в связи с реализацией экономического интереса.

Легального определения экономической деятельности в действующем российском законодательстве нет. Понятие «экономическая деятельность» широко представлено в различных отраслях российского права, в частности, в ст. 8, 34 Конституции РФ; ст. 1, 27 АПК РФ; ст. 19 ГК РФ; КоАП РФ; п. 4 ст. 3 НК РФ; гл. 22 УК РФ; гл. III «Основы экономической деятельности в области почтовой связи» Федерального закона от 17.07. 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» и др. В Конституции РФ термин «экономическая деятельность» упомянут в двух нормах – в ст. 8, устанавливающей единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности, и в ст. 34, в которой закреплено право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Конституционный смысл экономической деятельности весьма широкий. Ч. 1 ст. 34 Конституции РФ говорит не только об использовании имущества, но и о человеческих способностях в достижении экономических интересов. Вследствие этого к видам экономической деятельности относят трудовую деятельность, [Глушченко 2015: 34] интеллектуальную, в том числе деятельность по созданию авторских произведений и последующему их экономическому использованию [Фалалеев 2013: 32]. Право на экономическую деятельность рассматривается как право извлекать материальные выгоды, в том числе в виде доходов, от эксплуатации имущества, выполнения работ, оказания услуг и прочих возможных вариантов использования своих способностей [Сибгатуллина 2021: 5]. При этом приобретение какого-либо специального правового статуса для реализации данного субъективного права не требуется [Надежин 2008: 12]. Объявленная в ст. 8 Конституции РФ свобода экономической деятельности означает право гражданина заниматься извлечением доходов и иных полезных имущественных результатов от своей деятельности без дополнительного государственного контроля. Таким образом, конституционно-правовое значение экономической деятельности является обобщающим, включающим в себя все любые виды индивидуальной или коллективной деятельности, направленные на удовлетворение материальных и духовных потребностей в условиях свободы осуществления такой деятельности.

Конституционная свобода экономической деятельности развивается и закрепляется в отраслевом законодательстве. В АПК РФ термин «экономическая деятельность» упоминается в ст. 1 и ст. 27. В соответствии с ч. 1 ст. 27 АПК РФ арбитражный суд рассматривает дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Определение предпринимательской деятельности как части экономической вопросов не вызывает (ст. 2 ГК РФ). Относительно определения иной экономической деятельности как предмета экономического спора в процессуальной науке высказано множество мнений и суждений. Например, под иной экономической деятельностью предложено понимать:

- деятельность, которая в качестве приоритетного направления имеет регулярное получение прибыли, однако на регулярной основе она приносит доход [Жуйков 1997 URL];
- содержанием экономического спора являются имущественные последствия его участников [Пименова 2016: 134];
- деятельность участников гражданского оборота по осуществлению своих имущественных прав, в том числе в публично-правовых отношениях, так или иначе связанных с предпринимательством, например с регистрационными, налоговыми, таможенными, антимонопольными и иными государственными органами, наделенными властными полномочиями по регулированию экономической деятельности [Нечаев 2010: 107];
- деятельность, направленную на достижение уставных целей организаций, которые могут и не являться коммерческими (например, деятельность администрации муниципального образования, уставная деятельность общественной некоммерческой организации) [Барбакандзе 2012: 92].

Конституционный Суд РФ рассматривает в качестве «иной экономической деятельности», например, инвестирование гражданами своих сбережений посредством заключения договоров банковского вклада в расчете на получение дохода в виде процентов. В соответствии с п. 2 указанного Постановления граждане посредством заключения договоров банковского вклада осуществляют иную не запрещенную законом экономическую деятельность, рассчитывая при этом получить доход в виде процентов по вкладу [Постановление Конституционного суда]. Верховный Суд РФ разъяснил, что в целях единообразного применения судами положений гл. 4 АПК РФ к иной экономической деятельности следует относить в том числе деятельность хозяйствующих и иных субъектов (ст. 23 ГК РФ, пп. 1 и 3 ст. 50 ГК РФ), связанную с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице (ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ), осуществлением указанными субъектами своих имущественных и неимущественных прав в сфере производства, распределения, обмена, промышленного потребления ресурсов и благ, восстановлением и поддержанием на надлежащем уровне функционирования юридического лица, необходимого для достижения его уставных целей [Постановление Пленума]. В судебной практике предложены следующие подходы к определению иной экономической деятельности: экономическая деятельность представляет собой совокупность систематически совершаемых действий, направленных на достижение определенного экономического и общественно полезного результата и не имеющих единственной целью извлечение прибыли [Постановление ФАС]; такая деятельность имеет экономическую базу и направлена на удовлетворение потребностей и интересов в диапазоне общественного производства [Постановление Президиума]. Наиболее полное определение экономической деятельности изложено в Определении Верховного Суда РФ от 16.09.2020 № 305-ЭС20-4513 по делу № А40-240512: термин «экономика» имеет различные научные толкования, большинство из которых объединяет единая концепция – экономикой является деятельность общества, связанная с производством, распределением, обменом, потреблением ресурсов и благ. В связи с этим экономической деятельностью принято считать взаимосвязанную совокупность процессов (в число которых входит и предпринимательская деятельность), возникающих в результате указанной выше деятельности общества, целью которой является получение максимального положительного результата при потреблении ресурсов и благ при одновременном стремлении минимизировать влияние факторов, которые могут оказать негативный эффект [Определение Верховного суда]. При установлении правового значения экономической деятельности также необходимо учитывать, что помимо общей компетенции арбитражные суды рассматривают иные споры, вытекающие из экономической деятельности, в силу специальной компетенции арбитражные суды рассматривают следующие категории дел: о несостоятельности (банкротстве) физических и юридических лиц; дела по корпоративным спорам (перечислены в ст. 225.1 АПК РФ); об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей; вытекающие из деятельности депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги и с осуществлением предусмотренных федеральным законом иных прав и обязанностей; вытекающие из деятельности публично-правовых компаний, государственных компаний, государственных корпораций и связанным с их правовым положением, порядком управления ими, их созданием, реорганизацией, ликвидацией, организацией и с полномочиями их органов, ответственностью лиц, входящих в их органы; о защите интеллектуальных прав с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами, а также по спорам, отнесенным к подсудности Суда по интеллектуальным правам; о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера (ст. 248.1 АПК РФ).

На основании вышеизложенного представляется, что экономическая деятельность для целей формирования уголовного закона может быть определена следующим образом: индивидуальная или коллективная деятельность человека (всегда активная форма поведения), осуществляемая с целью получения максимального положительного результата при потреблении ресурсов и благ (при условии их ограниченности) при одновременном стремлении минимизировать влияние факторов, которые могут оказать негативный эффект.

Таким образом, экономическая деятельность как объект уголовно-правовой охраны определяется совокупностью

ее фактического (социального значения) и нормативных признаков. Экономическая деятельность характеризуется совокупностью следующих признаков: является частным видом социальной активности индивида, ее предметом выступают материальные и нематериальные блага, экономической деятельности присущ признак мотивации, она имеет волевой характер, представляет собой активную форму поведения, а экономическое отношение имеет многосубъектную структуру. Нормативное содержание экономической деятельности определяется совокупностью признака систематичности и направленности на извлечение дохода как основной цели ее осуществления.

Литература

- Алексеев Н. А. Экономические учения Платона и Аристотеля / Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. - 2008. - № 2. - С. 15.
- Афанасьев И. В. Свойства экономической мотивации / Статистика и экономика. - 2011. - № 6. - С. 28.
- Бабосов Е. М. Экономическая социология. Вопросы и ответы. Минск, 2004. URL: <https://g.eruditor.one/file/3494306/>
- Барбакадзе В. Т. Актуальные вопросы, возникающие при определении подведомственности дел арбитражным судам и судам общей юрисдикции (часть 1) / Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2012. - № 1. - С. 92.
- Вырская М. С. Философия и экономическая наука: эволюция и траектории развития / Terra Economicus. - 2010. - № 2. - С. 133.
- Глуценко А. В. Эволюция правового закрепления права на труд в России / Экономика и социум. - 2015. - № 6-2(19). - С. 579.
- Горская Н. Е. Теоретические подходы к исследованию структуры мотивации личности / iPolytech Journal. - 2015. - № 1. - С. 219.
- Гражданское право: юридические факты: Учеб. пособ. / Отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев. (Сер.: Гражданское право / Науч. ред. В.Л. Слесарев.) М., 2017.
- Долинская В. В. Экономическая деятельность и ее виды / Законы России: опыт, анализ, практика. - 2018. - № 3. - С. 8.
- Жилинский С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): Учебник для вузов. - 3-е изд., изм. и доп. М., 2001.
- Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997.
- Казанцев М. Н. Правовые смыслы экономической деятельности. Правовое определение экономики / Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / Е.Г. Азарова, А.А. Аюрова, М.К. Белобабченко и др.; отв. ред. А.В. Габов. М., 2015.
- Левченко Л. В., Карпенко О. А. Основные характеристики рынка духовных благ и услуг в микроэкономик / Наука XXI века: актуальные направления развития. - 2019. - № 2-2. - С. 22-26.
- Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 1999. URL: <https://training-center.bg/wp-content/uploads/2013/02/11-Абрахам-Маслоу-МОТИВАЦИЯ-И-ЛИЧНОСТ.pdf>
- Менгер К. Избранные работы. М., 2005. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=276565>
- Надежин Н. Н. Понятие и соотношение предпринимательской и экономической деятельности / Проблемы правоохранительной деятельности и образования: Сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов, соискателей. Белгород, 2008.
- Нечаева С. Предметный критерий разграничения подведомственности дел в судах / Государственная служба. - 2010. - № 6. - С. 107-108.
- Общая теория права: Учебник / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1995.
- ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 23.12.2021). СПС «Консультант Плюс».
- Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2020г. № 305-ЭС20-4513 по делу № А40-240512.
- Осинов Ю. М. Экономический механизм / Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. - 2006. - № 4(46). URL: <http://forum.barrel.ru/>
- Пименова Е. Н. Модернизация гражданского законодательства и компетенции арбитражных судов / Вестник Российского университета кооперации. - 2016. - № 4. - С. 134.
- Постановление Госкомстата РФ от 31.01.1998 № 7 (ред. от 27.06.2005) «Об утверждении Основных методологических положений по оценке скрытой (неформальной) экономики».
- Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств».
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»
- Постановление Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 08.11.2005г. № 8923.
- Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.09.2006г. по делу № А56-57150/2005.

- Роббинс Л. Предмет экономической науки / THESIS. - 1993. - Вып. 1. URL: https://igiti.hse.ru/data/058/314/1234/1_1_1Robb.pdf
- Сибгатуллина Г. М. Понятие и содержание конституционного права на занятие экономической деятельностью в Российской Федерации / Безопасность бизнеса. - 2021. - № 5. - С. 5.
- Фалалеев А. С. Распоряжение исключительным правом автора на производство: диссертация. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М., 2003. URL: http://flogiston.ru/library/hechauen_2
- Щербачев И. В. Анализ мотивационных конструкций экономической деятельности в различных экономических системах / Экономические науки. - 2012. - № 8. - С. 65.

References

- Alekseev, N. A. (2008). Economic teachings of Plato and Aristotle. Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov, 2, 15 (in Russian).
- Afanasyev, I. V. (2011). Properties of economic motivation. Statistics and Economics, 6, 28 (in Russian).
- Babosov, E. M. (2004). Economic sociology. Questions and answers. Minsk. Available from: <https://g.eruditor.one/file/3494306/> (in Russian)
- Barbakadze, V. T. (2012.) Current issues arising in determining the jurisdiction of cases to arbitration courts and courts of general jurisdiction (part 1). Bulletin of the Saratov State Legal Academy, 1, 92 (in Russian).
- Vyrskaya, M. S. (2010.) Philosophy and economic science: evolution and development trajectories. Terra Economicus, 2, 133 (in Russian).
- Glushchenko, A. V. (2015). Evolution of the legal recognition of the right to work in Russia. Economy and Society, 6-2(19), 579 (in Russian).
- Gorskaya, N. E. (2015). Theoretical approaches to the study of the structure of personal motivation. iPolytech Journal, 1, 219 (in Russian).
- Civil law: legal facts: Textbook. (2017). Rep. ed. V.V. Dolinskaya, V.L. Slesarev. (Ser.: Civil law / Scientific editor. V.L. Slesarev.) Moscow (in Russian).
- Dolinskaya, V. V. (2018). Economic activity and its types. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 3, 8 (in Russian).
- Zhilinsky, S. E. (2001). Business law (legal basis of entrepreneurial activity): Textbook for universities. 3rd ed., rev. and additional. Moscow (in Russian).
- Zhuikov, V. M. (1997). Judicial protection of the rights of citizens and legal entities. Moscow (in Russian).
- Kazantsev, M. N. (2015). Legal meanings of economic activity. Legal definition of economics. Law and economic activity: modern challenges: monograph / E. G. Azarova, A. A. Ayurova, M. K. Belobabchenko and others; resp. ed. A. V. Gabov. Moscow (in Russian).
- Levchenko, L. V., Karpenko, O. A. (2019). Main characteristics of the market of spiritual goods and services in microeconomics. Science of the XXI century: current directions of development, 2-2, 22-26 (in Russian).
- Maslow, A. G. (1999). Motivation and personality. St. Petersburg. Available from: <https://training-center.bg/wp-content/uploads/2013/02/11-Абрахам-Маслоу-МОТИВАЦИЯ-И-ЛИЧНОСТ.pdf> (in Russian).
- Menger, K. (2005). Selected works. Moscow. Available from: <https://znanium.com/catalog/document?id=276565> (in Russian).
- Nadezhin, N. N. (2008). The concept and relationship between entrepreneurial and economic activities. Problems of law enforcement and education: Collection of scientific works of doctoral students, adjuncts, graduate students, applicants. Belgorod (in Russian).
- Nechaeva, S. (2010). Subject criterion for delimiting the jurisdiction of cases in the courts. State Service, 6, 107-108 (in Russian).
- General theory of law: Textbook / Ed. A. S. Pigolkin. Moscow, 1995.
- OK 029-2014 (NACE Rev. 2). All-Russian classifier of types of economic activity (approved by Order of Rosstandart dated January 31, 2014 No. 14-st) (as amended on December 23, 2021). SPS "Consultant Plus" (in Russian).
- Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 16, 2020. No. 305-ES20-4513 in case No. A40-240512 (in Russian).
- Osipov, Yu. M. (2006). Economic mechanism. Philosophy of economy. Almanac of the Center for Social Sciences and Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, 4(46). Available from: <http://forum.barrel.ru/> (in Russian)
- Pimenova, E. N. (2016). Modernization of civil legislation and the competence of arbitration courts. Bulletin of the Russian University of Cooperation, 4, 134 (in Russian).
- Resolution of the State Statistics Committee of the Russian Federation dated January 31, 1998 No. 7 (as amended on June 27, 2005) "On approval of the Basic Methodological Provisions for Assessing the Hidden (Informal) Economy" (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 22, 2002. No. 14-P "In the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of the Federal Law "On the Restructuring of Credit Institutions", paragraphs 5 and 6 of Article 120 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in connection with complaints from citizens, a complaint from the regional public organization "Association for the Protection of Rights shareholders and investors" and the complaint of OJSC "Voronezh Design Bureau of Antenna-Feeder Devices" (in Russian).

Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 23, 2021. No. 46 "On the application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation when considering cases in the court of first instance" (in Russian).

Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated November 8, 2005. No. 8923 (in Russian).

Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the North-Western District dated September 27, 2006. in case No. A56-57150/2005 (in Russian).

Robbins, L. (1993). Subject of economic science. THESIS, 1. Available from:

https://igiti.hse.ru/data/058/314/1234/1_1_1Robb.pdf (in Russian)

Sibgatullina, G. M. (2021). The concept and content of the constitutional right to engage in economic activity in the Russian Federation. *Business Security*, 5, 5 (in Russian).

Falaleev, A. S. (2013). Disposal of the author's exclusive right to a work: dissertation. ...cand. legal sciences. Moscow (in Russian).

Heckhausen, H. (2003). Motivation and activity. T. 1. Moscow. Available from: http://flogiston.ru/library/hechauzen_2 (in Russian)

Shcherbakov, I. V. (2012). Analysis of motivational structures of economic activity in various economic systems. *Economic Sciences*, 8, 65 (in Russian).

Citation:

Коренная А. А. Понятие и признаки экономической деятельности как объекта уголовно-правовой охраны // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 37-43.

Korennaya A. A. (2024) The Concept and Attributes of Economic Activity as an Object of Criminal Legal Protection. *Legal Linguistics*, 33, 37-43.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

К проблеме определения субъектов уголовного права

В. Н. Куфлева

Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, 350040, Краснодар, Россия. E-mail: val_swatch@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению теоретической характеристики субъектов уголовного права. Отмечено, что сбалансированность полноценной теории субъектов уголовного права является важным условием развития уголовно-правовой науки и правоприменительной практики. Рассмотрев теоретико-правовую характеристику понятия «лицо в уголовном праве», автор сформулировал несколько базовых тезисов. В частности: 1) субъектами уголовного права следует признавать государство (как федеральное образование) и лиц, к которым обращены уголовно-правовые запреты, вне зависимости от способности последних осознавать содержание запретов и нести ответственность за их нарушение; 2) субъекты уголовного права обладают равновеликим правовым статусом, в силу чего предпосылкой их полноценного участия в правовых отношениях выступает установление соразмерных возможностей по отстаиванию собственных интересов; 3) к категории лиц как субъектов, противостоящих государству в сфере уголовного права, относится, прежде всего, физическое лицо (человек) с неисключенной возможностью признания субъектом уголовного права юридических лиц.

Ключевые слова: субъект уголовного права, правоотношения, правоспособность, правосубъектность, лицо.

On Defining Entities of Criminal Law

V. N. Kufleva

Kuban State University

149 Stavropolskaya st., 350040, Krasnodar, Russia. E-mail: val_swatch@mail.ru

The article considers the theoretical characteristics of entities of criminal law. It is noted that a balanced full-fledged theory of entities of criminal law is an important condition for the development of crime science and law enforcement practice. Having examined the theoretical and legal characteristics of the concept of "individual in regard to criminal law," the author formulated several basic theses. In particular: 1) among the entities of criminal law should be ranked the state (as a federal entity) and the persons to whom penal prohibitions are addressed, regardless of the latter's capacity to understand the content of the prohibitions and bear responsibility for the law violation; 2) entities of criminal law have equal legal status, due to which proportionate facilities to defend their own interests appear to be a prerequisite for their full participation in legal relations; 3) among the entities opposed to the state in the criminal law should be ranked natural entities, first of all, with open possibility for legal entities to be ranked there.

Key words: entity of criminal law, legal relations, legal capacity, legal identity, person.

Сбалансированность полноценной теории субъектов уголовного права является важным условием развития уголовно-правовой науки и правоприменительной практики. В попытке обеспечить этот баланс специалисты уже приступили к разработке общего учения о субъектах уголовного права. Однако, признавая ценность полученных при этом результатов, в полной мере с ними согласиться сложно.

Одним из первых к проблематике субъектов уголовного права обратился А. А. Лакеев. Отталкиваясь от вопроса о предмете уголовно-правового регулирования и связывая его особенности с категорией «насилие», он сформулировал положение, согласно которому к субъектам уголовного права относятся все те лица, которые: а) применяют насилие, то есть преступник и государство, а также лица, совершившие общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или причинившие вред при обстоятельствах, исключающих преступность деяния; б) претерпевают насилие, то есть потерпевшие от преступлений [Лакеев 2003: 18-38; Лакеев 2005: 106-119].

Признавая ценность самой идеи исследования субъектов уголовного права, а также потенциальную допустимость отождествления категорий «лица» и «субъекты», нельзя не обратить внимание, что в предложенной А. А. Лакеевым концепции, по большому счету, происходит отождествление субъектов уголовного права с субъектами уголовно-правового отношения, причем в такой трактовке этих отношений, которая сама по себе не является общепризнанной

и нуждается в обосновании. И если вариативная концепция уголовно-правовых отношений может мыслиться вполне допустимой в условиях плюрализма теоретических позиций, то смысл вычленения субъектов права как самостоятельной правовой и исследовательской категории фактически утрачивается.

Вопрос о соотношении субъектов права и субъектов правовых отношений – весьма непрост. В теоретической и гражданско-правовой литературе существует мнение о том, что субъекты права и субъекты правоотношений могут восприниматься в качестве тождественных феноменов [Теория государства и права 2003: 417; Гражданское право 2006: 86-87]. Но наряду с этим в науке широко представлен и уточняющий (а по сути опровергающий эту точку зрения) взгляд на проблему [Теория государства и права 2004: 187]. Субъектом права, – пишет, в частности, Л. А. Морозова, – может быть любое лицо, обладающее правоспособностью, субъект же правоотношения в обязательном порядке должен обладать полным объемом правосубъектности, т. е. правоспособностью и деликтоспособностью; субъект права лишь потенциально может иметь права и обязанности, но не всегда их реализует, субъект же правоотношения – всегда участник процесса реализации субъективных прав и юридических обязанностей; субъект права определяется нормами права, а для субъекта правоотношения помимо норм права требуется наличие волевого момента; субъект права, как правило, не персонализирован, субъекту же правоотношения во всех случаях отводится конкретная роль [Морозова 2010: 238].

Об этих различиях пишут и авторы некоторых специальных исследований: «субъект права и субъект правоотношения соотносятся как философские категории «общее» (субъект права) и «отдельное» (субъект правоотношения), «возможное» (субъект права) и «действительное» (субъект правоотношения)» [Биктагиров 2018: 59-60]. Субъект правоотношения, отмечает Р. А. Ромашов, во всех случаях является субъектом права, вместе с тем обратная связь не столь очевидна. Правосубъектность как универсальное качество субъекта права предполагает наличие у лица правоспособности, тогда как дееспособность является факультативным элементом правосубъектности и характеризует не всех субъектов права, а лишь субъектов конкретных правоотношений. Если правоспособность возникает у каждого человека с момента рождения и сразу в полном объеме, то дееспособность субъекта права определяют ряд конкретных обстоятельств [Романов 2007: 73].

Эти различия между субъектом права и субъектом правоотношений, как представляется, не в полной мере учитываются специалистами в области уголовного права, которые, выстраивая собственную концепцию субъектов уголовного права, разграничивают исследуемые понятия.

Так, Н. В. Шигина исходит из вполне четко фиксируемой позиции о недопустимости отождествления субъектов уголовного права и субъектов уголовно-правовых отношений. Под субъектами уголовного права ею предложено понимать личность, общество и государство, политическое общение между которыми в сфере уголовного права ограничивается интересами регулирования, обеспечения или охраны жизненно важных интересов – необходимых и достаточных условиях их существования. В отличие от субъектов уголовного права субъекты уголовно-правовых отношений, в ее понимании, – это формально определенные лица, индивидуализированная связь между которыми определяет содержание уголовно-правовых запретов, а также отношений ответственности за их нарушение. В отличие от субъектов уголовного права, чьи уголовно-политические роли ограничены сущностью и функциями уголовного права, субъекты уголовно-правовых отношений, отмечает исследователь, не могут быть поименованы кратко и исчерпывающим образом. Автор указывает, что неизменными остаются лишь субъекты отношений уголовной ответственности – лицо, совершившее преступление, осужденный и государство. Что же касается субъектов отношений, определяющих содержание уголовно-правовых запретов, то их индивидуальные признаки зависят от многообразия запретов [Шигина 2007: 429, 431].

Аналогичную, причем в некоторых местах дословно воспроизводящую, позицию озвучил А. В. Иглин. В качестве субъектов уголовного права в его работе обозначены личность, общество и государство как носители гарантированных Конституцией РФ прав по обеспечению их безопасности и предусмотренных ею обязанностей соблюдать установленные в этих целях ограничения [Иглин 2008: 8].

Не углубляясь в вопрос об уголовно-правовых отношениях и их субъектах, обратим внимание на предложенную Н. В. Шигиной и А. В. Иглиным трактовку субъектов уголовного права.

Для начала – о персональном составе субъектов уголовного права. Таковыми исследователи признают личность, общество и государство. Естественно, что государство, как общепризнанный субъект уголовного права, в рамках этих построений не вызывает нареканий. Статус личности как субъекта права – если сейчас оставить в стороне специфическую смысловую нагрузку данного понятия по сравнению с понятиями «физическое лицо», «человек», «лицо» – также не может быть оспорен. Однако признание субъектом права «общества» не укладывается ни в общую теоретическую концепцию субъектов права, ни в логику уголовно-правового регулирования и воздействия. Если в описанной триаде противопоставить общество такому субъекту, как государство, то его интересы не будут отличимы от интересов отдельных людей; если же противопоставить общество личности, то оно фактически будет отождествлено с государством. У общества в сфере уголовного права нет самостоятельных интересов, отличных от интересов отдельных лиц и государства. Общество, если и смотреть на него как на некую самостоятельную сущность, не обладает правоспособностью, ни «естественной», ни нормативно заданной. У него нет юридических предпосылок к тому, чтобы заявлять и отстаивать, приобретать и реализовывать какие бы то ни было самостоятельные права. И потому общество не может рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта уголовного права.

В продолжение критики рассматриваемой позиции – утверждение авторов о том, что субъекты уголовного права есть субъекты «политического общения» в сфере уголовного права. Представляется, что в данном случае происходит осознанная (или неосознанная) подмена понятий – когда субъекты права отождествляются с субъектами

«политического общения», то есть политики. Безусловно, право и политика – области тесно взаимосвязанные. Но они и различны, как различны субъекты правового и политического общения. Субъекты уголовной политики – совершенно особый круг субъектов, далеко не совпадающий с субъектами уголовного права или субъектами уголовно-правовых отношений. В процессе их политического общения (политической борьбы за обладание уголовно-правовым ресурсом и его содержание) как раз и решается, среди прочего, вопрос о том, кого признавать субъектом уголовного права. Так что отождествление ими субъектов уголовного права с субъектами политического общения в области уголовного права можно рассматривать не иначе как ошибку.

Два отмеченных недостатка концепции Н. В. Шигиной и А. В. Иглина взаимосвязаны между собой. Полагаем, именно переориентация на политическую сферу позволила им включить общество в круг субъектов уголовного права. Согласимся, общество недопустимо полностью изымать из рассуждений о связи уголовного права и его субъектов. Интересную ремарку в этом отношении делает В. В. Хилjuta. Он пишет: «уголовное право никогда не находилось в руках общества, наоборот, оно всегда использовалось как инструмент для «мягкого» регулирования общественных отношений и пресечения маргинальных настроений общества», и потому не надо питать иллюзий относительно того, что «уголовное право будет являться своеобразным щитом в руках общества от возможного произвола со стороны государства» [Хилjuta 2023: 21]. Все это верно, но «руки общества» в данном случае – это «руки» политического, а не правового субъекта. Участие общественных институтов в формировании и реализации уголовной политики – большая и самостоятельная тема, выходящая далеко за пределы нашего исследования.

Таким образом, в первом приближении, субъектами уголовного права следует признавать государство, с одной стороны, (причем в условиях российской действительности, в силу предписаний п. «о» ст. 71 Конституции РФ, речь идет о государстве как исключительно федеральном образовании), и лиц – с другой.

Продолжение анализа требует обращения к вопросам терминологического свойства. В научной литературе для обозначения субъекта права используются различные понятия – «личность», «человек», «лицо». За каждым из них – не просто лингвистические предпочтения авторов, а особый взгляд на право.

Как представляется, наименее удачным из предложенных наукой является термин «личность». Он наполнен известным и весьма специфическим социальным и психологическим содержанием, которое позволяет проводить тонкие дифференцирующие различия между индивидом (как биологическим существом) и личностью (как существом социальным). Однако эти различия не имеют значения для решения вопроса о возможности человека выступать в качестве субъекта права или объекта правовой защиты. В этой связи совершенно не случайно, что УК РФ использует слово «личность» фактически как синоним слова «человек», не вкладывая в него некоего дополнительного смысла.

Более значимым представляется выбор между терминами «человек» и «лицо». Он предопределяет не только возможность или невозможность включения в круг субъектов уголовного права юридических лиц. Это обстоятельство, что называется, «лежит на поверхности». Выбор здесь детерминирован более глубокими представлениями о механизме включения человека в систему права и функционирования права в целом.

Классический подход к решению вопроса состоит в последовательном разграничении человека как явления физического мира и лица как юридического понятия о человеке. Еще Н. Л. Дювернуа отмечал, что человек «как физическая особь со всеми бесчисленными видоизменениями, ей свойственными» для юридических отношений безразличен, что в праве могут быть мыслимы представления о лице только как об «абстракции», как о правоспособном субъекте, что понятие субъекта есть «юридическая переработка живого явления» [Дювернуа 1895: 258]. Аналогичного мнения придерживался Г. Ф. Шершеневич, когда писал, что «субъект права – не антропологическое, а чисто юридическое представление. Субъект права не то же самое, что человек, это только одно его свойство, созданное объективным правом» [Шершеневич 1912: 575].

Однако в последнее время, в том числе под влиянием антропологического поворота, в науке наблюдается некоторая корректировка этих представлений. «Постмодерн, а за ним и юристы, работающие в соответствующем дискурсе, стремятся к методологическому номинализму – признать субъектом права исключительно человека. ... При таком подходе происходит натурализация субъекта», стремление «рассматривать антропологические факторы как значимые для построения теории субъекта» [Пономарева 2018: 75].

Некоторыми исследователями это обстоятельство оценивается подчеркнуто критически. Однако в нем есть, вне сомнений, свое рациональное зерно.

Попытки «очеловечить» категорию субъекта права берут свое начало еще в теоретических построениях психологической школы права Л. И. Петражицкого [Павлов 2017: 87-105]. Ее современная интерпретация приводит исследователей к выводам о том, что «субъект права изначально (т. е. до государства – В. К.) обладает такими возможностями, которые не могут быть от него отняты без того, чтобы в этом случае не ликвидировать само представление о субъекте» [Поляков 2016: 304], что «субъект права есть частный случай субъекта общественных отношений», что обособленного, формализованного (а значит, и порожденного) законодательством субъекта права быть не может, что «субъект права – это одновременно правовой институт, т. е. безличностный правовой статус, закрепленный в нормах права, и его воплощение в конкретном ментальном образе и юридически значимых действиях (как традиционных, так и инновационных) персонифицированных индивидов» [Честнов 2009: 22, 30].

Акцент на человеке как «единственном источнике всего правового и главной цели права» [Архипов 2005: 11-12] помогает разрешить весьма значимый для понимания субъекта права вопрос о том, какие отличия существуют между «человеком» и «лицом» в сфере права. В этом отношении нельзя не обратить внимание на наличие двух подходов к пониманию субъекта права. Первый – естественно-правовой, в рамках которого субъектом права признается любое физическое лицо, наделенное правосубъектностью. Субъектом права здесь признается человек,

независимо от его физико-психического состояния, в том числе и люди, находящиеся в состоянии невменяемости. Отсутствие дееспособности в рамках этой концепции не является препятствием для признания лица субъектом права. Второй подход – позитивистское понимание субъекта права, в рамках которого субъектом считаются физические лица, которые в соответствии с действующим законодательством наделены не только правоспособностью, но и дееспособностью, то есть правосубъектностью в рамках тех или иных правоотношений [Биктагиров 2018: 48-49; Сальников, Страмоухов 2001: 20].

Полагаем, не требует специальных доказательств мысль о том, что при позитивистском понимании субъект права полностью отождествляется с субъектом правоотношения, а потому как самостоятельная правовая категория лишается смысла. Основная идея, положенная в теорию субъекта права, состоит как раз в том, чтобы обозначить круг лиц, к которым обращены правовые нормы, которые обязаны их воспринимать, вне зависимости от того, становятся ли эти лица участниками конкретных правоотношений.

Признавая преимущества естественно-правового понимания субъекта права, надо, таким образом, признать, что в сфере уголовного права правосубъектностью наделены все без исключения люди. С этой точки зрения между человеком как субъектом уголовного права и лицом как субъектом уголовного права нет принципиальных отличий.

Вопрос состоит лишь в том, является ли человек единственным лицом, противостоящим государству в сфере уголовного права. Если да, то термины «человек» и «лицо» могут употребляться как синонимичные. Если же нет, если допустить возможность включения в круг субъектов уголовного права иные правовые образования (прежде всего, юридических лиц), то такое отождествление становится неоправданным. Категория «лицо» в этом случае будет более широкой по своему содержанию, позволяя относить к субъектам уголовного права и физических лиц (людей) и юридических лиц.

Не предвещая собственного отношения к вопросу о статусе юридических лиц в уголовном праве, отметим, что использование понятия «лицо» для характеристики субъекта уголовного права оставляет больше возможностей для маневра и для развития самой отрасли уголовного права.

С учетом этого обстоятельства, при множестве существующих подходов к пониманию субъектов права [Чиркова 2012: 87-91], представляется возможным поддержать специалистов, которые указывают, что «субъектом права является каждый, к кому обращено право, на кого распространяются его нормы» [Захарова 1989: 114], что под субъектом права следует понимать «индивидуальное или коллективное лицо, которое по своим особенностям фактически может быть носителем субъективных юридических прав и обязанностей в силу юридических норм, а также потенциально способное само или через своих представителей участвовать в правоотношениях» [Кистенев 2011: 11], «любое лицо, поведение которого регламентировано нормами права и вызывает наступление юридически значимых последствий» [Ромашов 2007: 72-73].

Следующий шаг в исследовании, учитывая статус отрасли уголовного права, – обсуждение вопроса о наличии специфики субъектов публичного права.

В научной литературе была предложена дефиниция, согласно которой под субъектами публичного права понимаются «лица, созданные в установленном нормами публичного права порядке (или им приравненные), целью деятельности и направленностью воли которых является выражение и обеспечение публичного интереса / реализация прав и свобод человека и гражданина, функционирование Российского государства, общества в целом, обладающие компетенцией для создания норм права и (или) участия в публично-правовых отношениях, приданной им нормами публичного права» [Лавренюк 2007: 8].

Не оспаривая некоторых содержательных достоинств этой дефиниции (в том числе признание связи субъектов публичного права и принадлежащего им публичного интереса), необходимо тем не менее указать, что она не может претендовать на универсальность и выступать теоретической основой для отраслевой интерпретации субъектов в области права уголовного. Суть претензии состоит в том, что автор, как представляется, не вполне оправданно отождествляет субъектов публичного права и публичных субъектов права.

В данном контексте стоит обратить внимание на терминологию, которую использует Конституционный Суд РФ в своих решениях при характеристике субъектов публичных и, что особенно важно, всех иных отношений. Суд, в частности, говорит о «субъектах публичной власти» [Постановление Конституционного Суда РФ 15.07.2021], о «субъектах, наделенных публичными функциями» [Постановление Конституционного Суда РФ 13.10.2022], «публичных субъектах» [Постановление Конституционного Суда РФ 08.11.2022]. Субъекты такого рода, повторим, участвуют и в публично-правовых, и в частно-правовых отношениях. И постольку поскольку мыслимы и реально существуют публичные субъекты частно-правовых отношений, постольку оправданно и в ряду субъектов публично-правовых отношений выделять так называемых частных субъектов. Другое дело, что частные субъекты – не обязательный, но возможный участник публичных правоотношений.

В этом отношении правильной представляется позиция С. Э. Шиндяпина, который субъектом публичного права признает любого социального субъекта, так или иначе взаимодействующего с государственными органами, органами местного самоуправления (должностными лицами этих органов), организациями, наделенными властными полномочиями, иными словами, с обязательным субъектом публичных правоотношений [Шиндяпин 2014: 178].

Отмеченное обстоятельство в разрезе исследуемой проблематики представляется важным как минимум по двум причинам.

Во-первых, оно позволяет предельно четко «развести» две смежные области права: международное уголовное право, субъектами которого выступают исключительно публичные лица (государства, прежде всего), и внутреннее, национальное уголовное право, субъектами которого выступают государство как публичное лицо и «частные» лица.

Во-вторых, оно заставляет обсудить принципиальный вопрос о характере взаимоотношений между субъектами национального уголовного права. Широко распространено мнение о их неравноправности по отношению друг к другу и разнополярном правовом статусе. В уголовно-правовой литературе в последние годы на эту тему предельно четко высказался А. И. Парог. Он полагает неправомерной характеристику соотношения интересов субъектов уголовного права как баланса, паритета, равенства даже применительно к государствам, конституционно провозгласившим себя правовыми, поскольку монополия любого государства на принуждение заведомо исключает паритет интересов. Уголовное право, по его мнению, будучи карательным по своей сущности, не может и не должно относиться как к партнеру к лицу, совершившему преступление: оно всегда требует от этого лица ответа и по общему правилу подвергает его наказанию за содеянное [Парог 2020: 298-304].

Несмотря на популярность данной позиции, считаем необходимым отметить, что, выражая авторский взгляд на проблему, она не в полной мере отвечает предписанным конституционным стандартам регулирования отношений в сфере уголовного права и в любом случае нуждается в уточнении.

Конституционный Суд РФ в своих решениях сформулировал несколько крайне важных позиций на этот счет. Он, в частности, указывал:

- в любых правоотношениях личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов [Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995; Постановление Конституционного Суда РФ 07.07.2023];

- соблюдение общеправовых принципов, конституционных критериев разумности и соразмерности предполагает лишь такое ограничение прав, которое не затрагивает самого его существа, и при котором человек из равноправного субъекта публично-правовых отношений не превращается в объект государственной деятельности [Постановление Конституционного Суда РФ 15.03.2023];

- в демократическом правовом государстве, чьей высшей ценностью являются человек, его права и свободы, неустранимые сомнения в правовом регулировании публичной ответственности не могут быть, по общему правилу, обращены против частных лиц как заведомо более слабой стороны складывающихся по поводу такой ответственности отношений [Постановление Конституционного Суда РФ 24.11.2022];

- в публично-правовых отношениях необходимо избегать нарушения конституционных прав и обеспечивать баланс интересов субъектов права [Постановление Конституционного Суда РФ 12.07.2023];

- во всех правоотношениях с участием субъектов, существенно различающихся между собой по критерию фактического равенства, должна быть обеспечена соразмерность возможностей сильной стороны относительно слабой стороны; а в отношениях между фактически равными субъектами должен быть соблюден баланс их прав [Информация Конституционного Суда РФ 14.11.2023].

Игнорировать эти конституционные требования в построении доктринальной теории недопустимо. Обратим внимание: Конституционный Суд РФ не признает фактического равенства государства и лица, совершившего преступление, признавая последнее «слабой стороной». Вместе с тем он исходит из позиции, согласно которой возможности неравных субъектов правоотношений участвовать в этих правоотношениях должны быть равными. В преломлении к предмету исследования эти суждения могут быть интерпретированы вполне определенным образом: неравные субъекты правоотношений должны входить в эти отношения в качестве равных субъектов права. Отмеченное ранее разграничение субъектов права и субъектов правоотношений здесь играет важную роль.

Таким образом, государство и иные лица как субъекты уголовного права должны обладать не столько равным, сколько, используя математические выражения, равновеликим статусом.

Подводя итоги общей теоретико-правовой характеристики понятия «лицо в уголовном праве», представляется возможным сформулировать несколько базовых тезисов:

1) субъектами уголовного права следует признавать государство (как федеральное образование) и лиц, к которым обращены уголовно-правовые запреты, вне зависимости от способности последних осознавать содержание запретов и нести ответственность за их нарушение;

2) субъекты уголовного права обладают равновеликим правовым статусом, в силу чего предпосылкой их полноценного участия в правовых отношениях выступает установление соразмерных возможностей по отстаиванию собственных интересов;

3) к категории лиц как субъектов, противостоящих государству в сфере уголовного права, относится, прежде всего, физическое лицо (человек) с неисключенной возможностью признания субъектом уголовного права юридических лиц.

Литература

Архипов С. И. Субъект права (теоретическое исследование): дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

Биктагиров Р. Т. Субъект права как опорная категория юриспруденции / Гражданин. Выборы. Власть. – 2018. – № 2. – С. 59-60.

Гражданское право: в 4 т. Т. I. Общая часть. Учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

Дювернуа Н. Л. Из курса лекций по гражданскому праву. Введение и часть общая (учение о лицах). СПб., 1895.

Захарова Е. Н. Индивид – субъект международного права / Советское государство и право. – 1989. – № 11. – С. 114.

- Иглин А. В. Личность как субъект уголовного права: дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008.
- Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020 - 2023 годов)». Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf>
- Кистенев К. И. Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.
- Лавренюк А. В. Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
- Лакеев А. А. Виды субъектов уголовного права. Рязань, 2003.
- Лакеев А. А. Субъекты уголовного права: признаки, система / «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2005. – № 3. – С. 106-119.
- Морозова Л. А. Теория государства и права. Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
- Павлов В. И. Учение о человеке в психологической концепции права Л. И. Петражицкого и в современной антропологии права / Известия вузов. Правоведение. – 2017. – № 6. – С. 87-105.
- Поляков А. В. Права человека и суверенитет государства / Постклассическая онтология права / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016.
- Пономарева Е. В. Методологические проблемы разграничения субъектов права и квазиправовых субъектов / Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70), № 4. – С. 75.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна» / Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 19. – Ст. 1764;
- Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2021 № 37-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 3 статьи 158 и пункта 10 статьи 242.3 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также части 1 статьи 358 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.А. Рейнхеммеля» / Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 30. – Ст. 5884.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 № 43-П «По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 10 Правил установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон, в связи с жалобой гражданина В. Б. Колобаева» / Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 44. – Ст. 7653.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2022 № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 37 Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении самоходных машин и (или) прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Трактородеталь Групп"» / Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 8107.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 24.11.2022 № 51-П «По делу о проверке конституционности примечания к статье 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» / Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 49. – Ст. 8759.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2023 № 8-П «По делу о проверке конституционности части третьей.1 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г. А. Алексева» / Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 13. – Ст. 2361.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2023 № 37-П «По делу о проверке конституционности подпункта 14 части первой статьи 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина Федеративной Республики Нигерия Акинеми Муджиба Джунаида» / Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 29. – Ст. 5498.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2023 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 2, подпункта 2 пункта 1 статьи 8, пункта 2 статьи 307 и пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Г. Михайлика» / Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 29. – Ст. 5500.
- Рарог А. И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации / Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 298-304.
- Ромашов Р. А. Субъект права: определение и социально-юридическая природа понятия / Юридическая мысль. – 2007. – № 3 (41). – С. 73.
- Сальников В. П., Страмоухов А. А. Генезис понятия «субъект права» / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2001. – №2 (10). – С. 20.
- Теория государства и права. Учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 2003.
- Теория государства и права. Учебник / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2004.
- Хиллута В. В. Уголовное право в социальном измерении (контуры перемен и новой стратегии развития). М., 2023.
- Честнов И. Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме / Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 3 (284). – С. 22, 30.

- Чиркова Е. С. «Субъект права»: подходы к пониманию / Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 1-1. – С. 87-91.
- Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая. Общая теория права. Выпуск третий. М., 1912.
- Шигина Н. В. Субъекты уголовного права и уголовно-правовых отношений / Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 429, 431.
- Шиндяпин С. Э. Субъекты публичных правоотношений: проблемы понимания и классификация / Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 6 (134). – С. 178.

References

- Arkhipov, S. I. (2005). Subject of law (theoretical research): diss. ... Doctor of Law Sciences. Ekaterinburg (in Russian).
- Biktagirov, R. T. (2018). Subject of law as a supporting category of jurisprudence. Citizen. Elections. Power, 2, 59-60 (in Russian).
- Civil law: in 4 volumes. (2006). Т. I. General part. Textbook / ed. E. A. Sukhanov. 3rd ed., revised. and additional. Moscow (in Russian).
- Duvernois, N. L. (1895). From a course of lectures on civil law. Introduction and general part (the doctrine of persons). – St. Petersburg (in Russian).
- Zakharova, E. N. (1989). The individual is a subject of international law. Soviet state and law, 11, 114 (in Russian).
- Iglin, A. V. (2008). Personality as a subject of criminal law: diss. ...cand. legal sciences. Ulyanovsk (in Russian).
- Information from the Constitutional Court of the Russian Federation "Current constitutional and legal aspects of ensuring economic, political and social solidarity: on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2020 - 2023)." Approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 14, 2023. Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (in Russian)
- Kistenev, K. I. (2011). The system of subjects of Russian law in conditions of market relations: diss. ...cand. legal sciences. Saratov (in Russian).
- Lavrenyuk, A. V. (2007). Subjects of public law: theoretical and legal research: diss. ...cand. legal Sciences. Moscow (in Russian).
- Lakeev, A. A. (2003). Types of subjects of criminal law. Ryazan (in Russian).
- Lakeev, A. A. (2005). Subjects of criminal law: signs, system. "Black holes" in Russian legislation, 3, 106-119 (in Russian).
- Morozova, L. A. (2010). Theory of Government and Rights. Textbook. – 4th ed., revised. and additional. Moscow (in Russian).
- Pavlov, V. I. (2017). The doctrine of man in the psychological concept of law L. I. Petrazhitsky and in modern anthropology of law. News of universities. Jurisprudence, 6, 87-105 (in Russian).
- Polyakov, A. V. (2016). Human rights and state sovereignty. Postclassical ontology of law / edited by. ed. I. L. Chestnova. St. Petersburg (in Russian).
- Ponomareva, E. V. (2018). Methodological problems of distinguishing between subjects of law and quasi-legal subjects. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences, 4 (70), 4, 75 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 3, 1995 No. 4-P "In the case of verifying the constitutionality of Articles 220.1 and 220.2 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. A. Avetyan". Collection of legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 19. – Art. 1764 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 15, 2021 No. 37-P "In the case of verifying the constitutionality of subparagraph 1 of paragraph 3 of Article 158 and paragraph 10 of Article 242.3 of the Budget Code of the Russian Federation, as well as part 1 of Article 358 of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation in connection with a citizen's complaint Yu. A. Reinhimmel". Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 30. – Art. 5884 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 13, 2022 No. 43-P "In the case of verifying the constitutionality of subparagraph "a" of paragraph 10 of the Rules for establishing security zones of electric grid facilities and special conditions for the use of land plots located within the boundaries of such zones, in connection with the complaint of citizen B. B. Kolobaeva". Collection of legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 44. – Art. 7653 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 8, 2022 No. 47-P "In the case of verifying the constitutionality of paragraph 37 of the Rules for the collection, calculation, payment and collection of recycling fees in relation to self-propelled vehicles and (or) trailers for them, as well as the return and offset of overpaid or excessively collected amounts of this fee in connection with a complaint from the limited liability company "Traktorodetal Group". Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 46. – Art. 8107 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 24, 2022 No. 51-P "On the case of verifying the constitutionality of the note to Article 12.8 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug". Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 49. – Art. 8759 (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 15, 2023 No. 8-P "In the case of verifying the constitutionality of part three.1 of Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen G. A. Alekseev". Collection of legislation of the Russian Federation. – 2023 (in Russian).

Куфлева В. Н. К проблеме определения субъектов уголовного права // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 44-51.

Kufleva V. N. (2024) On Defining Entities of Criminal Law. Legal Linguistics, 33, 44-51.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Функционирование словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка

К. Г. Салтыков

Академия управления МВД России

ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171, Москва, Россия. E-mail: terminpravo@mail.ru

Исследовательское внимание в статье сосредоточено на функционировании словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка. Грамотное оформление и прочтение юридического текста предполагают соответствие смысла отдельного фрагмента смыслу текста в целом, отсутствие разночтений используемой специальной лексики. Юридический язык представлен определенными компонентами высказываний, обладающими разной степенью сложности. Для обозначения женщины, в одиночку воспитывающей ребенка, в отечественном законодательстве традиционно используется словосочетание «одинокая мать». В недавнем прошлом одинокой матерью признавалась женщина, в первую очередь не состоящая в браке, не проживающая и не ведущая совместного хозяйства с отцом ребенка. В настоящее время семантика данного словосочетания изменилась. Вместе с тем в отраслевом законодательстве параллельно используется синонимичная лексика, терминологические характеристики словосочетания «одинокая мать» не вполне сформированы, а его использование в условиях отсутствия легальной дефиниции иногда приводит к семантическим aberrациям и актуализации вопроса о введении в законодательную и правоприменительную практику достаточно дискуссионной лексики.

Ключевые слова: одинокая мать, словосочетание, юридический язык, семантические aberrации, дефиниция.

Functioning of the Phrase "Single Mother" as Part of Legal Language

K. G. Saltykov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

8 Zoya and Alexander Kosmodemyansky str., 125171, Moscow, Russia. E-mail: terminpravo@mail.ru

The research attention in the article is focused on the functioning of the phrase "single mother" as part of legal language. Competent layout and reading of a legal text presupposes that the meaning of a separate fragment corresponds to the meaning of the text as a whole, and the absence of discrepancies in the special vocabulary used. Legal language is represented by certain components of statements that have varying degrees of complexity. To denominate a woman raising a child alone, the phrase "single mother" is traditionally used in domestic legislation. In the recent past, a single mother was recognized as a woman who was, first of all, unmarried and did not live or lead a joint household with the child's father. Currently, the semantics of this phrase has changed. At the same time, in sectoral legislation, synonymous vocabulary is used in parallel, the terminological characteristics of the phrase "single mother" are not fully formed, and its use in the absence of a legal definition sometimes leads to semantic aberrations and the actualization of the issue of introducing rather debatable vocabulary into legislative and law enforcement practice.

Key words: single mother, phrase, legal language, semantic aberrations, definition.

Человек, являясь разумным существом, нуждается в средствах выражения мысли, хранения и систематизации опыта освоения окружающего мира, в том числе в области регулирования общественных отношений, установления режима законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека. В качестве такого средства выступает юридический язык, в общем смысле представляющий собой систему словесного выражения мысли, посредством которой организуется как общение в юридической сфере в частности, так и реализация права в целом. Обеспечивая потребности юриспруденции, используя при этом инструментарий, присущий не только праву, но и языкознанию, указанная система выражения мысли функционирует в области пересечения юридических и лингвистических факторов.

При этом грамотное оформление, прочтение или артикуляция юридического текста требуют соответствия смысла отдельного фрагмента текста более широкому контексту, недопущения разночтений используемой специальной лексики, исключения неадекватного декодирования текста, отсутствия лингвистических и логических противоречий.

По мнению Н. А. Власенко, юридический язык выступает частью общеправового языка, через тесную связь с текстами права, то есть с правовым лексиконом и его закономерностями [Власенко 1997: 32].

В связи с этим исследовательский интерес может быть обращен на определение, предложенное А. Н. Шепелёвым, представляющим юридический язык как социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях правового регулирования поведения субъектов общественных отношений [Шепелёв 2012: 218].

К элементам структуры юридического языка с различной степенью детализации обычно относят язык нормативных правовых актов, язык правоприменительных актов, профессиональную речь юристов и язык правовой доктрины [Давыдова 2010: 9].

При этом решение проблем юридической словесности, связанное с референцией понятий и категорий права при помощи специального лексического фонда или функциональной специализации слов и словосочетаний из других областей знания, является безусловно важным для каждого элемента юридического языка и не противопоставляет его общелитературному русскому языку, но вместе с тем указывает на определенную стилистическую самостоятельность юридического языка или его отдельных элементов.

Юридический язык, используемый для составления текста документов, имеющих правовое значение, представлен определенными компонентами высказываний, обладающими разной степенью сложности и получаемыми способом членения с учетом значения на всё более дробные составные части. Так, текст делится на предложения, которые, в свою очередь, членятся на словосочетания, которые распадаются на слова.

Семантические особенности функционирования единиц юридического языка складываются исторически в результате реализации закономерностей отбора и сочетания языковых средств в такой области человеческого общения и деятельности, как право.

При этом, как правило, слово или словосочетание, термин юридического языка соответствуют определенному фрагменту правовой реальности.

В контексте указанного выше обратимся к достаточно распространенному в России социально-правовому феномену одинокого материнства. Отметим, что среди причин, порождающих это печальное общественное явление, называют значительный рост числа ранних разводов, массовое распространение официально не регистрируемого сожительства, преждевременную смерть отца ребенка [Данковцев, Маскалянова 2020: 62-63], а также усыновление (удочерение) ребенка незамужней женщиной, применение вспомогательных репродуктивных технологий для вынашивания ребенка женщиной, не состоящей в браке, приобретение положения одинокой матери в рамках реализации программы суррогатного материнства, когда родившая ребенка женщина реализует преимущественное право суррогатной матери на родительство в отношении рожденного ею ребенка, смену пола одним из родителей [Тарусина 2022: 68-84].

Во всех перечисленных случаях правовой статус одинокой матери должен быть поименован в законодательстве и правоприменительной практике при помощи понятной, корректной, оправданной с точки зрения юридической техники, специальной лексики.

В отечественном законодательстве в указанном случае традиционно используется словосочетание «одинокая мать», функцией которого является обозначение женщины, в одиночку воспитывающей ребенка.

Легальная дефиниция юридического термина «одинокая мать» отсутствует, однако он используется в российском трудовом, социальном и налоговом законодательстве в случаях, когда его функционирование связано с предоставлением соответствующим участникам правоотношений прав, гарантий и льгот [Тимонина 2021: 266-269].

Так, еще Совет Народных Комиссаров СССР в 1944 году устанавливал, что «государственные пособия назначаются и выплачиваются одиноким матерям (не состоящим в браке) на содержание и воспитание детей», уточняя при этом, что «женщина, состоявшая в зарегистрированном браке, в случае смерти мужа имеет право на получение государственного пособия, установленного для одиноких матерей, на детей, родившихся после смерти мужа», а «женщина, имеющая ребенка от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке, но с которым совместно живет, ведет общее хозяйство и совместно воспитывает ребенка, права на получение пособия, установленного для одинокой матери, не имеет» [Постановление Совета Народных Комиссаров СССР 1944].

Такой подход к семантике словосочетания «одинокая мать» в юридическом языке десятилетиями считался общепринятым и глубоко укоренился в доктрине и правоприменительной практике. В современной юридической литературе по-прежнему встречаются мнения о том, что «понятие "одинокая мать" охватывает женщин, не состоящих в законном браке и имеющих внебрачных детей» [Данковцев, Маскалянова 2020: 62]. В этом же аспекте в 2010 году в одном из Обзоров законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденных постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации, было отмечено, что «при предшествовавшем регулировании в области социальной защиты материнства и детства общепризнанным считалось понятие одинокой матери как не состоящей в браке, если в свидетельствах о рождении детей запись об отце ребенка отсутствует или эта запись произведена в установленном порядке по указанию матери» [Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года URL].

Обращает на себя внимание то, что одинокой матерью признавалась женщина, в первую очередь не состоящая в браке, а также не проживающая и не ведущая совместного хозяйства с отцом ребенка и не осуществляющая с ним совместного воспитания детей.

Ситуация с суппозицией термина «одинокая мать» была значительно скорректирована с принятием в 2014 году Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних», в п. 28 которого указывалось, что к одиноким матерям «может быть отнесена женщина, являющаяся единственным лицом, фактически осуществляющим родительские обязанности по воспитанию и развитию своих детей (родных или усыновленных) в соответствии с семейным и иным законодательством, то есть воспитывающая их без отца, в частности, в случаях, когда отец ребенка умер, лишен родительских прав, ограничен в родительских правах, признан безвестно отсутствующим, недееспособным (ограниченно дееспособным), по состоянию здоровья не может лично воспитывать и содержать ребенка, отбывает наказание в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, уклоняется от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в иных ситуациях» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 2014 URL].

Нетрудно заметить, что при определении значения словосочетания «одинокая мать» Верховный Суд РФ во главу угла поставил не факт отсутствия зарегистрированного в установленном порядке брака, а обстоятельства, связанные с воспитанием и развитием своих детей (родных или усыновленных) без отца. Кроме того, в формулировке Верховного Суда РФ угадываются экстенциональные и интенциональные характеристики множества лиц, подпадающих под обозначение «одинокая мать», что свидетельствует о развитии юридического понятия и предполагает наличие терминологических характеристик у рассматриваемого словосочетания.

Вместе с тем следует обратить внимание на имеющую место в комплексе нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения с участием лиц, в одиночку воспитывающих ребенка, лексическую множественность при обозначении рассматриваемых субъектов социального взаимодействия. Такая ситуация порождает потребность в уточнении и дифференциации значения единиц специальной юридической лексики, используемых для обозначения рассматриваемой группы участников правоотношений.

Необходимо отметить, что рассматриваемые единицы юридического языка обладают синонимией преимущественно в случаях, когда используются для указания на лиц, в одиночку воспитывающих ребенка, а в других случаях могут иметь иные оттенки смысла. Таким образом, синонимичность возникает исключительно в контексте их употребления по отношению к указанной группе участников правоотношений, что объясняется многоаспектностью социальной проблемы воспитания ребенка одним родителем или законным представителем и возможностью рассмотрения связанных с этим вопросов с разных теоретических позиций.

Так, например, в налоговом законодательстве (статья 218 НК РФ) при установлении оснований для предоставления налогового вычета в двойном размере указывается на единственного родителя, усыновителя, опекуна, попечителя. Причем в актах толкования, издаваемых государственными органами, статус единственного родителя связывается с наличием факта неустановленного отцовства, в частности, если сведения об отце ребенка вносятся либо не вносятся на основании заявления матери, что семантически сближает термины «одинокая мать» и «единственный родитель» [Письмо Министерства финансов Российской Федерации № 11 2021 URL]. В аналогичном значении используется словосочетание «одинокый родитель», встречающееся в официальных разъяснениях по вопросам права социального обеспечения [Информация Министерства труда и социальной защиты РФ 2021 URL]. Примером словосочетания, обладающего большей спецификой, но также используемого для обозначения лиц, в одиночку воспитывающих ребенка, является упоминание о «военнослужащих женского пола, имеющих малолетних детей, воспитываемых без отца», встречающееся в теоретических разработках по административному праву [Харитонов 2019: 18-23].

Представляется, что появление в юридическом языке различных словосочетаний, используемых для номинации единственного лица, осуществляющего воспитание и развитие ребенка, вызвано, главным образом, наличием различных отраслевых подходов к обозначению участников одной и той же социальной группы.

Вместе с этим, рассуждая об особенностях функционирования словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка, следует обратить внимание на тревожные тенденции словоупотребления, имеющие место как на законодательном, так и на правоприменительном уровне.

Во-первых, в тексте юридических документов словосочетание «одинокая мать» употребляется с некоторыми смысловыми «приращениями», наличие которых затрудняет соотнесение обстоятельств конкретного дела с определением одинокой матери, которое представлено в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних». Примером этого может быть упоминание в одном из определений Конституционного Суда Российской Федерации об «одинокой матери, воспитывающей малолетнего ребенка, отец которого не работает и не выплачивает алиментов на содержание ребенка» [Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 941-О URL]. При этом не до конца ясным остается вопрос о том, исключает ли отсутствие работы у отца ребенка и невыплата им алиментов фактическое его участие в воспитании и развитии своих детей, включая материальную поддержку в иных формах.

Во-вторых, изменение характера социальных процессов в российском обществе, эволюция общественного мнения привели к тому, что вслед за использованием имеющего яркую гендерную окраску словосочетания «одинокая мать» в законодательстве появились такие словосочетания, как, например, «одинокая женщина», используемые для обозначения участниц правоотношений, связанных с суррогатным материнством [Федеральный закон № 323-ФЗ 2011

URL]. Осмелимся предположить, что не вполне сформировавшиеся терминологические характеристики и отсутствие легальной дефиниции этого словосочетания с неизбежностью в будущем поставят законодателя перед необходимостью определения нормативных правовых критериев женского одиночества – задачей крайне непростой, особенно на фоне невольно приходящего на ум известного четверостишья И. Кохановского:

Счастья хочешь ты только высокого,
А иного тебе и не хочется,
Лучше быть уж одной одинокою,
Чем вдвоем в одиночестве [Кохановский 1968].

В-третьих, словосочетание «одинокая мать», функционирующее в составе юридического языка, имеет эквивалент – просторечие «мать-одиночка», которое активно проникает в текст правоприменительных актов. Например, в Постановлении Туймазинского районного суда Республики Башкортостан № 5-62/2023 от 19 июля 2023 г. по делу № 5-62/2023 указывается, что являющаяся свидетелем гражданка и ее сожитель «не оформили отцовство для того, чтобы она имела возможность получать пособия как мать одиночка» [Постановление Туймазинского районного суда Республики Башкортостан № 5-62/2023 URL], что позволяет сделать вывод о неоправданном упрощении и в определенной степени лишении юридического языка его официального характера.

В-четвертых, в судебной практике встречаются случаи, когда интерпретация словосочетания «одинокая мать» участниками процесса не имеет ничего общего с устоявшимся значением этой единицы юридического языка. Так, осужденный, будучи согласен с квалификацией своих действий, в апелляционной жалобе выразил несогласие с суровостью приговора, указав, что «он не представляет никакой общественной опасности... На учете у врача-психиатра он не состоит, трудоустроен, характеризуется положительно, на иждивении имеет несовершеннолетнего ребенка и престарелую одинокую мать» [Апелляционное постановление Кировского областного суда № 22-1678/2023 URL].

Очевидно, что в данном случае использование апеллянтом словосочетания «одинокая мать» при обжаловании приговора вообще не связано с воспитанием ребенка.

Подытоживая характеристику рассматриваемой единицы юридического языка, отметим, что с ее помощью решается важная задача по обозначению лиц, в одиночку воспитывающих ребенка, как участников правоотношений. Однако специфика отраслей российского права не позволяет избежать параллельного введения в юридическую науку и практику аналогичных по смыслу словосочетаний. Терминологические характеристики словосочетания «одинокая мать» не вполне сформированы из-за нечеткости границ соответствующего юридического понятия, что в условиях отсутствия легальной дефиниции иногда приводит к семантическим aberrациям. При анализе функционирования рассматриваемого словосочетания актуализируются вопросы об актуальности введения в законодательную и правоприменительную практику такой дискуссионной лексики, как «мать-одиночка» и «одинокая женщина».

Таким образом, в особенностях функционирования словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка находят отражение простота и сложность исторически сложившейся системы способов словесного выражения правовых понятий и категорий, составляющих основу правового регулирования общественных отношений.

Литература

Апелляционное постановление Кировского областного суда от 21 августа 2023 № 22-1678/2023 по делу № 1-412/2023 URL: <http://sudact.ru/>

Власенко Н. И. Язык права: монография. Иркутск, 1997.

Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009.

Данковцев О. А., Маскалянова С. А. Феномен одинокого материнства в российском обществе: региональный аспект / Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 4. – С. 62-63.

Информация Министерства труда и социальной защиты РФ от 24 июня 2021 г. «Самые частые вопросы: выплаты будущим мамам и одиноким родителям с детьми от 8 до 17 лет» / СПС Гарант.

Кохановский И. Одинокая. 1968. URL: <http://www.muslim-magomaev.ru>

Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года, утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2010 года URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/15090/>

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. п 941-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Придворной Светланы Михайловны на нарушение ее конституционных прав подпунктом "з" пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс».

Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 29.12.2020 № 03-04-05/115741 / ЭЖ-Бухгалтер (Бухгалтерское приложение). – 2021. – № 11. / СПС КонсультантПлюс.

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 18 августа 1944 г. № 1122 «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям». URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/387390#mode/inspect/page/4/zoom/4>

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних». URL: <http://sudact.ru/>
- Постановление Туймазинского районного суда Республики Башкортостан № 5-62/2023 от 19 июля 2023 по делу № 5-62/2023. URL: <http://sudact.ru/>
- Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление / Журнал российского права. – 2022. – № 7. – С. 68-84.
- Тимонина И. В. Государственные гарантии и социальная помощь одинокой матери в Российской Федерации / Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 2(194). – С. 266-269.
- Туранин В. Ю. К вопросу о феномене юридического языка / Современное право. – 2010. – № 7. – С. 9.
- Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс».
- Харитонов С. С. К вопросу обеспечения законности решений воинских должностных лиц в сфере прохождения военной службы в контексте правоприменительной деятельности / Право в Вооруженных Силах. – 2019. – № 6. – С. 18-23.
- Шепелёв А. Н. Характеристика юридического языка / Социально-экономические явления и процессы. – № 1. – 2012. – С. 218.

References

- Appeal resolution of the Kirov Regional Court of August 21, 2023 No. 22-1678/2023 in case No. 1-412/2023 URL: <http://sudact.ru/>
- Vlasenko, N. I. (1997). Language of law: monograph. Irkutsk (in Russian).
- Davydova, M. L. (2009). Legal technology: problems of theory and methodology: monograph. Volgograd (in Russian).
- Dankovtsev, O. A., Maskalyanova, S. A. (2020). The phenomenon of single motherhood in Russian society: regional aspect. News of the Tula State University. Humanitarian sciences, 4, 62-63 (in Russian).
- Information from the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated June 24, 2021 «The most frequently asked questions: payments to expectant mothers and single parents with children aged 8 to 17 years». Garant.
- Kokhanovsky I. Lonely. 1968. Available from: <http://www/muslim-magomaev.ru>
- Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2010, approved by the resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 16, 2010. Available from: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/15090/>
- Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 25, 2023 No. 941-О «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Svetlana Mikhailovna Pridvornaya about the violation of her constitutional rights by subparagraph «h» of paragraph 1 of Article 43 of the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation». Consultant Plus.
- Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated December 29, 2020 No. 03-04-05/115741. EZH-Accountant (Accounting Appendix). – 2021. – No. 11. ConsultantPlus.
- Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of August 18, 1944 No. 1122 «On approval of the Regulations on the procedure for assigning and paying state benefits and providing benefits to pregnant women, large and single mothers». Available from: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/387390#mode/inspect/page/4/zoom/4>
- Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 28, 2014 No. 1 «On the application of legislation regulating the labor of women, persons with family responsibilities and minors». Available from: <http://sudact.ru/>
- Resolution of the Tuymazinsky District Court of the Republic of Bashkortostan No. 5-62/2023 dated July 19, 2023 in case No. 5-62/2023. Available from: <http://sudact.ru/>
- Tarusina, N. N. (2022). Single motherhood as a social and legal phenomenon. Journal of Russian Law, 7, 68-84 (in Russian).
- Timonina, I. V. (2021). State guarantees and social assistance to single mothers in the Russian Federation. Law and State: Theory and Practice, 2(194), 266-269 (in Russian).
- Turanin, V. Y. (2010). On the issue of the phenomenon of legal language. Modern law, 7, 9 (in Russian).
- Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ (as amended on December 25, 2023) «On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation». ConsultantPlus.
- Kharitonov, S. S. (2019). On the issue of ensuring the legality of decisions of military officials in the field of military service in the context of law enforcement. Law in the Armed Forces, 6, 18-23 (in Russian).
- Shepelev, A. N. (2012). Characteristics of legal language. Socio-economic phenomena and processes, 1, 218 (in Russian).

Citation:

Салтыков К. Г. Функционирование словосочетания «одинокая мать» в составе юридического языка // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 52-56.

Saltykov K. G. (2024) Functioning of the Phrase «Single Mother» as Part of Legal Language. Legal Linguistics, 33, 52-56.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Допрос потерпевшего: эмпатийное или рефлексивное общение?

Л. Ю. Кирюшина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

В статье рассматривается применение специальных способов общения при проведении допроса потерпевших: рефлексивное и эмпатийное. Приводится определение данных способов общения. Обосновывается необходимость применения данных видов делового общения во время проведения допроса потерпевших. Выделяются типы потерпевших от преступления. Исследуются психологические закономерности потерпевших, влияющие на расследование преступлений. Обосновывается значение рефлексивного и эмпатийного общения для передачи достоверных показаний.

Ключевые слова: допрос, потерпевшие, рефлексивное и эмпатийное общение.

Interrogation of the Victim: Empathic or Reflective Communication?

L. Yu. Kiryushina

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

The article discusses the use of special methods of communication while conducting interrogation of victims: empathic and reflective communication. The definition of these methods of communication is provided. Grounds are given to the necessity of these methods of communication during the interrogation of victims. The types of victims of crime are distinguished. Victim psychological patterns influencing upon the investigation of crime are considered. The importance of empathic and reflective communication for credible evidence is established.

Key words: interrogation, victims, reflective and empathic communication.

Допрос является одним из наиболее психологизированных следственных действий. В УПК РФ содержатся требования, касающиеся процессуальных особенностей проведения отдельных видов допроса. При этом остается открытым вопрос коммуникативного взаимодействия между участниками делового общения, что по своей сути представляет допрос. В соответствии с ч. 2 ст. 89 УПК РФ запрещается задавать наводящие вопросы, а в остальном следователь свободен при выборе тактики допроса.

Такая формулировка не может не вызывать интерес исследователей, что объясняет большое количество научных работ, посвященных вопросам тактики, психологии и этики проведения данного следственного действия.

Современное активное вхождение телекоммуникационных, цифровых технологий не может не найти своего отражения не только в повседневном межличностном общении двух партнеров, но и в деловом, к одному из видов которого можно отнести допрос. Уже к 2010 г., по наблюдению исследователей, Интернет объединял более двух миллиардов пользователей по данным Международного союза электросвязи [Мещерякова 2011: 208]. В России в указанный период число лиц, которые активно использовали возможности интернет-общения, достигло 50 миллионов человек [Мещерякова 2011: 208]. Исследователями отмечается специфика интерактивного компонента психологической культуры личности активных пользователей социальных сетей, что находит свое проявление в большей раскованности, спонтанности, естественности поведенческих проявлений и неспособность контролировать и сдерживать эмоции [Демина, Середина 2011: 47].

Такое активное вовлечение людей в виртуальное общение, полагаем, не может не найти свое отражение на выделяемой традиционно авторами структуре общения, состоящей из трех взаимосвязанных сторон:

1) коммуникативная сторона, состоящая в обмене информацией между людьми;

2) интерактивная сторона общения, заключающаяся в организации взаимодействия между индивидами, т. е. в обмене не только знаниями и умениями, идеями, но и действиями;

3) перцептивная сторона общения означает процесс восприятия друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания [Бороздина 2007: 10].

Полагаем, что активное общение с использованием средств информационно-телекоммуникационных технологий приводит к утрате навыков межличностного общения между людьми. Такая особенность в общении отмечается и при исследованиях, посвященных изучению психологических особенностей активных пользователей социальных сетей, у которых отмечаются затруднения в межличностном общении в ситуациях «лицом к лицу», что не влияет на качество интернет-коммуникации [Демина, Середина 2011: 47].

Допрос по своей природе, по своей сути является всего лишь актом делового общения и завершается составлением итогового документа – протокола допроса. Участники данного следственного действия выступают по отношению друг к другу партнерами по общению, которое началось со специфического повода – совершения преступления.

Как правило, наиболее распространенной причиной выбора партнера по общению является привлекательность другого человека как личности по нравственным, деловым, физическим качествам. Возникающая с учетом перечисленных качеств симпатия, или даже любовь, создает особое эмоциональное отношение. Другая группа качеств: интеллект, умение организовать работу и т. д. – тоже могут явиться причиной выбора постоянного или временного партнера. Именно эти качества чаще всего способствуют возникновению делового общения. Не редки случаи, когда выбор партнера общения обусловлен внешними факторами, такими как близость проживания, знакомство родителей, родственников и т. д.

Немаловажную роль при выборе партнера по общению довольно часто играет наличие общих интересов, ценностей, мировоззрения, а также необходимость сотрудничества, взаимодействия в процессе получения или оказания помощи. Именно оказания помощи в той или иной форме ждет потерпевший в процессе делового общения со следователем. В случае с допросом потерпевшего важно отметить, что один из партнеров всегда находится в особом эмоциональном состоянии. К числу таких конфликтных эмоциональных состояний можно отнести стресс, последствия испытанного аффекта, состояние фрустрации, т. е. крушения всех жизненных планов.

Анализ статьи 42 УПК РФ позволяет выделить несколько групп (категорий) потерпевших. В рамках данной статьи следует сразу оговориться, что потерпевший может быть:

1) жертвой преступления, т. е. тем лицом, которое непосредственно пострадало. Лицо, которому причинен вред (как физический, так и моральный и материальный);

2) процессуальным потерпевшим, т. е. в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из:

- его близких родственников и (или) близких лиц,

- одному из родственников, при отсутствии близких родственников или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве;

3) в случае признания потерпевшим юридического лица его права осуществляет представитель (в соответствии с ч. 9 ст. 42 УПК РФ).

Общение следователя с различными категориями потерпевших, перечисленных в ст. 42 УПК РФ, характеризуется наличием специфических психических состояний. Например, можно назвать следующие: повышенное нервное напряжение, наличие отрицательных эмоций, страх, гнев, желание отомстить обидчику и т. п. Полагаем, что именно потерпевшие, относящиеся к первой и второй группе, могут находиться в особых конфликтных эмоциональных состояниях и испытывать целый комплекс негативных эмоций, такие как последствия пережитого ужаса, страха, отчаяния, беспомощности и т. д. Кроме того, в процессе проведения допроса необходимо учитывать тип личности потерпевшего, ее экстраверсированность и интроверсированность – обращенность к широкому полю действительности или пристрастность к углубленному анализу отдельных ее проявлений.

Неспособность перенести внезапную утрату, потерю близкого человека, а также состояние фрустрации (крушения всех жизненных планов) характеризует эмоциональное состояние второй группы потерпевших – близких родственников и лиц, признанных близкими.

Социальная тревожность и фобия, как отмечают исследователи, не просто страх относительно социальных обстоятельств, он локален, исходит из сформированного образа ситуации, относится к конкретному виду ситуаций и в качестве пускового механизма имеет негативный опыт удовлетворения значимого мотивационно-потребностного комплекса. Страх потерять значимые для человека условия жизни (для которых типичный способ удовлетворения потребностей является оптимальным) заставляет его испытывать те мучительные переживания и бояться тех или иных событий и последствий [Сагалакова 2004: 63].

Третьей группе потерпевших, а именно юридическим лицам, чьи интересы в рамках уголовного судопроизводства реализуются представителем, как правило, причинен материальный ущерб и моральный, выразившийся в утрате деловой репутации или чести и достоинства руководителя и т. п. В данной следственной ситуации можно говорить о концепции «выученной беспомощности» М. Селигмана, согласно которой люди ценят сильное чувство внутреннего контроля и пытаются избежать ситуаций, которые они могут контролировать. Основным способом реагирования на тревожащую ситуацию является попытка восстановления контроля [Сагалакова 2004: 62].

Началу общения следователя и потерпевшего всегда предшествует особый повод – совершение преступления. Как отмечает М. И. Еникеев, психическая дезорганизация в личностно трудных ситуациях ведет к общему

эмоциональному захвату всей сознательной деятельности индивида – сужению сознания. Это состояние сопровождается расстройством логического мышления, повышением внушаемости и самовнушаемости, навязчивыми состояниями, конфликтами взаимодействия со средой [Еникеев 2003: 271]. Этим обусловлено то, что человек чувствует себя жертвой преступления впервые и такая ситуация делового общения – допрос – для него является непривычной. Поэтому от следователя, являющегося символом правосудия и установления истины, избличения виновного, потерпевшие ждут особой поддержки и даже сочувствия. Как известно, мысли и речь человека, его интонации, мимические выражения должны соответствовать целям общения. Следователю на стадии подготовки к проведению допроса и во время его проведения необходимо помнить о необходимости рефлексировать его восприятие другим человеком, чутко реагировать на подтекст общения, распознавать подлинные побуждения партнеров по общению – потерпевших. Поэтому допрос каждого потерпевшего не может развиваться по заранее разработанному стандартному и шаблонному плану без учета личностных характеристик индивида.

Рефлексия (рефлексивная игра) как способ общения проявляется в способности следователя подумать за другого, постараться взглянуть на ситуацию и на себя самого глазами партнера по общению.

Именно рефлексия позволяет правильно оценить сложившуюся ситуацию, которая может возникнуть в процессе общения, а главное помогает предугадать дальнейшее развитие событий и спланировать дальнейшее расследование преступления.

Рефлексивное «погружение», как точно отмечает Г. А. Зорин, внедряет личность в глубины интеллектуальной и коммуникативной культуры. А кроме того, «позволяет "взлетать" в надрефлексивную позицию, позволяющую в отрыве от партнера внешнеосматривать суммированные поля рефлексивного анализа» [Зорин 2000: 248].

Полагаем, что именно с дефицитом времени, имеющегося в распоряжении у следователя, как справедливо отмечают исследователи, следственные действия иногда проводятся изолированно друг от друга, а избранная последовательность их проведения обусловлена лишь необходимостью соблюдения процессуальной формы [Кузнецов, Бекбулатова 2010: 23]. Такой дефицит времени может самым негативным образом сказаться на качестве проведения допроса потерпевшего, превращая его в простую формальную процедуру.

Особые конфликтные эмоциональные состояния потерпевших предполагают особое деликатное отношение к ним в процессе делового общения. Следователю, проводящему допрос, важно учитывать и помнить особую специфику эмоций. Как правило, эмоции двувалентны, т. е. они либо положительны, либо отрицательны. По справедливому наблюдению исследователей, эмоции не просто «сопровождают», «контролируют» взаимоотношения между сознанием и человеком и миром, поскольку их роль глубже и значительнее [Гавло, Клочко, Ким 2006: 48]. Важно отметить, что эмоции выступают главным средством оценки уровня эффективного взаимодействия индивида с внешней средой. Поэтому кроме рефлексивного продумывания за партнера по общению потерпевшему хочется получить особую форму эмоциональной поддержки – эмпатийное общение. Потерпевшему необходимо знать, что его чувства и эмоции понимают и разделяют. Это, в свою очередь, будет способствовать установлению коммуникативного или психологического контакта. Умение устанавливать психологический контакт с различными категориями допрашиваемых является важнейшей профессиональной компетентностью следователя. Например: у каждого человека отмечается склонность к излюбленным темам общения, что может способствовать установлению психологического контакта. Установлению подлинного психологического контакта могут препятствовать всевозможные формальные контактные манипуляции. Важно учитывать, что подлинный контакт невозможен без искренности, эмоциональной синтонности и даже снисходительности к акцентуациям отдельных индивидов, при этом следует избегать и беспринципного соглашательства, конформности [Кирюшина 2011: 109].

При проведении допроса потерпевших следователю необходимо учитывать, что основной целью является необходимость адекватно отразить в протоколе допроса реальную информированность лица и объективные факты. Достижение этой цели невозможно без создания психологических предпосылок для информационного общения. Именно эмпатия как способ общения представляет собой способность человека эмоционально отзываться на переживания других людей. Также отметим, что эмпатию принято рассматривать как мыслительный процесс уподобления одного партнера по общению другому с целью понять его чувства и переживания. Именно такое восприятие происходит на уровне эмоций и чувств, поскольку эмпатия связана с «аффективным» пониманием собеседников друг друга [Титова 2006: 92].

При установлении коммуникативного (психологического) контакта важно учитывать, что эмпатия связана не только со взаимно соотносительными эмоциональными переживаниями партнеров по общению, но и с отражением этих переживаний в способах взаимного психологического влияния собеседников друг на друга [Титова 2006: 92]. При проведении допроса с лицом, оказавшимся в острой конфликтной, стрессовой ситуации после совершенного преступления, следователю важно не только получить достоверную информацию, но и позволить допрашиваемому разделить свои эмоции. Как верно отмечает Т. В. Дубинина, вступая в общение, человек обращает внимание в первую очередь на своего партнера по общению, а именно: насколько интересно партнеру то, о чем идет разговор; удобно ли ему; насколько партнеру интересен именно я и т. д. [Дубинина 2004: 126]. Отсутствие такой эмоциональной поддержки может самым негативным образом сказаться на достоверности показаний, поскольку может привести потерпевшего к желанию добиться восстановления утраченной справедливости за счет увеличения причиненного вреда или оговора третьих лиц, или преувеличения роли отдельных участников, если преступление совершено группой лиц.

Следует согласиться с Л. Г. Титовой, отмечающей, что эмоциональные переживания деловых партнеров многомерны и включают в себя как положительные эмоции (удовлетворение, радость, восторг и др.), так и отрицательные (боязнь, робость, тревогу, уныние, горе, страх, злость и т. д.) и смешанные, в которых сочетаются положительные и отрицательные оттенки [Титова 2006: 176].

Эту специфику общения крайне важно учитывать следователю при допросе потерпевших, поскольку это позволит потерпевшим испытать радость, что их чувства поняли и разделили. Применение таких способов (видов) общения, как рефлексивное и эмпатийное, будет способствовать постоянному совершенствованию профессиональной компетенции следователя. Кроме того, такой подход к проведению допроса будет способствовать установлению коммуникативного (психологического) контакта с допрашиваемым, позволяющего получать достоверную информацию и избегать конфликтных ситуаций.

Литература

- Демина Л. Д., Середина Е. С. Специфика компонентов психологической культуры личности активных пользователей социальных сетей / Известия Алтайского государственного университета. - 2011. - 2/1 (70). - С. 44-48.
- Мещерякова Н.Н. Интернет-пространство как новая социальная реальность / Гуманитарные науки и образование в Сибири. Научно-практический журнал. Новосибирск. - 2011. - №8. - С. 208-212.
- Бороздина Г. В. Психология делового общения. М., 2007.
- Сагалакова О. А. Социальная фобия: психосемантический анализ устойчивых алгоритмов реагирования на социальные ситуации / Сибирский психологический журнал. - 2004. - №19. - С. 62-70.
- Еникеев М. И. Общая, социальная и юридическая психология. СПб., 2003.
- Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000.
- Кузнецов А. А., Бекбулатова А. Т. Тактические комбинации первоначального этапа расследования грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними / Вестник криминалистики. - 2010. - Вып. 2 (34). - С. 23-28.
- Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты : монография. Барнаул, 2006.
- Кирюшина Л. Ю. Юридическая психология. Барнаул, 2011.
- Титова Л. Г. Деловое общение. М., 2006.
- Дубинина Т. В. Экология взаимодействия в практической психологии / Сибирский психологический журнал. - 2004. - №19. - С. 125-131.

References

- Demina, L. D., Seredina, T. S. (2011). Components' specificity of the psychological culture of the social networks active users. Izvestiya of Altai state university, 2/1 (70), 44-48 (in Russian).
- Meshcheriakova, N. N. (2011). The Internet space as a new social reality. Humanities and education in Siberia. Scientific and practical journal, Novosibirsk, 8, 208-212 (in Russian).
- Borozdina, G. V. (2007). Psychology of business communication. Moscow (in Russian).
- Sagalakova, O. A. (2004). Social Phobia: The psychosemantic analysis of steady algorithms of reaction to social situations. Siberian psychological magazine, 19, 62-70 (in Russian).
- Enikeev, M. I. (2003). General, social and legal psychology. Saint Petersburg (in Russian).
- Zorin, G. A. (2000). Theoretical foundations of criminology. Minsk (in Russian).
- Kuznetsov, A. A., Bekbulatova, A. T. (2010). Tactical combination of the initial stage of investigation of robberies and holdups committed by minors. Bulletin of Criminology, 2 (34), 23-28 (in Russian).
- Gavlo, V. K., Klocho, V. E., Kim, D.V. (2006). Forensic investigation situations: psychological and criminalistic aspects: a monograph. Barnaul (in Russian).
- Kiryushina, L. Yu. (2011). Law psychology: a monograph. Barnaul (in Russian).
- Titova, L. G. (2006). Business communication. Moscow (in Russian).
- Dubinina, T. V. (2004). Ecology of interaction in practical psychology. Siberian psychological magazine, 19, 125-131 (in Russian).

Citation:

Кирюшина Л. Ю. Допрос потерпевшего: эмпатийное или рефлексивное общение? // Юрислингвистика. - 2024. - 33. - С. 57-60.

Kiryushina L. Yu. (2024) Interrogation of the Victim: Empathic or Reflective Communication? Legal Linguistics, 33, 57-60.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Соотношение юридического и лингвистического аспектов изучения терминов «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный», «оправданный» и их слов-обозначений

И. С. Кузнецова¹, В. А. Скорев²

¹Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (АНОО ВО «СИБИТ») ул. 24-я Северная, д. 196/1, 644116, Омск, Россия. E-mail: zaks_83@mail.ru

²Объединенная пресс-служба судебной системы Омской области ул. Туполева, д. 12, 644112, Омск, Россия. E-mail: v.skorev@yandex.ru

Статья посвящена исследованию юридической терминологии в аспектах юриспруденции и лингвистики. В работе акцентировано внимание на обязательном рассмотрении слова, используемого в качестве юридического термина, с точки зрения его лексико-синтаксических связей и лексического значения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью четкого разграничения смежных понятий, являющихся в юриспруденции ключевыми: «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный», «оправданный». Дается характеристика данных терминов в соответствии с классификацией, в основе которой лежит комплексный подход. Предпринимается попытка соотношения названных терминов со словами-обозначениями, употребляемыми в неофициальной речи юристов. Авторы приходят к выводу о том, что непрофессиональное использование сложившихся терминов и их определений в реальных ситуациях уголовного судопроизводства может повлечь посягательства на честь и достоинство человека, нарушение его прав как гражданина, а также подвергнуть сомнению принцип презумпции невиновности. Кроме того, по мнению авторов, процесс дальнейшей гуманизации уголовного законодательства затруднен отсутствием новых процессуальных понятий и терминов.

Ключевые слова: гуманизация, обвиняемый, оправданный, осужденный, подсудимый, презумпция невиновности.

The Correlation of Legal and Linguistic Aspects of the Study of the Terms "Accused", "Defendant", "Convicted", "Acquitted" and their Word Denominations

I. S. Kuznetsova¹, V. A. Skorev²

¹Siberian Institute of Business and Information Technology 196, bldg.1, 24 North st., 644116, Omsk, Russia. E-mail: zaks_83@mail.ru

²The Joint Press Service of the judicial system of the Omsk region 12 Tupolev st., 644112, Omsk, Russia. E-mail: v.skorev@yandex.ru

The article discusses legal terminology in the respect of legal studies and linguistics. The paper focuses on the essential consideration of the word used as a legal term from the point of view of its lexical and syntactic relations and lexical meaning. The relevance of the study is due to the need for a clear distinction between related concepts that are key concepts in law: "accused", "defendant", "convicted", "acquitted". The characteristics of these terms is given in accordance with the classification, which is based on a multifaceted approach. An attempt is made to correlate these terms with the words-denominations used in the informal speech of lawyers. The authors conclude that the unprofessional use of established terms and their definitions in real situations of criminal proceedings of the indictment process may entail offense to honor and dignity of a person, violation of their rights as a citizen, as well as question the principle of presumption of innocence. In addition, according to the authors, the process of further humanization of criminal legislation is hampered by the lack of new procedural concepts and terms.

Key words: humanization, accused, acquitted, convicted, defendant, presumption of innocence.

Понятийный аппарат, в том числе юридическая терминология, в периоды реформ находится на стыке междисциплинарных исследований. В связи с развитием общественных отношений переосмысливаются те или иные понятия, термины, раскрывающие их определения. Происходящие процессы наблюдаются и в сфере уголовного судопроизводства, касаясь ключевых и традиционных терминов «обвиняемый», соотносимых с ним «подсудимый», «осужденный» и «оправданный».

В своей работе мы отталкиваемся от утверждения о том, что при использовании юридической терминологии в процессе подготовки нормативных правовых актов, в том числе в сфере уголовного судопроизводства, законодателю необходимо учитывать лингвистическую характеристику слова, выступающего в роли термина, его лексико-синтаксические связи и степень соответствия его лексического значения. Формулирование термина и его определения, а также их практическое применение в действующем законодательстве должно осуществляться исключительно в двух аспектах одновременно: юридическом и лингвистическом.

Обобщая определения слова «термин» в научной литературе и энциклопедических словарях, сформулируем его следующим образом: термин – это слово или сочетание слов, служащее для наименования понятия предмета или явления действительности с однозначным лексическим значением (в большинстве случаев), точно отражающее обозначаемое понятие.

Юридический термин обладает такими характеристиками, как системность, краткость, независимость от контекста, однозначность, точность формулировок, общераспространенность, относительная устойчивость, актуальность, унифицированность применения, принадлежность официально-деловому стилю, в том числе законодательному подстилю.

Вопрос о соотношении отдельных юридических формулировок на сегодняшний день остается открытым.

Так, например, для некоторых исследователей терминологического аппарата действующего уголовно-процессуального законодательства термин «обвиняемый» неактуален и является неточным. На это указывает в своих работах А. П. Кругликов. Он обращает внимание на то, что до момента вступления приговора в законную силу лицо, в отношении которого такой приговор состоялся, фактически продолжает являться подозреваемым [Кругликов 2014: 107].

Предметом исследования являются термины «обвиняемый», «подозреваемый», «осужденный» и «оправданный» в юридическом и лингвистических аспектах, связи и закономерности системности юридической терминологии при их использовании.

Обращаясь к историческому компоненту понятийного аппарата, следует отметить, что первые источники уголовного законодательства, такие как Русская Правда, Псковская, Новгородская судные грамоты, Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., не содержат таких понятий и терминов, как обвиняемый и его ипостаси. Здесь используется сочетание слов «если кто» (если убьет муж мужа, если кто совершил убийство без причины и т. п.) [Библиотека литературы Древней Руси 1997]. Анализируемые понятия вносит в язык судебная реформа 1864 г. Анализируемые термины вводит в оборот Устав уголовного судопроизводства 1864 г.

В конституционно-правовом поле термин «обвиняемый» появился в Конституции СССР 1936 г. в статье 111: «...разбирательство дел во всех судах открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту». В Конституции СССР 1977 г. термин также используется единожды, в статье 158: «...обвиняемому обеспечивается право на защиту». В Конституции РФ 1993 г., в действующей редакции, термин «обвиняемый» использован в 7 случаях (ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 47, ч. 2 ст. 48, ст. 49, 63).

Таким образом, из всех анализируемых в конституционно-правовое поле вошел термин «обвиняемый», став для нашего права традиционным.

В соответствии с УПК РФ [УПК РФ №174-ФЗ ред.от 06.04.2024] (ст. 47) «обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление». Следовательно, правовым статусом обвиняемого лицо наделяет соответствующее должностное лицо в установленном законом порядке.

С точки же зрения лингвистики слово «обвиняемый» несет в себе страдательные коннотации. Лицо и его возможные защитники должны доказать непричастность по факту совершенного преступления, однако сама формулировка термина свидетельствует о пассивной позиции обвиняемого, на которую его «обрекает» российское уголовно-процессуальное законодательство. Обвиняемый таким образом выступает не вполне полноценным участником уголовного процесса, неким субъектом, с которым работает правоохранительная система. Статус обвиняемого передается из одного ведомства в другое, на каждом уровне за счет законных интересов обвиняемого решаются ведомственные цели и задачи. Такая тенденция отечественного уголовного процесса заведомо снижает реальные возможности обвиняемого для собственной защиты, на что обоснованно указывает М. Л. Поздняков [Поздняков 2012: 43].

Но есть и иной – лингвистический подход. Используя метод сравнительного анализа, приведем для сравнения английский термин *defendant* – «защищающийся», что говорит о противоположной установке: активная позиция субъекта, имеющего все возможности для оправдания (= защиты) своей личности. Или, как вариант, во Франции результатом изменений в уголовно-процессуальном законодательстве явилась замена формулировки «предъявление

обвинения» на «привлечение к рассмотрению» (законы от 04.01.1993, 24.08.1993, 15.06.2000). Вследствие этого термин «обвиняемый» заменяется на «лицо, привлеченное к рассмотрению».

Похожий подход в отечественном законодательстве содержит Кодекс РФ об административных правонарушениях [КоАП №195-ФЗ ред. от 06.04.2024], где мы видим использование понятия лица, в отношении которого: ведется производство по делу (ст. 25.1); в отношении которого возбуждено дело (ст. 28.2); в отношении которого рассматривается дело (ст. 29.7); вынесено постановление по делу (ст. 30.6 КоАП РФ).

Изучение термина «обвиняемый» в лингвистическом аспекте подтверждает предположение о наделении субъекта ограниченными возможностями. С точки зрения принадлежности данного слова к морфологическому корпусу современного русского языка, определяем его как страдательное причастие настоящего времени, образованное от глагола несовершенного вида «обвинять». В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой имеется отсылка от данного глагола к словоформе совершенного вида «обвинить»: 1. Счесть виновным, упрекнуть, укорить. 2. Считая виновным, привлечь к суду [Толковый словарь русского языка 2020: 425]. Значение слова «обвиняемый» раскрывается так: «человек, которому предъявлено обвинение по суду» [Толковый словарь русского языка 2020: 425]. То есть таковым можно считать лицо, привлекаемое к разбирательству в конкретном деле исключительно на основании официального обвинения, оформленного в письменном виде представителями правоохранительных органов.

Интересен и морфемный состав данного термина, схематично он может быть представлен следующим образом: об-вин-я-ем-ый, где первая морфема – это приставка, далее – корень слова, -я- и -ем- – суффиксы, -ый – окончание. Морфема об- используется в русском языке, как правило, для образования глаголов и обозначает направленность действия вокруг предмета, лица. При добавлении к глаголам движения приставка об- образует глаголы со значением движения в обход чего-либо (например, обойти), также участвует в образовании глаголов со значением «не учесть кого-либо в чем-либо» (например, обделить) и глаголов со значением «опередить кого-либо в действии, проявить свое превосходство на кем-либо, чем-либо» (обставить, обскакать). Последние формы характерны для разговорной речи. Становится очевидным предвзято-негативный смысл, изначально вложенный в юридический термин «обвиняемый».

Таким образом, формулировка данного термина, на наш взгляд, не вполне обеспечивает принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ, ст. 49 Конституции РФ).

Действующее уголовно-процессуальное законодательство подходит к определению термина «осужденный» через призму понятия обвиняемого: «Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным» (ч. 2 ст. 47 УПК РФ) [УПК РФ №174-ФЗ ред. от 06.04.2024].

До момента вступления приговора в законную силу нельзя относиться к лицу как к преступнику, его виновность в совершенном деянии и процедура оформления виновности не завершена в полной мере. Между тем, подсудимый наделяется новым статусом осужденного в момент подписания текста обвинительного приговора составом суда, поскольку «датой постановления приговора следует считать день подписания приговора составом суда независимо от даты его провозглашения» [О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55].

В лингвистическом аспекте термин «осужденный», как и термин «обвиняемый», представляет собой страдательное причастие, но прошедшего времени. Это «тот, кто обвинен по суду и приговорен к какому-либо наказанию» [Большой толковый словарь русского языка 2008: 735]. В «Толковом словаре русского языка» по редакцией Ожегова, Шведовой толкование данного слова отсутствует. Глагол «осудить», от которого оно образовано, обозначает в прямом значении «выразить неодобрение кому/чему-нибудь, признать плохим», а также «приговорить к какому-нибудь наказанию» через суд. Третье, переносное, значение осмысливается с помощью глагола «обречь» [Толковый словарь русского языка 2020: 465]. В отличие от формулировки «обвиняемый», которая указывает на процессуальность, незавершенность действия по доказыванию вины, форма прошедшего времени термина «осужденный» свидетельствует о результате этого процесса – признании виновным того или иного лица.

Что касается других лингвистических характеристик рассматриваемого термина, следует обратить внимание на произносительные нормы, связанные с данным термином. Общепринятым и единственно верным с точки зрения нормативного аспекта современного русского языка является акцентологический вариант слова «осужденный» с ударением на третий слог. Однако зачастую сотрудники правоохранительных органов и представители судопроизводства произносят данный термин, ставя ударение на второй слог. В соответствии с правилами современного русского языка это неправомерно и может быть допустимо лишь в узкоспециальной профессиональной среде за редким исключением. Поскольку термин «осужденный» напрямую связан с судом (именно после вынесения обвинительного приговора судом обвиняемый получает новое наименование осужденного), этим и объясняется, на наш взгляд, ошибочное произношение названного слова. Такая акцентологическая форма слова с ударением на втором слоге подчеркивает окончательное признание вины за обвиняемым.

Обратимся к термину «подсудимый». В соответствии с вышеупомянутой статьей 47 УПК РФ таковым принято считать «обвиняемого, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство». Статья 247 рассматривает обязательное участие подсудимого в судебном разбирательстве уголовного дела за исключением отдельных случаев (ч. 4 и ч. 5 ст. 247).

В чем же заключается сходство и различие терминов «осужденный» и «подсудимый»? Оба связаны с действиями представителей суда по отношению к обвиняемым лицам. По отношению к подсудимому судом назначено

разбирательство по делу, по отношению к осужденному суд выносит приговор об оправдании обвиняемого лица или обвинительный приговор с назначением соответствующего наказания. Как отмечают исследователи данного вопроса, «следует признать, что лицо в промежутке между вынесением обвинительного приговора и моментом вступления этого приговора в силу скорее находится в статусе подсудимого, так как процессуальные права именно этого участника уголовного процесса наиболее подходят для решения задач по обжалованию приговора, ведь судебное разбирательство может продолжиться в суде апелляционной инстанции, следовательно, на момент вынесения приговора судом первой инстанции оно не завершено...» [Леонтьев 2022 URL]. Таким образом, обвиняемый получает статус подсудимого с момента вступления в законную силу решения судьи о назначении судебного заседания по делу, иначе говоря, решения о назначении судебного заседания суда первой инстанции.

Как языковое явление термин «подсудимый» представляет собой страдательное причастие прошедшего времени, образованное от глагола несовершенного вида «судить», который имеет 4 лексических значения. К слову «подсудимый» имеют отношение 2-е и 3-е значения, данные в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Ожегова, Шведовой: 2. Рассматривать чье-нибудь дело в судебном порядке, а также в общественном суде; 3. Осуждать, укорять, обвинять в чем-нибудь [Толковый словарь русского языка 2020: 778]. Морфемный состав данного термина аналогичен предыдущим: приставка-корень-суффикс (показатель принадлежности слова к разряду страдательных причастий)-окончание.

Рассмотрим следующий юридический термин, непосредственно связанный с понятием «обвиняемый», – «оправданный». Оправданным принято считать обвиняемого, в отношении которого вынесен оправдательный приговор (ст. 47, ч. 2). Основания вынесения оправдательных приговоров строго установлены в ст. 302 УПК РФ.

С точки зрения семантики страдательное причастие «оправданный» означает «находящийся оправдание в чем-нибудь» [Толковый словарь русского языка 2020: 456]. Как и предыдущие термины, слово образовано от глагола совершенного вида «оправдать»: 1) признать правым, невиновным. 2) Признать допустимым в силу чего-нибудь. 3) Показать себя достойным чего-нибудь. 4) Возместить чем-нибудь. 5) Официально удостоверить правильность чего-нибудь (спец.) [Толковый словарь русского языка 2020: 456]. В основе юридического термина «оправданный» лежит корень -правд-, т. е. «оправданный» в лингвистическом аспекте означает того, кто добился правды, справедливости в решении уголовного дела.

Однако в действующем законодательстве отдельные статьи не отвечают на вопрос, в каком статусе будет находиться лицо, освобождаемое от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (например, ст. 25 УПК РФ).

Общеславянское слово «правда», образованное суффиксальным способом от «правый» – истинный, имеет в русском языке такие синонимы, как «обет», «заповедь», «договор», «закон». В основе семантики этого слова лежит представление о божественном порядке (ср. синонимичные выражения «преступить правду», «преступить закон»). Слово «правда» является фундаментальным понятием русской культуры, часто его сопоставляют с понятием «истина». Но, как говорилось выше, истина соответствует объективной действительности, а правда имеет онтологический характер, отражает духовную действительность, значимую для личности. Слово «правый» изначально имело значение «прямой», немного позднее стало обозначать также «правильный», «истинный». Следовательно, оправданным можно считать лицо, которое суд и общество в целом признают невиновным в каком-либо деянии, нарушающем закон.

Таким образом, рассмотренные выше словоформы являются юридическими терминами, описывающими условия получения нового юридического статуса тем или иным лицом. При формулировании определений, раскрывающих значения терминов «обвиняемый», «подозреваемый», «осужденный» и «оправданный», законодателем соблюдается принцип структурности юридической терминологии, то есть имеется понятие (описываемые предмет или явление действительности), термин и его определение.

В соответствии с классификацией, разработанной В. А. Толстик [Толстик 2013: 176-180], юридические термины «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный» и «оправданный» можно охарактеризовать следующим образом:

1) в зависимости от правовой сферы употребления данные термины можно отнести к терминам юридической практики (юридических документов);

2) в зависимости от распространенности употребления в языке – к необщеупотребительным (специальным);

3) в зависимости от отрасли научного познания – к специальным юридическим терминам;

4) в зависимости от сферы распространения терминов в юридической науке и практике – к отраслевым терминам;

5) в зависимости от отраслевой принадлежности – к терминам уголовного права;

6) в зависимости от степени однозначности – рассматриваемые термины тяготеют к многозначности (с лингвистической точки зрения это объясняется их образованием от многозначных глаголов, с юридической – различными коллизиями, возникающими в действительности);

7) в зависимости от степени точности обозначаемого понятия – можно отнести к терминам, выражающим оценочные понятия;

8) в зависимости от времени использования – к устоявшимся терминам;

9) в зависимости от объема отражаемого термином понятия – термин «обвиняемый» будет являться родовым по отношению к терминам видовым – «подозреваемый», «осужденный» и «оправданный». Статус обвиняемого является отправной точкой в уголовном процессе по делу конкретного лица. После принятия процессуальных решений, указанных в части 2 ст. 47 УПК РФ, в зависимости от глубины следствия или стадии, этапа производства по уголовному делу, обвиняемый наделяется дополнительными наименованиями: подсудимый, осужденный,

оправданный, продолжая при этом оставаться обвиняемым.

10) в зависимости от наличия дефиниции – к дефинированным терминам, обозначающим понятия, которым в юридической науке и (или) практике даны определения;

11) в зависимости от связи юридического термина с контекстом – термин «обвиняемый» отнесем к контекстным, смысловое значение которых выявляется из контекста, а термины «подозреваемый», «осужденный» и «оправданный» – к неконтекстным;

12) в зависимости от источника возникновения – к русскоязычным;

13) в зависимости от состава юридического термина – к терминам-словам (не словосочетаниям).

В профессиональной сфере юристов помимо названных терминов используются близкие по значению слова, такие как «заключенный», «преступник», «уголовник». Исходя из требований к юридической терминологии данные обозначения нельзя отнести в строгом смысле к терминам юридической науки и терминам юридической практики. Их скорее можно отнести к терминам юридического разговорного языка (в соответствии с классификацией В. Ю. Туранина) [Туралин 2010: 42]. Кратко поясним свое утверждение.

Обозначение «заключенный» в современном законодательстве в официально-деловой документации не применяется и соотносится с лицами, заключенными под стражу либо содержащимися под стражей. Его синонимом может являться слово «арестант», т. е. лицо, подвергнутое аресту. В действующем УПК РФ встречаются обозначения таких лиц как «осужденные, отбывающие наказание» (ст. 313.1), «осужденный, содержащийся под стражей» (ст. 394, ст. 395), «лицо, осужденное к лишению свободы» (гл. 55. ст. 469-472). Если рассматривать слово «заключенный» в лингвистическом аспекте, то обнаруживаем сходство с предыдущими юридическими терминами как в морфемном составе, так и с позиции морфологической принадлежности слова. Перед нами страдательное причастие прошедшего времени той же словообразовательной модели, что и предыдущие термины. Лексическое значение слова может быть дословно определено как лицо, находящееся в закрытом пространстве, запертое ключом, лишенный свободы.

Что касается слов «преступник» и «уголовник», то они также часто употребимы в профессиональной разговорной речи. Отметим преимущественно устную форму их употребления. В письменной речи они встречаются, как правило, в текстах публицистического и художественного стилей речи, которые характеризуются большей свободой выбора языковых средств при описании действительности и отношения автора к ней. При этом данные слова-обозначения выполняют исключительно стилистическую функцию. Обозначения «преступник» и «уголовник» являются именами существительными, образованными приставочно-суффиксальным способом. Суффикс -ник часто используется при образовании слов разговорного стиля речи (баловник, поделник, приемник, ночник, вопросник и т. д.). Они представляют собой неологизмы с книжной стилистической окраской в разговорной речи. Лексическое значение слова «преступник» можно определить так: это человек, совершивший преступление (правонарушение), переступивший черту закона. Однако в переносном значении преступником называют лицо, совершившее какой-либо проступок, не являющееся уголовным или административным правонарушением. Наличие переносного лексического значения слова размывает границы точности его понимания, способствуя таким образом двусмысленности в конкретной ситуации. Слово «уголовник» в словаре Ожегова имеет одно лексическое значение – «уголовный преступник» [Толковый словарь русского языка 2020: 824]. Описывая свою интерпретацию данного слова, подчеркнем его смысловую взаимосвязь с вышеназванным: уголовник – человек, привлекавшийся судом для отбывания наказания за совершение уголовного правонарушения.

Приходим к выводу о том, что главные отличительные признаки слов «заключенный», «преступник» и «уголовник» нетерминологического характера – это 1) незакрепленность в законодательной системе, НПА, юридических документах; 2) общеупотребительность (могут быть использованы в бытовой речи, художественной литературе); 3) неоднозначность и зависимость от контекста; 4) нарушение принципа системности юридической терминологии.

Неоднозначность трактовки юридических терминов недопустима, поскольку может привести к нарушению прав обвиняемого, к двусмысленности ситуации одновременного признания законом прав и обязанностей обвиняемого лица и отсутствия их в определенной ситуации.

Проблема процессуально-правового статуса лиц, описываемых с помощью названных выше терминов, приводит к вопросу о редактировании законодательных документов, что предлагает сделать А. Д. Леонтьев в ч. 2 ст. 47 УПК РФ [Леонтьев 2022 URL].

Кроме того, анализ юридических терминов следует производить не только с позиции НПА, но и рассматривать их в лингвистическом аспекте, что подразумевает обязательный учет лингвистической характеристики слова, выступающего в роли термина (лексическое значение слова, его словообразовательная модель, морфологическая принадлежность, лексико-синтаксические связи). Это позволит более глубоко и правильно осмыслить значения специальных терминов, устранил разночтения в юридическом документообороте, поможет избежать ошибок в ходе судебного разбирательства.

Важное значение проблематика исследования имеет в период дальнейшей гуманизации уголовного законодательства, сторонником которой уже не первый год является Верховный Суд РФ. В частности, до настоящего времени не реализована законодательная инициатива Верховного Суда РФ о введении понятия уголовного проступка. Соответствующий законопроект был разработан высшим судебным органом государства еще в 2021 г., но последующие изменения во внутренней и внешней жизни государства сместили фокус законодательной деятельности. Вместе с тем идея продолжает обсуждаться, в связи с чем для ее реализации необходимо исследовать новые понятия, связанные не только с обозначением категории уголовного проступка, но и обозначением термином лица, его совершившего, а также грамотно ввести их в правовой оборот.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:
юридическое и лингвистическое использование терминов «обвиняемый» и сопряженных с ним терминов и слов-обозначений требует дальнейшего теоретического и практического изучения на предмет их конфликтогенности;
правильное употребление сложившихся уголовно-процессуальных терминов обозначения статуса лица, привлекаемого к ответственности при совершении преступления, относится к области специальных профессиональных знаний;
простое или непрофессиональное использование сложившихся терминов и определений в речевых и текстовых коммуникациях может повлечь посягательства на честь и достоинство, нарушение прав человека и гражданина, нарушение максимы (аксиомы, принципа) презумпции невиновности;
дальнейший процесс гуманизации законодательства связан с необходимостью введения в научный оборот новых правовых терминов.

Литература

- Артикул воинский 1715, апреля 26. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/>
Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под. ред. Д. С. Лихачева и др. – Санкт-Петербург, 1997. – Т. 4: XII век.
Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – Санкт-Петербург; Москва, 2008.
Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 06.04.2024).
Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
Кругликов А. П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? / Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/2. – С. 106–112.
Леонтьев А. Д. Определение понятия «осуждённый» в российском уголовном процессе / Молодой ученый. – 2022. – № 8 (403). – С. 115–118. – URL: <https://moluch.ru/archive/403/89046/>.
Назаров В. Д. Судебник 1550 / Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/sudebnik-1550-99f202/?v=7013672>.
О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.
Поздняков М. Л. О возможности обжалования доказанности вины по приговорам, постановленным в особом порядке (глава 40 УПК РФ) / Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1. – С. 43–49.
Соборное уложение 1649 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/>
Толковый словарь русского языка: 120000 слов и фразеологических выражений / под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. – Москва, 2020.
Толстик В. А. Проблемы классификации юридической терминологии / Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – №2(26). – С. 176–182.
Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретические и практические проблемы использования. Москва, 2010.
Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 №1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023)
Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 06.04.2024).

References

- Military article 1715, April 26. Available from: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/> (in Russian).
Library of Literature of Ancient Russia. (1997). RAS. In-ta Rus. lit. (Pushkin House) ; edited by D. S. Likhachev and others. St. Petersburg. Vol. 4: XII century (in Russian).
A large explanatory dictionary of the Russian language. (2008). [chief editor S. A. Kuznetsov]. St. Petersburg; Moscow (in Russian).
The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No.195-FZ (as amended on 04/06/2024) (in Russian).
The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) (in Russian).
Kruglikov, A. P. (2014). Accused: is such a participant needed in the criminal process of modern Russia? Bulletin of Samara State University, 11/2, 106-112 (in Russian).
Leontiev, A. D. (2022). Definition of the concept of «convict» in the Russian criminal process. Young Scientist, 8 (403), 115–118. Available from: <https://moluch.ru/archive/403/89046/> (in Russian).
Nazarov, V. D. (2023). Sudebnik 1550. The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal. Available from: <https://bigenc.ru/c/sudebnik-1550-99f202/?v=7013672> (in Russian).
On the court verdict: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/29/2016 No. 55. (2017). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, № 1 (in Russian).

-
- Pozdnyakov, M. L. (2012). On the possibility of appealing the proof of guilt in cases decided in a special order (Chapter 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). *Eurasian Advocacy*, 1, 43–49 (in Russian).
- The Cathedral Code of 1649. Available from: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/> (in Russian).
- Explanatory dictionary of the Russian language: 120,000 words and phraseological expressions.(2020). S. I. Ozhegov, N. Y. Shvedova (Ed.). Moscow (in Russian).
- Tolstik, V. A. (2013). Problems of classification of legal terminology. *Actual problems of economics and law*, 2(26), 176-182 (in Russian).
- Turanin, V. Y. (2010). *Legal terminology in modern Russian legislation: theoretical and practical problems of use*. Moscow (in Russian).
- The Criminal Executive Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 06/24/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 11.12.2023) (in Russian).
- Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 12/18/2001 (as amended on 04/06/2024) (in Russian).
-

Citation:

- Кузнецова И. С., Скорев В. А. Соотношение юридического и лингвистического аспектов изучения терминов «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный», «оправданный» и их слов-обозначений // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 61-67.
- Kuznetsova I. S., Skorev V. A. (2024) The Correlation of Legal and Linguistic Aspects of the Study of the Terms «Accused», «Defendant», «Convicted», «Acquitted» and their Word Denominations. *Legal Linguistics*, 33, 61-67.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Автороведческая диагностика составления текста явки с повинной при участии иного лица

Е. Л. Дайлоф

ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации

ул. Ленина, 109/2, 344038, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: katerina.dail@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению вопроса методологии решения экспертной задачи по установлению признаков составления текста при участии иного лица в рамках автороведческой диагностики. На примере из экспертной практики изложен алгоритм исследования, включающий последовательные этапы аналитического исследования предоставленного на экспертизу текста, сравнительного исследования с текстами-образцами, анализ и оценку полученных результатов.

Ключевые слова: судебная экспертиза, автороведение, диагностика, образцы, сравнительное исследование.

Establishing Authorship of Voluntary Appearance Text Composed with the Participation of Another Person

E. L. Daylof

*FBI Southern Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian Federation
109, bldg. 2, Lenin St., 344038, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: katerina.dail@rambler.ru*

The article discusses the issue of the methodology for solving the expert task of establishing signs of drafting a text with the participation of another person in the scope of establishing authorship. Using a case study from expert practice there has been proposed a research algorithm, which includes successive steps of analytical research of the text, submitted for examination, comparative checking with sample texts, analysis and evaluation of the obtained results.

Key words: forensic examination, authorship identification, diagnostics, samples, comparative research.

Компетенция судебной автороведческой экспертизы определена решением круга идентификационных и диагностических задач. Идентификация как вид криминалистического исследования направлена на установление наличия либо отсутствия индивидуально-конкретного тождества автора текстов. Диагностические задачи, в свою очередь, подразделяются на классификационно-диагностические, направленные на установление групповой принадлежности автора с позиции его социально-биографических характеристик (пол, относительный возраст, профессия, уровень образования, родной язык), и ситуационно-диагностические, направленные на установление условий составления текста: в необычном психофизиологическом состоянии, под влиянием «сбивающих» факторов, под диктовку или при участии иного лица, а также установление признаков намеренного искажения языковых навыков при составлении текста, маскировки в разных ее формах.

Из перечисленных диагностических задач наименее обеспеченной с научно-методической точки зрения является задача установления составления текста при участии иного лица или под диктовку. Если такие задачи, как установление половой (гендерной) принадлежности автора, признаков маскировки, намеренного искажения навыков письменной речи уже долгое время находятся в фокусе научных интересов отечественной и зарубежной лингвистики [Вул, Горошко: 1992; Вул, Мартынюк: 1987; Гомон, Горошко: 1990; Горошко: 2003], то применительно к предмету нашего рассмотрения на протяжении последних десятилетий в экспертной практике наиболее известными и востребованными остаются научные работы С. М. Вула и О. В. Довженко [Вул, Довженко: 2002, 2003].

Потребность в назначении экспертизы с целью установления признаков составления текстов под диктовку или при участии иного лица возникает, как правило, в случае отказа фигуранта дела от ранее данных показаний (явки с повинной, чистосердечного признания и др.). В большинстве случаев на исследование предоставляются тексты без сравнительного материала – образцов письменной речи предполагаемого автора, что, на наш взгляд, может

привести к неверной оценке выявленных признаков и, соответственно, к возможной экспертной ошибке. К проблемным зонам подобного исследования следует также отнести и субъективные факторы, среди которых считаем важным выделить предубежденность эксперта и нарушение границ компетенции эксперта-автороведа. Так, предубежденность предполагает формулирование экспертной версии на основании изучения материалов дела и в дальнейшем подход к оценке установленных признаков с позиции их соответствия фактическим обстоятельствам дела, что выходит за пределы компетенции эксперта. Нарушение границ компетенции имеет место, когда эксперт-авторовед, который зачастую имеет и экспертную специальность по лингвистической экспертизе и занимается преимущественно семантическими исследованиями, производит в том числе анализ содержащейся в тексте основной информации. Как известно, «различают два вида информации, содержащейся в высказывании: основную – о познаваемом объекте, предмете мысли и дополнительную – о познающем субъекте, его особенностях и состояниях» [Вул 1997: 11], соответственно, в тексте содержатся два типа структур: формально-языковые (отражающие речевую компетенцию автора) и смысловые (отражающее внутреннее содержание текста). Задача эксперта-автороведа состоит в установлении признаков языковых навыков автора-составителя текста на основании анализа именно дополнительной информации.

Рассмотрим на примере из экспертной практики алгоритм исследования текста на предмет установления признаков его составления при участии иного лица, либо под влиянием «сбивающих» факторов, либо в необычном психофизиологическом состоянии.

На исследование был предоставлен печатный текст чистосердечного признания, составленного от имени подсудимого Б., и условно-свободные образцы письменной речи, представляющие собой рукописные тексты писем, заявлений, ходатайств, направленных подсудимым Б. в разные инстанции в связи с расследованием дела. Всего в качестве сравнительного материала было предоставлено шесть документов, общим объемом 60 листов формата А4.

Исследование состояло из следующих этапов:

1. Аналитическое исследование текста чистосердечного признания с целью установления наличия/отсутствия сбоев речепорождения и деформаций текста, наличия/отсутствия признаков неоднородности проявления орфографических, пунктуационных, лексико-фразеологических, синтаксических и стилистических языковых навыков автора-составителя на межуровневой (нарушение корреляции уровней развития общих языковых навыков) и внутриуровневой (несоответствие/различие/вариативность частных языковых навыков) реализации.
2. Сравнительное исследование текста чистосердечного признания и текстов-образцов с целью установления различий/несовпадений уровней развития общих языковых навыков и проявления частных языковых навыков.
3. Оценка полученных результатов.

Анализ чистосердечного признания показал, что в тексте наблюдаются единичные случаи опечаток, недописок, дублирования речевых единиц, нарушения логики изложения, введения ранее не представленной в тексте информации как уже известной, при этом преимущественно отсутствуют сбои в вербальном развертывании мысли и дефекты построения текста, в частности такие, как фрагментарность изложения, пропуск логических звеньев, обрывы высказываний, исправления/коррекции, расчленение предложений с нарушением синтаксических связей, проявления аграмматизма в форме нарушения логико-грамматического строя речи, пропуска знаменательных и служебных слов и др.), что свидетельствует об отсутствии признаков составления текста в каком-либо необычном психофизиологическом состоянии и/или в необычных условиях (под влиянием «сбивающих» факторов).

При анализе уровней развития общих языковых навыков автора-составителя была установлена специфическая (индивидуально-авторская) особенность: достаточно высокий уровень развития лексико-фразеологических и синтаксических навыков при более низком уровне развития стилистических навыков и низком уровне т. н. технических навыков (орфографическом и пунктуационном). Так, текст чистосердечного признания характеризуется разнообразием (богатством) активного словаря, использованием нейтральной общеупотребительной и литературной (книжной) лексики, оборотов официально-делового стиля, профессионализмов, сленговых выражений в сочетании с эмоционально-экспрессивной и оценочной лексикой, разговорно-сниженными, просторечными, жаргонными и обценными выражениями; синтаксис отличается использованием простых и сложных предложений, в том числе сложноподчиненных, сложносочиненных, бессоюзных, а также с разными видами связи, распространенных причастными и деепричастными оборотами, уточняющими конструкциями, рядами однородных членов, конструкциями с прямой и косвенной речью. При этом наблюдается вульгаризация речи, речевые ошибки в согласовании и в управлении, неоправданные инверсии, нарушение порядка расположения членов предложения, «нагромождение», перегрузка предложения смысловой информацией, синтаксические контаминации, неоднозначность высказываний (двусмысленность), большое количество орфографических и пунктуационных ошибок, с учетом составления текста в текстовом редакторе ПК.

В данном случае более высокий уровень развития общих лексико-фразеологических и синтаксических навыков по сравнению с уровнем развития общих орфографических, пунктуационных и стилистических навыков не является нарушением корреляции уровней общих языковых навыков, в силу того что лексико-фразеологический и синтаксический уровни общих языковых навыков являются уровнями более высокого порядка, чем уровни орфографических, пунктуационных и стилистических навыков [Вул 2007: 9-11].

Анализ внутриуровневой реализации частных признаков языковых навыков показал наличие частных несоответствий/различий и вариативности их проявления, например: правильное/неправильное написание одних и тех же сложных предлогов, правильная/неправильная постановка знаков препинания в идентичных или аналогичных синтаксических позициях, вариативность в написании имен и марок транспортных средств

(кириллицей/латиницей, в кавычках/без кавычек), вариативность в написании обценных слов: полное написание и написание с использованием графического синкопирования (троеточие на месте пропуска слога).

По результатам аналитического исследования данного текста чистосердечного признания необходимо указать на существенно важное с точки зрения экспертной методологии наблюдение: в случае если на исследование не были бы предоставлены образцы для сравнительного исследования, учитывая отсутствие нарушения корреляции уровней развития общих языковых навыков и несущественную вариативность внутриуровневой реализации частных признаков, полученных данных было бы достаточно для категорического вывода об отсутствии признаков составления текста чистосердечного признания при участии иного лица.

Тем не менее в рассматриваемом случае образцы были предоставлены, и на следующем сравнительном этапе исследования было установлено совпадение уровней развития общих орфографических, пунктуационных и синтаксических языковых навыков и ряда частных орфографических, пунктуационных, лексических и синтаксических языковых навыков автора-составителя текста чистосердечного признания и автора текстов-образцов. Не останавливаясь на описании совпадающих признаков, отметим их устойчивость и специфичность, что позволяет прийти к промежуточному выводу о том, что как минимум одним (или единственным) автором-составителем текста чистосердечного признания является подсудимый Б., образцы письменной речи которого представлены для сравнительного исследования. Первостепенной значимостью в данном случае обладает анализ различающихся частных признаков, их оценка в качественном и количественном отношении. Различающиеся признаки по степени их специфичности и устойчивости были разделены на две группы: 1) частные признаки, проявление которых может объясняться внутриавторской вариативностью, и 2) частные признаки, проявление которых может объясняться участием в составлении текста иного лица.

К признакам первой группы были отнесены различающиеся признаки на уровне пунктуационного оформления отдельных высказываний (например, использование в текстах-образцах скобок и двоеточия и их отсутствие в тексте чистосердечного признания), на синтаксическом уровне (например, наличие в текстах-образцах конструкций экспрессивного синтаксиса (вопросов и восклицаний, в том числе риторических), фигур парцелляции и их отсутствие в тексте чистосердечного признания), на уровне навыков акцентуации (например, использование в текстах-образцах подчеркивания для выделения и отсутствие такового в исследуемом тексте) и др. Подобные различия частных языковых навыков могут быть обусловлены различием ситуаций речепорождения, жанровой спецификой текстов, эмоциональным состоянием автора и иными ситуативными факторами.

Ко второй группе в данном случае были отнесены следующие различающиеся частные признаки, сосредоточенные в области лексико-фразеологических и стилистических навыков:

- использование в тексте чистосердечного признания «специализированной» лексики, относящейся к сленгу специальных/оперативных служб или использующейся в качестве такового лицами, выполняющими криминальные заказы/поручения («объект слежки», «работать «клиента», «исходная позиция», «операция», «новые вводные данные», «машина для отхода», «зона видимости», «место пересечения», «пути отхода», «встали на исходную», «цель поражена»), и отсутствие такой лексики в текстах-образцах при условии описания одного и того же криминального события;

- использование в тексте чистосердечного признания и текстах-образцах разных словесных обозначений одного и того же объекта («грузовичок» – «фургон», «винтовка» – «ружье»);

- наличие в тексте чистосердечного признания речевых ошибок, связанных с нарушением согласования и управления, нарушением порядка расположения членов предложения, неоправданной инверсией, синтаксической контаминацией, и отсутствие подобных речевых ошибок в текстах-образцах;

- различие в способах выражения текстовой категории темпоральности (календарного времени событий): в тексте чистосердечного признания наблюдается преимущественное использование относительных операторов (корреляторов), выражающих отношения предшествования и следования событий, приблизительные (неточные), но не конкретные календарные даты событий (например, «В течении последних двух месяцев», «В начале года», «В одну из встреч...», «Примерно через пару дней...», «Через некоторое время...», «В назначенный день...», «На следующий день, или через день, точно не помню...», «Через несколько дней ...», «Увиделись ... нескоро, точный разрыв времени не скажу...», «Через месяц, примерно в конце июня...»); в текстах-образцах отмечено преимущественное использование полнозначных временных операторов, прямых номинаторов – конкретные точные календарные даты с указанием числа, месяца, года либо месяца и года, иногда с указанием конкретного времени от часа и до минут (например, «19.06.2020 г. в 11.17», «11 сентября 2021», «25 марта 2020 г. приехал», «01 августа 2021», «Сегодня 10.02.2021 в 14.40...»);

- различие в способах выражения текстовой категории локальности (пространство, местоположение описываемого факта/объекта действительности – локация): в тексте чистосердечного признания наблюдается преимущественное использование топонимов без указания конкретной локации, неконкретизированных географических локаций, указаны приблизительные географические и маршрутные локации, в текстах-образцах – использование топонимов с указанием конкретной локации (название гостиниц, название улиц, указание номеров домов).

Категории темпоральности и локальности в совокупности образуют хронотоп текста «я/он-здесь/там-сейчас/тогда», который является способом пространственно-временной развертки мысли в текст [Кожина 2006: 540-541]. Как отмечает А. В. Бондарко, «в плане содержания темпоральность – это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту

речи говорящего или иной точки отсчета. В плане выражения она представляет собой функционально-семантическое поле, охватывающее комплекс грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных средств языка для выражения различных вариантов данной семантической категории» [Бондарко 1990: 39]. Исходя из изложенного, на наш взгляд, способ выражения в тексте категорий темпоральности и локальности (хронотопа) является специфическим и устойчивым признаком развития языковых навыков, так как отражает закономерности речемыслительной деятельности автора-составителя текста, и как следствие, обладает высокой идентификационной значимостью.

На заключительном этапе исследования проводилась оценка результатов сравнительного исследования. Различающиеся общие и частные признаки языковых навыков в своей совокупности были оценены как существенные, специфические и образующие качественную и количественную совокупность, достаточную для положительного вывода об участии в составлении текста чистосердечного признания, помимо подсудимого Б., иного лица (иных лиц).

Приведенный пример из экспертной практики наглядно демонстрирует необходимость предоставления на экспертизу помимо непосредственно самого текста, единоличное авторство которого отрицается фигурантом дела, образцов письменной речи фигуранта в качестве сравнительного материала, наличие которых в данном случае оказало принципиальное влияние на результаты исследования. Безусловно, предоставление образцов не всегда возможно по объективным причинам, тем не менее наличие подобного требования к поступающим на экспертизу материалам представляется целесообразным, отвечающим критериям объективности и всесторонности экспертного исследования.

Литература

- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность/ модальность. М., 1990.
- Вопросы судебно-автороведческой диагностической экспертизы / С. М. Вул, Л. М. Черняк, А. Т. Гулак [и др.]. Киев, 1984.
- Вул С. М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: Методическое пособие. Харьков, 2007.
- Вул С. М., Горошко Е. И. Судебно-автороведческая классификационная диагностика: установление половой принадлежности автора документа / Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью. Минск, 1992.
- Вул С. М., Довженко О. В. Диагностическая экспертиза письменной речи: установление факта выполнения рукописи под диктовку или путем переписывания / Роль и значение деятельности Р. С. Белкина в становлении современной криминалистики. Материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М., 2002. С. 289-294.
- Вул С. М., Довженко О. В. Об аналитическом исследовании текста документа в целях установления факта необычности условий его составления. Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики. Вып. 3. Сборник научно-практических материалов. Харьков, 2003.
- Вул С. М., Мартынюк А. П. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа / Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М., 1987. С. 105-111.
- Гомон Т. В., Горошко Е. И. К вопросу о возможности судебно-автороведческого исследования текстов с деформированной структурой. Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1990. Вып.40.
- Горошко Е. И. Исследование оценочных значений прилагательных с целью установления пола автора документа / Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1990. Вып.41.
- Горошко Е. И. Судебно-автороведческая классификационная экспертиза: проблема установления пола автора документа / Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики. - Вып.3. Сборник научно-практических материалов. - Харьков, 2003. - С. 221-226.
- Довженко О. В., Гриненко Л. Г., Кузниченко Л. В. О дифференциации автора и исполнителя текста, выполненного под диктовку / Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики. Вып. 2. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Харьков, 2002.
- Методические рекомендации по проведению судебно-автороведческих экспертиз / Т. М. Изотова, А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов [и др.]. М., 2020.
- Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи / Методическое пособие. М., 1977.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Кожинной. М., 2006.

References

Bondarko, A. V. (1990). Theory of functional grammar. Temporality/modality, Moscow (in Russian).

- Dovzhenko, O. V., Grinenko, L. G., Kuznichenko, L. V. (2002). On the differentiation of the author and performer of the dictated text. Theory and practice of forensic examination and criminology. Issue 2. Collection of materials of the international scientific and practical conference, Kharkov (in Russian).
- Gomon, T. V., Goroshko, E. I. (1990). On the question of the possibility of forensic author's research of texts with a deformed structure. Criminology and forensic examination, Kiev, Issue 40 (in Russian).
- Goroshko, E. I. (2003). Forensic author's classification examination: the problem of determining the sex of the author of the document. Theory and practice of forensic examination and criminalistics. - Vol.3. Collection of scientific and practical materials, Kharkov, 221-226 (in Russian).
- Goroshko, E.I. (1990). The study of the evaluative meanings of adjectives in order to establish the gender of the author of the document. Criminalistics and forensic examination, Kiev, Issue 41 (in Russian).
- Izotova, T. M., Plotnikova, A. M., Kuznetsov, V. O. (2020). Methodological recommendations for conducting forensic author's examinations, FBU RFCSE under the Ministry of Justice of Russia, Moscow (in Russian).
- Kozhina, M. (2006). Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language, 537-538 (in Russian).
- Theoretical and methodological issues of criminalistic research of written speech (1977). Methodical manual, Moscow (in Russian).
- Vul, S. M. (2007). Forensic author's identification examination: methodological foundations: A methodological guide, 9-11, Kharkov (in Russian).
- Vul, S. M., Chernyak, L. M., Gulak, A. T. (1984). Questions of forensic author's diagnostics examination, Kiev (in Russian).
- Vul, S. M., Dovzhenko, O. V. (2002). Diagnostic examination of written speech: establishing the fact that the manuscript was completed by dictation or by rewriting/The role and importance of R.S. Belkin's activity in the formation of modern criminology. Materials of the International Scientific Conference (to the 80th anniversary of the birth of R.S. Belkin), Moscow, 289-294 (in Russian).
- Vul, S. M., Dovzhenko, O. V. (2003). On the analytical study of the text of the document in order to establish the fact that the conditions for its compilation are unusual. Theory and practice of forensic examination and criminology. Issue 3. Collection of scientific and practical materials, Kharkov (in Russian).
- Vul, S. M., Goroshko, E. I. (1992). Forensic author's classification diagnostics: establishing the gender identity of the author of the document/ Modern achievements of science and technology in the fight against crime, 138-141, Minsk (in Russian).
- Vul, S. M., Martynyuk, A. P. (1987). Theoretical prerequisites for diagnosing the gender identity of the author of the document. The current state and prospects for the development of traditional types of criminalistic examination, Moscow, 105-111 (in Russian).

Citation:

Дайлоф Е. Л. Автороведческая диагностика составления текста явки с повинной при участии иного лица // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 68-72.

Daylof E. L. (2024) Establishing Authorship of Voluntary Appearance Text Composed with the Participation of Another Person. Legal Linguistics, 33, 68-72.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

«Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» в интерпретации лингвиста-эксперта

Л. В. Коростелева

*Нижневартковский государственный университет
ул. Ленина, 56, 628624, Нижневартовск, Россия. E-mail: klimovalar@inbox.ru*

Статья посвящена определению семантических границ юридических понятий «ненависть», «вражда», «человеческое достоинство», их интерпретации в контексте судебной лингвистической экспертизы, а также описанию речевых действий, которые могут быть квалифицированы как возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства. Актуальность данного исследования определяется необходимостью, во-первых, конкретизировать правовое определение указанных выше понятий, которые хотя и закреплены в законодательных актах, но остаются весьма размытыми; во-вторых, обозначить речевые действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства, которые могут попадать под правовое регулирование. Интерпретация указанных понятий неоднозначна как в лингвистическом, так и в правовом понимании, что не дает возможности лингвисту дать объективную оценку тексту и определить те речевые действия, которые могут быть направлены на возбуждение ненависти, вражды и на унижение человеческого достоинства. Материалом исследования стали понятия «ненависть», «вражда», «человеческое достоинство», которые входят в содержание ст. 20.3.1 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ. В работе использованы методы формально-юридического анализа, описания, сопоставления, семантического анализа. Результаты данного исследования связаны с разграничением юридического задания, которое может быть дано лингвистам-экспертам, и компетенции лингвиста-эксперта, которая не просто должна быть ограничена описанием определенных лингвистических особенностей речевого произведения, представленного на исследование, но и могла бы дать возможность правоприменителю установить наличие или отсутствие состава преступления по категории дел, связанных с возбуждением ненависти или вражды, и также унижением человеческого достоинства.

Ключевые слова: возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, экстремизм, речевая агрессия.

“Incitement of Hatred or Enmity as well as Abasement of Human Dignity” as Interpreted by an Expert Linguist

L. V. Korosteleva

*Nizhnevartovsk State University
56 Lenina St., 628624, Nizhnevartovsk, Russia. E-mail: klimovalar@inbox.ru*

The article considers defining the semantic boundaries of the legal concepts of “hatred”, “enmity”, “human dignity”, their interpretation in the context of forensic linguistic examination, as well as the description of speech acts that can be qualified as inciting hatred or enmity and abasement of human dignity. The relevance of this study is determined by the need, firstly, to specify the legal definition of the concepts of “hatred”, “enmity”, “human dignity”, which, although enshrined in legislative acts, remain very vague; secondly, to identify speech acts aimed at inciting hatred or hostility, as well as abasement of human dignity, which may fall under legal regulation. The interpretation of these concepts is ambiguous, their boundaries are blurred both in linguistic and legal understanding, which does not allow the linguist to give an objective assessment of the text and identify those speech actions that can be aimed at inciting hatred, enmity and abasement of human dignity. The concepts of “hatred”, “enmity”, “human dignity”, which are included in the content of article 20.3.1 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, served as the material for the study. The work uses methods of formal legal analysis, description, comparison, and semantic analysis. The results of this study are related to the differentiation of the legal task that can be given to expert linguists, and the competence of the expert linguist,

which should not be limited only to the description of certain linguistic features of the speech product submitted for research, but could also enable the law enforcer to establish the presence or absence of a crime in cases related to incitement of hatred or enmity, as well as abasement of human dignity.

Key words: incitement to hatred or enmity, abasement of human dignity, extremism, verbal aggression.

Необходимость разграничения юридического и лингвистического статусов номинаций «ненависть», «вражда» и «человеческое достоинство» является фундаментальной проблемой, которая заключается в соотношении языковых законов (норм, кодификаций и установлений и т. п.) с юридическими законами (нормами, установлениями и т. п.).

Для лингвиста очевидно стихийно-естественное происхождение языка. Для сферы юриспруденции характерно рационально-искусственное появление определений. При этом естественный язык эволюционирует в юридический, что является, как справедливо отмечает Н. Д. Голев, органическим развитием языка, «экстраполирующегося в разные коммуникативные сферы общественной жизни, в том числе в юридическую сферу» [Голев 1999: 11]. Различный взгляд юристов и лингвистов на сущность языка приводит к тому, что юристы не придают должного значения природно-стихийной стороне речи и языка в целом. С другой стороны, следует констатировать высокий процент субъективизма принятия лингвистом экспертного решения.

Язык права в основном использует слова и выражения, имеющие широкое хождение в рамках естественного языка, но, очевидно, связывает с ними не то весьма широкое содержание, которое предполагается обыденным словоупотреблением, следовательно в процессе лингвистического исследования необходимо понимать термины, используемые в законе, не с точки зрения обыденного сознания, а с позиции права. Однако трактовка терминов права порой приводит в замешательство и самих юристов, которые не могут прийти к однозначному пониманию терминов, входящих в содержание статьи «возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

За действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», предусмотрена административная ответственность по статье 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в случае если они совершены впервые; в случае же повторного совершения лицом данных действий в течение одного года после привлечения к административной ответственности по статье 20.3.1 КоАП РФ – уголовная ответственность по ст. 282 УК РФ.

Отметим, что формулировка обеих статей одинакова и включает в свое содержание понятия, значение которых достаточно абстрактно и неоднозначно для правоприменителей.

В юридической научной литературе нет однозначного толкования понятий «ненависть» и «вражда»: с одной стороны, они понимаются как расплывчатые, неопределенные, что вызывает некоторые сложности в правоприменении [Яворский, Гордеев 2019 URL]; опираясь на лексикографические источники, юристы отмечают синонимичность данных понятий [Яворский, Гордеев 2019 URL]. С другой стороны, отмечается, что если данные понятия разводятся в формулировке статьи, то они должны иметь различное содержание [Сергун 2017 URL].

На различие данных терминов указывает М. А. Осадчий, который отмечает, что ненависть – это психологическое состояние, а вражда – деятельность или готовность к деятельности. «Можно сказать, что ненависть представляет собой начальную стадию вражды, в то время как вражда – ненависть, проявленная физически» [Осадчий 2006: 21].

Если исходить из положения М. А. Осадчего, что «возбуждение ненависти заключается в нагнетании недовольства объектом (группой, ее представителями), неприязни, перечислении отрицательных качеств объекта – т. е. возбуждение ненависти заключается в создании негативного образа объекта в глазах читателя» [Осадчий 2007 URL], то речевым действием может считаться только возбуждение ненависти, так как вражда как следствие неприязненного отношения, сформированного высказыванием, может быть проявлена вне речевого действия. Однако такое утверждение спорно: если исходить из толкования слова «вражда» (отношения или действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью [Большой толковый словарь русского языка URL]), в котором в одном значении объединяется и отношение, и действие, мы не можем быть уверены, что в статье закона под враждой понимаются именно действия, проникнутые неприязнью, и исключается враждебное отношение.

Вполне возможно, что законодатель, разделяя (взаимоисключая с помощью союза *либо*) понятия ненависти и вражды в контексте статьи, пытался разграничить возбуждение ненависти как неприязненного отношения к кому-либо и возбуждение вражды как неприязненного отношения в совокупности с действиями, спровоцированными этой неприязнью. Однако правовой ориентир для дифференциации данных понятий отсутствует.

Тем не менее такая неоднозначность и дискуссионность в понимании юридических терминов приводит к мысли о том, что лингвистическое исследование / судебная лингвистическая экспертиза должны сконцентрировать свое внимание на том, что является целью речевого действия, которое представляет собой нагнетание недовольства объектом как проявление ненависти и мотивационного элемента вражды (вербализация враждебного отношения, которое может перерасти во враждебные действия), и которое может служить основанием для возбуждения административного или уголовного дела о «возбуждении ненависти либо вражды».

Исходя из лексикографических толкований понятий «возбудить» (вызвать, пробудить какое-л. чувство или состояние [Большой толковый словарь русского языка URL], «вражда» (в определении которого мы акцентируем

внимание на отношения, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью [Большой толковый словарь русского языка URL] и «ненависть» (чувство сильнейшей вражды, неприязни [Большой толковый словарь русского языка URL]), возбуждение ненависти/вражды как речевое действие представляется нам нацеленным на пробуждение у собеседника неприязненного отношения к предмету речи, которым (в контексте обсуждаемых статей КоАП и УК РФ) является человек или группа лиц, объединенная по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или принадлежности к какой-либо социальной группе. Следовательно, данное речевое действие должно выполнять воздействующую функцию, связанную с ожиданием адресантом определенного эффекта – изменения представлений адресата о какой-либо группе лиц, объединенных по признаку пола, расы, религии, национальности и т. д., его отношения к указанной группе лиц в сторону негативного, неприязненного, враждебного.

Основываясь на Методических рекомендациях Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды», М. А. Яворский, Д. С. Гордеев выделяют некоторые признаки возбуждения ненависти или вражды, к которым относятся:

- создание или подкрепление негативного образа нации, религии, расы;
- перенос определенных отрицательных характеристик отдельных представителей на всю религиозную или национальную группу;
- утверждения о природном превосходстве какой-либо расы, нации, религии;
- побуждение к противоправным действиям против расы, нации, религии;
- утверждение о враждебности какой-либо расы, нации, религии по отношению к другим [Яворский, Гордеев 2019: 213].

Указанные признаки дают возможность определить речевые действия, имеющие отношение к возбуждению ненависти или вражды:

- фактивные высказывания, включающие указанные группы лиц в отрицательно оцениваемый контекст, что может способствовать созданию образа врага в лице какой-либо группы (утверждения о враждебном отношении одной группы по отношению к другой, о наличии каких-либо тайных, враждебных планов и т. д.);
- критика и оскорбление человека или группы лиц как представителей определенной расы, национальности, религии и т. д. Такой перенос негативных характеристик с конкретного человека на всю группу будет представлять собой дискредитацию всей нации, расы, религиозной группы и т. д.;
- утверждения о природном превосходстве или неполноценности одной группы лиц, объединенных национальностью, религией, расой и др., по отношению к другой.

Отметим также, что формулировка статьи не ограничивается только возбуждением ненависти или вражды, к этим действиям приравнивается понятие «унижение человеческого достоинства» (союз «а равно» является книжным вариантом союзов «так же, как и», «также и», выражающими присоединительные отношения).

Последний пункт в приведенном выше списке речевых действий непосредственно связан с еще одним понятием, входящим в содержание обсуждаемой статьи, – «человеческое достоинство».

Понятие человеческого достоинства также достаточно широко *понимается* как в обыденном сознании, так и в праве, и как показывает экспертная практика, сохраняет «зыбкость формальных шкалируемых показателей» [Кушнерук 2020: 25].

На основе анализа специальной научной литературы, международных правовых документов и национальных нормативных правовых актов профессор В. Н. Корнев определяет «человеческое достоинство» как понятие, которое «включает в себя не только юридические, но и биологические, медицинские и социально-экономические составляющие» [Корнев 2020: 11].

В праве человеческое достоинство представляет собой базовую этико-правовую ценность, которая лежит в основе иных правовых ценностей. В правовом понимании человеческое достоинство определяет право человека на достойное существование, на образование; право человека не подвергаться пыткам, насилию и иной жестокости; не подвергаться (без согласия самого человека) медицинским, научным и иным опытам [Корнев 2020; Пастушкова 2011].

Таким образом, унижение человеческого достоинства может быть выражено в высказываниях, которые и представляют собой своего рода утверждения о природной неполноценности одной группы по отношению к другой:

- о необходимости/возможности подвергать кого-либо (например, человека в связи с его принадлежностью к определенной нации, расе и т. д.) пыткам, насилию и иному жестокому обращению (здесь дискуссионным остается вопрос, связанный с определением понятия жестокого обращения);
- о необходимости/возможности лишить кого-либо (например, человека в связи с его принадлежностью к определенной нации, расе и т. д.) права на достойное существование (т. е. возможность получать образование, иметь работу и т. д.);
- о необходимости/возможности лишить кого-либо (например, человека в связи с его принадлежностью к определенной нации, расе и т. д.) свободы. В данном случае под определением понятия «свобода» имеется в виду соблюдение конституционных прав человека на передвижение, свободу совести, мысли и слова, свободное использование способностей и имущества, свободу труда и участия в культурной жизни общества [Конституция РФ, ст. 27-30, 34, 37, 44].
- о необходимости/возможности подвергнуть кого-либо (например, человека в связи с его принадлежностью к определенной нации, расе и т. д.) медицинским, научным опытам.

А также унижение человеческого достоинства может быть выражено в призывах к соответствующим действиям.

Подводя итог, отметим, что при проведении лингвистического исследования / судебной лингвистической экспертизы лингвисту необходимо отталкиваться от правового понимания понятий ненависти, вражды и человеческого достоинства, которые, несмотря на их дискуссионность, имеют правовое толкование как в научной юридической литературе, так и в законодательстве. При этом правоприменитель может воспользоваться описанными в данной статье речевыми действиями, чтобы сформулировать вопросы лингвисту-эксперту.

Литература

Большой толковый словарь русского языка. Общ. ред. С. А. Кузнецов. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar>.

Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. – С. 11-53.

Корнев В. Н. Достоинство человека и право / Правосудие. – 2020. – №4. – С. 8-13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstvo-cheloveka-i-pravo>.

Кушнерук С. П. Недоброе слово: оскорбление, клевета, унижение чести, умаление достоинства / Юрислингвистика. – 2020. – №16 (27). – С. 23-27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedobroe-slovo-oskorblenie-kleveta-unizhenie-chesti-umalenie-dostoinstva>.

Осадчий М. А. Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ / Право и безопасность. – 2007. – № 3-4 (24-25). URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm.

Пастушкова О. В., Широкова О. С., Ловягина Е. В. Человеческое достоинство как фактор развития общества / Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2011. – №1 (2). – С. 214-215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskoe-dostoinstvo-kak-faktor-razvitiya-obschestva>.

Сергун Е. П. К вопросу о субъективных признаках возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (статья 282 УК РФ) / Вестник СГЮА. – 2017. – №3 (116). – С. 201-205. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-subektivnyh-priznakah-vozbuzhdeniya-nenavisti-libo-vrazhdy-a-ravno-unizheniya-chelovecheskogo-dostoinstva-statya-282-uk-rf>.

Яворский М. А., Гордеев Д. С. Некоторые проблемные моменты определения понятий «Возбуждение ненависти либо вражды» и «Унижение достоинства человека» в контексте ст. 282 УК РФ / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 4-3. – С. 211-215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemnye-momenty-opredeleniya-ponyatiy-vozbuzhdenie-nenavisti-libo-vrazhdy-i-unizhenie-dostoinstva-cheloveka-v-kontekste-st>.

References

Golev, D. N. (1999). Legal aspect of language in linguistic coverage. *Jurislinguistics-1. Problems and prospects*. Barnaul, 11-53 (in Russian).

Kornev, V. N. (2020). Human dignity and law. *Justice*, 4, 8-13. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstvo-cheloveka-i-pravo> (in Russian).

Kushneruk, S. P. (2020). Unkind word: insult, slander, humiliation of honor, belittlement of dignity. *Jurislinguistics*, (27), 23-27. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedobroe-slovo-oskorblenie-kleveta-unizhenie-chesti-umalenie-dostoinstva> (in Russian).

Large explanatory dictionary of the Russian language. General ed. S. A. Kuznetsov. Available from: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar> (in Russian).

Osadchiy, M. A. (2007). The linguistic knowledge usage in the investigation of crimes under Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Law and security*, 3-4 (24-25). Available from: https://dpr.ru/pravo/pravo_21_17.htm (in Russian).

Pastushkova, O. V., Shirokova, O. S., Lovyagina, E. V. (2011). Human dignity as a factor in the development of society. *Modern technologies for civil defense and emergency response*, 1 (2), 214-215. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskoe-dostoinstvo-kak-faktor-razvitiya-obschestva> (in Russian).

Sergun, E. P. (2017). On the issue of subjective signs of inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity (Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik SSLA*, 3 (116), 201-205. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-subektivnyh-priznakah-vozbuzhdeniya-nenavisti-libo-vrazhdy-a-ravno-unizheniya-chelovecheskogo-dostoinstva-statya-282-uk-rf> (in Russian).

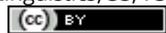
Yavorskiy, M. A., Gordeev, D. S. (2019). Some problematic aspects of the definition of the concepts "Incitement of hatred or enmity" and "Humiliation of human dignity" in the context of Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 4-3, 211-215. Available from:

<https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemnye-momenty-opredeleniya-ponyatiy-vozbuzhdenie-nenavisti-libo-vrazhdy-i-unizhenie-dostoinstva-cheloveka-v-kontekste-st> (in Russian).

Citation:

Коростелева Л. В. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» в интерпретации лингвиста-эксперта // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 73-77.

Korosteleva L. V. (2024) "Incitement of Hatred or Enmity as well as Abasement of Human Dignity" as Interpreted by an Expert Linguist. *Legal Linguistics*, 33, 73-77.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Категориальная принадлежность значения в лингвистической экспертизе по террористическим материалам

К. С. Ушакова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ushakova999@yandex.ru

В данной статье рассматривается принадлежность речевых средств к лингвистическим категориям при производстве лингвистической экспертизы по материалам террористической направленности (ответственность за которые предусмотрена статьей 205.2 Уголовного кодекса РФ) в целях закрепления в науке доминирующего подхода к данному вопросу, а также для повышения эффективности работы эксперта-лингвиста и совершенствования процедуры соотношения выводов эксперта с составом преступлений. В статье вводятся понятия «правовой компонент», «лингвистический компонент», предлагаемые для рассмотрения в рамках лингвоэкспертологии. Статья содержит результаты анализа обзора существующих в науке подходов к определению модальности, соотношению модальности и оценки, к методической стороне вопроса поиска лингвистических компонентов в тексте, а также результат анализа обзора статей, связанных с лингвистической экспертизой (в том числе по материалами террористической/экстремистской направленности) за последние десять лет. В исследовательской части статьи осуществляется соотнесение «правовых компонентов», зафиксированных в ст. 205.2 УК РФ, и «лингвистических компонентов», отражающих категориальную принадлежность значения. Также в статье приводится модель вопросов, которые ставятся перед экспертом-лингвистом в лингвистической судебной экспертизе по материалам террористической направленности. Помимо того, статья содержит перечень методов лингвистического анализа, необходимых для применения при поиске средств выражения модальности, в ней приведены примеры средств выражения отмеченных видов модальности. Также в статье обозначена перспектива разработки подробного алгоритма анализа наиболее часто встречающихся объектов лингвистической экспертизы с применением указанных методов.

Ключевые слова: оценка, модальность, лингвистическая экспертиза, «правовой компонент», «лингвистический компонент», терроризм.

Category Reference of the Meaning in Linguistic Expertise on Terrorist Materials

K. S. Ushakova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ushakova999@yandex.ru

This article considers the belonging of speech means to linguistic categories when performing linguistic expertise on terrorism materials (responsibility for which is provided by article 205.2 of the Russian Criminal Code) in order to consolidate in science the dominant approach to this issue, as well as to improve the effectiveness of the expert linguist work. The article introduces the concepts of "legal component", "linguistic component", proposed for consideration within the framework of forensic linguistics. The article contains the results of the analysis of the review of the existing scientific approaches to the definition of modality, the correlation between modality and evaluation, to the methodological side of the problem of searching for linguistic components in the text, as well as the result of the analysis of the review of articles related to linguistic expertise (including materials of terrorist/extremist slant) over the past ten years. The research part of the article correlates the "legal components" recorded in Article 205.2 and the "linguistic components" reflecting the category reference of the meaning. The article also provides a set of questions that are posed for linguistic forensic examination. Besides, the article contains the list of methods of linguistic analysis necessary for application in search of means of expression of modality, examples of means of expression of the discussed types of modality are given. The article also outlines the prospect of

developing a detailed algorithm for analysing the most frequently encountered objects of linguistic expertise using these methods.

Key words: evaluation, modality, linguistic expertise, "law component", "linguistic component", terrorism.

В настоящее время значительно увеличился объем текстов террористической направленности, нуждающихся в лингвистической экспертизе. Это влечет необходимость совершенствования процедуры проведения экспертизы путем разработки механизма поиска и идентификации значений, запрещенных для публичного выражения в тексте.

Особенностью лингвистической экспертизы является то, что она должна содержать доказательство выводов, в связи с чем процедуры решения вопросов четко и последовательно должны отражаться в исследовательской части заключения. Необходимость соотнесения формулировок, приведенных в нормативных документах РФ, в частности, в Уголовном кодексе РФ, содержащих наименование, описание и характеристики преступлений, с языковым материалом, поданным на лингвистическую экспертизу, влечет необходимость введения понятий «правовой компонент» и соответствующий ему «лингвистический компонент». Новизна данной работы заключается в определении категориальной принадлежности значения при решении вопросов лингвистической экспертизы по материалам террористической направленности путем введения и соотнесения понятий «правовой компонент» и «лингвистический компонент».

Под «правовым компонентом» мы предлагаем понимать актуальную для лингвистической экспертизы часть диспозиции статьи Уголовного кодекса РФ, содержащую вербальную номинацию преступления; под «лингвистическим компонентом» – соотносимую с релевантной частью диспозиции статьи лингвистическую категорию.

Вопросы лингвистической экспертизы по материалам террористической направленности (наше внимание будет сосредоточено на материалах по ст. 205.2 Уголовного кодекса РФ) должны быть нацелены на поиск в текстах «лингвистических компонентов», соотносящихся с «правовыми компонентами». В частности, перед экспертом ставится вопрос по модели: «имеется ли в тексте X (Y)», где X – это категориальная принадлежность значения, например «имеется ли в тексте **положительная оценка** враждебных действий?», а Y – конкретизация денотативного значения, например «имеется ли в тексте положительная оценка **враждебных действий?**»). Средства выражения той или иной лингвистической категории, которые ищет эксперт в текстах в процессе и для решения вопросов, поставленных перед ним, мы будем называть средствами выражения значения. Таковыми могут быть, например, средства выражения оценки (лексические, синтаксические, иные) или побуждения (императивные конструкции). Лингвистическую характеристику значения (его принадлежность к той или иной лингвистической категории) мы будем называть «категориальной принадлежностью» значения.

Статья 205.2 Уголовного кодекса РФ позволяет выделить такие «правовые компоненты», как «публичное оправдание терроризма» и «пропаганда терроризма». Данные компоненты тесно связаны с выражением отношения адресанта к сообщаемому / к тому, как сообщаемое соотносится с действительностью (в отличие от «призывов к осуществлению террористической деятельности»), в связи с чем именно на них обращается внимание в данной статье.

Анализ научных публикаций по вопросам лингвистической экспертизы за последние 10 лет, наиболее известными из которых являются [Бринев 2023: 31-48; Касьянюк 2022: 130-134; Королькова 2023: 2339-2343; Малолеткина 2023: 60-65; Оленников 2016: 431-439; Петрова 2019: 189-195; Радбиль 2021: 231-244; Чернышова 2019: 217-238], показал недостаток работ, посвященных экспертизе материалов, связанных с терроризмом. В частности, пока не закреплено доминирующего подхода к тому, какие именно «лингвистические компоненты» должен искать эксперт при решении вопросов судебной экспертизы по материалам, имеющим отношение к публичному оправданию терроризма и пропаганде терроризма.

Цель настоящей статьи – определить лингвистическую категориальную принадлежность значения в текстах при решении вопросов лингвистической экспертизы, имеющих отношение к публичному оправданию терроризма и пропаганде терроризма (тесно связанных с выражением отношения адресанта к сообщаемому / к тому, как сообщаемое соотносится с действительностью).

Публичное оправдание терроризма выражается в его одобрении (признании хорошим, правильным, пригодным для достижения цели), признании терроризма нуждающимся в поддержке, подражании. Лингвистической категорией, используемой для выражения одобрения, характеристики чего-либо как нуждающегося в поддержке, подражании, являющихся по своей лингвистической сути положительным отношением адресанта к объектам действительности, является оценочная (эмоциональная) модальность (вид модальности обозначен в соответствии с его обозначением в классификации Т. В. Романовой [Романова 2008: 104] и оценка.

В лингвистике вопрос соотношения модальности и оценки уже рассматривался исследователями. Достаточно полный обзор взглядов содержится в статье Г. П. Гавриличевой, которая выделяет следующие точки зрения на соотношение модальности и оценки: «1) отнесение оценки к периферии модальности; 2) дифференциация оценки и модальности; 3) приравнивание оценки к модальности»; по мнению исследовательницы, «представляется вполне обоснованным считать оценочное значение одним из видов модального значения» [Гавриличева 2010: 50-55].

Достаточно подробное описание подходов к пониманию модальности описано в [Коновалов 2016: 380-383]. Анализ определений модальности и оценки, данных в [Ивин 2004: 67; Розенталь, Теленкова 1985: 68; Немченко 2011: 206; Ахманова 1969: 305], показал, что под модальностью и оценкой в основном понимают отношение адресанта к чему-

либо в высказывании (отношения адресанта к содержанию высказывания или отношение адресанта к тому, как содержание высказывания соотносится с действительностью).

Таким образом, сущностью модальности являются оценочные отношения [Попова 1996: 39-40]. Так, категории модальности и оценки соотносятся как общее и частное, что подтверждают работы [Романова 2008; Вольф 2002; Попова 1996; Ивин 1970; Бондарко 1990; Виноградов 2001].

В современных работах также отмечается разнообразие взглядов на соотношение категорий модальности и оценки, их внутреннее содержание [Пантеева 2019: 58-61; Селезнев 2021: 207-211; Павловская 2023: 135-142]. В науке также существует подход к оценке как к речевому акту [Чернышова 2019: 220]. О. Я. Веч указывает, что оценка, являясь результатом эмоционального восприятия мира, не включается в модальность, которая понимается автором как отношение высказывания к действительности [Веч 2020: 14-18]. Применительно к экспертизе такой подход нецелесообразен, так как в таком случае мы сознательно уберем из спектра значений положительную оценку, выраженную посредством характеристики объекта как соответствующего, пригодного для достижения определенной цели, так как такая характеристика не всегда является следствием эмоционального восприятия.

При таких подходах критически важно помнить, что объективная модальность – это не нечто объективное, не зависящее от адресанта. Высказывание всегда имеет адресанта (порождается им), и любая объективная модальность – это также отражение говорящим его отношения к сообщаемому, в том числе его отношения к тому, как содержание высказывания соотносится с действительностью. Несмотря на то, что во многих определениях модальность трактуется через выражение отношения говорящего к содержанию высказывания или высказывания к действительности, в любом случае модальность – это отражение того, как адресант представил в высказывании действительность и отношение между объектами действительности, включая самого адресанта.

Таким образом, представляется оправданным считать, что правовой компонент «публичное оправдание терроризма» имеет своим лингвистическим коррелятом положительную оценочную (эмотивную) модальность. В качестве примеров средств выражения такого значения в научных трудах [Романова 2008: 64-169; Вольф 2002: 76-159] приводятся метафоры, сравнения, фразеологизмы с оценочной семантикой, междометия, аффективы, ругательства, интенсификаторы, или слова, усиливающие оценочную семантику, неопределенно-личные конструкции, оценочные глаголы, наречия, диктальные фразы с инфинитивом или выраженные придаточными предложениями, лексика с оценочной семантикой. Соответственно, приведенные средства выражения можно считать ориентиром для эксперта-лингвиста при идентификации значения в процессе проведения экспертизы.

Пропаганда терроризма, в свою очередь, выражается в том числе в распространении текстов, направленных на формирование убежденности в привлекательности идеологии терроризма либо на формирование представления о допустимости его совершения. Формирование убежденности в привлекательности идеологии терроризма и представления о допустимости его совершения подразумевает под собой утверждение о привлекательности идеологии терроризма и о допустимости его совершения с обоснованием данных утверждений. Утверждение допустимости чего-либо – это характеристика чего-либо как допустимого, что соотносится с оценкой адресантом чего-либо как допустимого, что лингвистически соотносится с волюнтивной модальностью (в соответствии с классификацией Т. В. Романовой [Романова 2008: 104]). Обоснование представляет собой убеждение, а убеждение – это процесс (цель, результат) аргументации.

Таким образом, правовому компоненту «пропаганда терроризма» соответствует лингвистический компонент – волюнтивная модальность (допустимость) наряду с речевыми средствами, реализующими аргументативную функцию в рамках обоснования допустимости (так как наличие аргумента самого по себе уже указывает на то, что им адресант нацелен убедить адресата в правильности высказываемого): однородные парцелированные именные сказуемые, распространенные согласованными и несогласованными определениями, синтаксический структурный/лексический колор), междометия, частицы, интонация, краткие прилагательные, лексика с соответствующей семантикой [Романова 2008: 206-211].

Вопросы, связанные со средствами выражения модальности, и методическая сторона их поиска также рассматривалась учеными [Парамонов 1998: 76-79; Щербатюк 2002: 101-104; Оленников 2016: 431-439; Малолеткина 2023: 60-65; Касьянюк 2022: 130-134; Радбиль 2021: 231-244; Королькова 2023: 2339-2343; Петрова 2019: 189-195; Акимова 2023]. Для выявления оценочной (эмоциональной) модальности необходимо искать преимущественно средства выражения положительного отношения адресанта к содержанию высказывания (в частности, характеристику терроризма как хорошего, правильного, пригодного для достижения цели): лексемы с компонентом значения, выражающим положительную семантику, частицы, междометия, риторические вопросы и так далее. Анализ массива комментариев в социальной сети «ВКонтакте» (ок. 2000 публикаций) показал, что данные средства чаще всего встречаются в комбинации, а также существует ряд средств (например, окказионализмы), которые могут выражать оценочную модальность ситуативно, что обуславливает невозможность приведения их исчерпывающего списка, но не исключает возможность разработки достаточно детализированного их перечня [Ушакова 2023].

При поиске средств выражения модальности допустимости необходимо обращать внимание на средства выражения отношения адресанта к содержанию высказывания как к допустимому (в частности, характеристику терроризма как допустимого, позвольительного к совершению), а также на средства выражения отношения адресанта к соотношению высказывания с действительностью, использование которых направлено на влияние на адресата и может повлиять на него так, что у него сформируется представление о допустимости (в частности, побуждение к совершению действий).

Аргумент также содержит в себе выражение отношения адресанта к содержанию высказывания. Аргумент состоит из положения и обоснования.

Положение – это представляемый адресантом тезис, изначально (самим приведением доводов к нему) характеризуемый им как спорный (но соответствующий истине адресанта), требующий приведения доводов для формирования убежденности адресата в его правильности (положение само по себе может как содержать оценочную модальность, так и нет). Это положение оценивается адресантом как правильное (соответствующее истине), что так же является по сути свидетельством наличия оценки сообщаемого (а именно характеристики чего-либо как соответствующего чему-либо, что берется за истину).

Обоснование – это приведение доводов или доводы сами по себе. Доводы, приводимые в целях убеждения адресата в правильности сообщаемого, не могут не содержать (так же, как и положение) оценки их содержания адресантом, так как они приводятся для убеждения в правильности (истинности), следовательно, они оцениваются адресантом как убеждающие, убедительные, а значит так же правильные.

Так, средствами выражения модальности допустимости могут быть лексемы со значением допустимости (*допускаю, разрешаю, возможно*), речевые средства, являющиеся положением аргумента («X позволит решить все проблемные вопросы», где X – наименования (формулировки-описания) каких-либо враждебных действий), особенно в сочетании с обоснованием положения («X решит все вопросы, так как народ должен жить лучше», где X – наименования каких-либо враждебных действий) и другие средства. Данные средства также часто представляются в комбинации и имеет перспективу разработка их углубленного перечня.

Соответственно, целесообразно проводить поиск средств выражения обозначенных видов модальности комплексно, принимая во внимание возможность выражения отношения адресанта к сообщаемому различными способами.

Проведенное исследование показывает, что любую модальность можно определить путем анализа синтаксических, морфологических, лексических и интонационных характеристик высказывания, и алгоритм поиска должен включать проведение следующих видов анализа: синтаксический, морфологический, лексико-семантический и интонационный виды анализа.

Так, правовые компоненты, зафиксированные в статье 205.2 УК РФ, имеют коррелятами лингвистические компоненты (лингвистические категории и средства их выражения. Их соотнесение отражено в таблице 1.

Таблица 1

Правовой компонент (ст. 205.2 УК РФ)	Лингвистический компонент	Примеры языковых средств выражения указанной лингвистической категории
Публичное оправдание терроризма	Положительная оценка (положительная оценочная (эмоциональная) модальность)	метафоры, сравнения, фразеологизмы с оценочной семантикой, междометия, аффективы, ругательства, интенсификаторы, или слова, усиливающие оценочную семантику, неопределенно-личные конструкции, оценочные глаголы, наречия, диктальные фразы с инфинитивом или выраженные придаточными предложениями, лексика с оценочной семантикой
Пропаганда терроризма	Модальность допустимости (в том числе аргумент)	однородные парцелированные именные сказуемые, распространенные согласованными и несогласованными определениями, синтаксический структурный/лексический колюр), междометия, частицы, интонация, краткие прилагательные, лексика с соответствующей семантикой и др.

Таким образом, при решении вопросов лингвистической экспертизы материалов террористической направленности актуально значение модальности обозначенных видов. Эксперт-лингвист должен искать в тексте средства выражения модальностей данных видов. Данный вывод позволяет нам обоснованно заняться разработкой единого детализированного алгоритма поиска средств выражения указанных видов модальности. Демонстрация прохождения шагов данного алгоритма позволит усовершенствовать заключение эксперта и повысить эффективность экспертной работы.

Литература

- Акимова И. И. Порядок проведения лингвистической экспертизы с целью выявления экстремистских речевых действий / Русский лингвистический бюллетень. - 2023. - № 1(37). - DOI 10.18454/RULB.2023.37.3.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Бринев К. И. О прагматических свойствах высказываний с оскорбительной номинацией лица / Филология и человек. - 2023. - № 4. - С. 31-48. - DOI 10.14258/filichel(2023)4-02.
- Веч О. Я. Категория оценки в языке и ее связь с категориями эмоциональности, экспрессивности и модальности / Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований. Чебоксары, 2020. - С. 14-18.
- Виноградов В. В. Грамматическое учение о слове. М., 2001.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.
- Гавриличева Г. П. О проблеме соотношения понятий «Оценка» и «Модальность» / Ученые записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. - 2010. - №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-sootnosheniya-ponyatiy-otsenka-i-modalnost>.
- Дмитриева Д. В. Толковый словарь русского языка: Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений. М., 2003.
- Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970.
- Ивин А. А. Философия: Энциклопедический словарь. М., 2004.
- Касьянюк Т. Н. Экспертиза информационных материалов по делам экстремистской и террористической направленности: методический аспект вопроса / Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2022. - Т. 9. - № 4. - С. 130-134. - DOI 10.18522/2313-6138-2022-9-4-17.
- Коновалов К. А. Проблема определения понятия модальности в лингвистике / Евразийский научный журнал. - 2016. - №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-ponyatiya-modalnosti-v-lingvistike>.
- Королькова А. В. Лингвистическая экспертиза текстов, публично оправдывающих терроризм и/или экстремизм / Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2023. - Т. 16, - № 8. - С. 2339-2343. - DOI 10.30853/phil20230367.
- Малолеткина Н. С. Лингвистическая экспертиза по делам террористической и экстремистской направленности / Вестник Самарского юридического института. - 2023. - № 2(53). - С. 60-65. - DOI 10.37523/SUI.2023.53.2.008.
- Немченко В. Н. Грамматическая терминология: словарь-справочник. М., 2011.
- Оленников С. М. Коммуникативно-риторический анализ как метод лингвистической экспертизы по делам о противодействии экстремизму / Acta Linguistica Petropolitana. - 2016. - Т. 12, № 3. - С. 431-439.
- Павловская Н. Ю. Оценка и модальность в соотношениях и взаимодействии / Язык как ценность бытия. Гродно, 2023. С. 135-142.
- Пантеева К. В. Оценка, оценочность, субъективная модальность: разграничение понятий / Герценовские чтения. Иностранные языки. Санкт-Петербург, 2019. С. 58-61.
- Парамонов Д. А. О грамматическом выражении модальности в современном русском языке / Вестник Омского университета. - 1998.
- Петрова И. Л. Лингвоюридическая экспертиза как способ доказывания в делах о преступлениях экстремистско-террористической направленности / Вестник Владимирского юридического института. - 2019. - № 1(50). - С. 189-195.
- Попова Е. А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста. Липецк, 1996.
- Радбиль Т. Б. Постклассическая теория речевых актов в производстве лингвистической экспертизы по делам об экстремизме / Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы. Нижний Новгород, 2021. С. 231-244.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
- Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Н., 2008.
- Селезнев Н. Д. Проблема понятий «субъективная модальность» и «оценка» / В мире русского языка и русской культуры. Москва, 2022. С. 207-211.
- Ушакова К. С. Оценка в интернет-комментариях в аспекте лингвистической экспертизы / Казанский международный лингвистический саммит 2023. Казанский федеральный университет. Казань, 2023.
- Чернышова Т. В. Методы анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингвоэкспертной и судебной практике / Acta Linguistica Petropolitana. - 2019. - Т. 1. - № 15. - С. 217-238. - DOI 10.30842/alp2306573715111.
- Щербатюк Э. Е. Категория модальности со значением уверенности-неуверенности и средства ее выражения в русском языке: на материале произведений Л. Н. Толстого. Тамбов, 2002.

References

- Akhmanova, O. S. (2014). Glossary of linguistic terms. Moscow (in Russian).
- Akimova, I. I. (2023). Procedure for conducting linguistic expertise to identify extremist speech acts. Russian Linguistic Bulletin, 1(37), DOI 10.18454/RUIB.2023.37.3 (in Russian).

- Bondarko, A. V. (1990). Theory of functional grammar: Temporality. Modality. Leningrad (in Russian).
- Brinev, K. I. (2023). About pragmatic properties of statements with insulting nomination of a person (linguistic expertise and invective language functioning). *Philology and Man*, 4, 31-48, DOI 10.14258/filichel(2023)4-02 (in Russian).
- Chernyshova, T. V. (2019). Methods of analysis of speech acts: opportunities and problems of use in practice of conducting forensic linguistic examinations. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 1, 15, 217-238. DOI 10.30842/alp2306573715111 (in Russian).
- Dmitrieva, D. V. (2003). Explanatory Dictionary of the Russian Language : About 2000 dictionary articles, over 12000 meanings. Moscow (in Russian).
- Gavrilicheva, G. P. (2010). On the problem of correlation between the concepts of "Evaluation" and "Modality". *Scientific Notes of ZabGU. Series: Philology, History, Oriental Studies*, 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-sootnosheniya-ponyatiy-otsenka-i-modalnost> (in Russian).
- Ivin, A. A. (1970). Foundations of the logic of assessments. Moscow (in Russian).
- Ivina, A. A. (2004). Philosophy: Encyclopaedic Dictionary. Moscow (in Russian).
- Kas'yanyuk, T. N. (2022). Examination of information materials within extremist and terrorist cases: methods aspect of the issue. *Bulletin of the law faculty, SFEDU*. Vol. 9, 4, 130-134. DOI 10.18522/2313-6138-2022-9-4-17 (in Russian).
- Konovalov, K. A. (2016). Problem of defining the meaning of modality in linguistics. *Eurasian Scientific Journal*, 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-ponyatiya-modalnosti-v-lingvistike> (in Russian).
- Korol'kova, A. V. (2023). Linguistic examination of texts publicly justifying terrorism and/or extremism. *Philology. Theory & Practice*. Vol. 16, 8, 2339-2343. DOI 10.30853/phil20230367 (in Russian).
- Maloletkina, N. S. (2023). Linguistic examination for terrorism and extremist cases. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2(53), 60-65. DOI 10.37523/SUI.2023.53.2.008 (in Russian).
- Nemchenko, V. N. (2011). Grammatical terminology: a reference dictionary. Moscow (in Russian).
- Olennikov, S. M. (2016). Communicative-rhetorical analysis as a method of linguistic expertise in cases of countering extremism. *Acta Linguistica Petropolitana*, Vol. 12, 3, 431-439 (in Russian).
- Panteeva, K. V. (2019). Evaluation, evaluability, subjective modality: differentiation of concepts. *Herzen Readings. Foreign languages*, 58-61. St. Petersburg (in Russian).
- Paramonov, D. A. (1998). On the grammatical expression of modality in the modern Russian language. *Bulletin of Omsk University* (in Russian).
- Pavlovskaya, N. Yu. (2023). Evaluation and modality in correlation and interaction. *Language as a value of being*. Grodno, 135-142 (in Russian).
- Petrova, I. L. (2019). Linguo-legal expertise as a method of proof in cases of extremist-terrorist offences. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 1(50), 189-195 (in Russian).
- Popova, E. A. (1996). Author's Modality as a Means of Expressing the Anthropocentricity of the Text. *Lipetsk* (in Russian).
- Radbil', T. B. (2021). Postclassical theory of speech acts in the production of linguistic expertise in cases of extremism. *National and international trends and perspectives of forensic expertise development*, 231-244. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Romanova, T. V. (2008). Modality. Evaluation. Emotionality. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Rozental', D. E., Telenkova M. A. (1985). Glossary of linguistic terms. Moscow (in Russian).
- Seleznev, N. D. (2022). The problem of the concepts "subjective modality" and "evaluation". In *The world of Russian language and Russian culture*, 207-211. Moscow (in Russian).
- Shcherbatyuk, E. E. (2002). The category of modality with the meaning of certitude-incertitude and the means to express it in Russian (based on the works by L. N. Tolstoy). *Tambov* (in Russian).
- Ushakova, K. S. (2023). Evaluation in Internet comments in the aspect of linguistic expertise. *Kazan International Linguistic Summit 2023*. Kazan Federal University. Kazan (in Russian).
- Vech, O. Ya. (2020). The category of evaluation in language and its relationship with the categories of emotionality, expressiveness and modality. *Issues of philology and translation studies: directions and prospects of modern research*. *Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. I. Ya. Yakovleva*, 14-18. Cheboksary (in Russian).
- Vinogradov, V. V. (2001). Grammatical teaching about the word. Moscow (in Russian).
- Vol'f, E. M. (2002). Functional semantics evaluation. Moscow (in Russian).

Citation:

Ушакова К. С. Категориальная принадлежность значения в лингвистической экспертизе по террористическим материалам // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 78-83.

Ushakova K. S. (2024) Category Reference of the Meaning in Linguistic Expertise on Terrorist Materials. *Legal Linguistics*, 33, 78-83.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Современный детерминационный комплекс экстремизма (на примере законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь)

Е. З. Сидорова¹, Т. Ф. Алиев²

*Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
ул. Лермонтова 110, 664074, Иркутск, Россия. E-mail: ¹ketrik6@mail.ru, ²timuraliev.2018@mail.ru*

Настоящая статья посвящена исследованию актуальных детерминант экстремистской преступности, проявляющейся в России и Беларуси. Авторы отмечают, что данные официальной статистики свидетельствуют о тенденции к увеличению числа выявляемых и регистрируемых преступлений экстремистской направленности, совершаемых на территории названных государств. Прирост названного вида преступности связан со многими факторами, в том числе политического, экономического, культурного характера. Современная практика показывает, что экстремистские идеи находят свое отражение в обществе различных государств, и поскольку данное явление характеризуется определенными чертами и особенностями, в рамках настоящего исследования авторы обратили внимание на современный детерминационный комплекс факторов, порождающих экстремизм. При этом изучение причин и условий, способствующих проявлению экстремизма в обществе, необходимо не само по себе, а для того, чтобы выработать эффективные меры профилактики данного негативного явления. И одним из методов противодействия экстремистской деятельности является закрепление в законодательстве того или иного государства норм административной и уголовной ответственности за экстремизм.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, уголовная ответственность, детерминанты преступности, профилактика экстремизма.

Modern Determinant Complex of Extremism (Case Study of Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus)

E. Z. Sidorova¹, T. F. Aliyev²

*East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
110 Lermontov Street, 664074, Irkutsk, Russia. E-mail: ¹ketrik6@mail.ru, ²timuraliev.2018@mail.ru*

This article considers the current determinants of extremist crime manifested in Russia and Belarus. The authors note that official statistics data indicate a tendency towards an increase in the number of detected and registered extremist crimes committed on the territory of these states. The increase in this type of crime is associated with many factors, including political, economic, and cultural ones. Present-day practice shows that extremist ideas are reflected in the society of various states, and since this phenomenon is characterized by certain features and peculiarities, in the framework of this study, the authors drew attention to the modern determinant complex of factors that induce extremism. At the same time, the study of the causes and conditions contributing to the manifestation of extremism in society is necessary not only for its sake, but also to develop effective measures to deter this negative phenomenon. And one of the methods of deterring extremist activity is to consolidate the norms of administrative and criminal liability for extremism in the legislation of a particular state.

Key words: extremism, extremist crimes, criminal liability, determinants of crime, prevention of extremism.

В настоящее время существуют различные точки зрения на содержание термина «экстремизм». Существуют и различные детерминанты данного явления, т. е. причины и условия, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности. И прежде, чем начать анализировать современный детерминационный комплекс

экстремизма, следует обратить внимание на современную статистическую базу о количестве экстремистских преступлений, выявляемых в России (Таблица 1) [Министерство внутренних дел 2023, URL]. Коротко отметим, что проявление экстремизма наказывается при помощи различных правовых инструментов, в том числе при помощи мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) [Уголовный кодекс Российской Федерации 1996].

Таблица 1

Количество выявленных преступлений экстремистской направленности за период 2018–2022 гг. в Российской Федерации

Год	2018	2019	2020	2021	2022
Общее количество преступлений экстремистской направленности	1 773	883	1 204	1 509	2 140
<i>темпы прироста, %</i>	-	-50,2	+36,4	+47,4	+41,8
в том числе:					
Убийство по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ)	24	19	18	20	205
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	1,4	2,2	1,5	1,3	9,6
<i>темпы прироста, %</i>	-	-20,8	-5,3	+11,1	+925,0
Хулиганство по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ)	7	17	18	16	8
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	0,4	1,9	1,5	1,1	0,4
<i>темпы прироста, %</i>	-	+142,9	+5,9	-11,1	-50,0
Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)	350	352	467	595	660
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	19,7	39,9	38,8	39,4	30,8
<i>темпы прироста, %</i>	-	+0,6	+32,7	+27,4	+10,9
Реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ)	12	16	21	24	65
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	0,7	1,8	1,7	1,6	3,0
<i>темпы прироста, %</i>	-	+33,3	+31,3	+14,3	+170,8

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что в настоящее время наблюдается тенденция к увеличению числа выявляемых и регистрируемых преступлений экстремистской направленности, совершаемых на территории Российской Федерации.

Чаще всего совершаются такие экстремистские преступления, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), их доля в общем числе регистрируемых преступлений экстремистской направленности составляет до 40 % ежегодно.

Наблюдаются и другие тенденции. Например, за последние годы значительно возросло количество преступлений, связанных с реабилитацией нацизма (ст. 354.1 УК РФ): если в 2018 году было выявлено 12 таких преступлений,

то в 2022 году – 65.

Насильственные экстремистские преступления на территории России также, к сожалению, совершаются: так, если в 2018 году было зарегистрировано 24 убийства, совершенного по мотивам ненависти или вражды по отношению к определенной социальной группе (экстремистские мотивы), то в 2022 году было выявлено 205 таких преступлений. Рост данного показателя колоссальный.

В свою очередь, если обратиться к показателям экстремистской преступности в Республике Беларусь, то можно отметить, что представители государственной власти страны обращают внимание на необходимость борьбы с подобным видом преступности. Так, заместитель председателя Следственного комитета А. И. Васильев подчеркивает, что за период с 2020 года на территории данного государства зафиксировано более 11 тыс. преступлений экстремистской направленности, что составляет около 5-6 % от всех зарегистрированных в Республике Беларусь преступлений [СК о количестве... 2022 URL].

В России доля преступлений экстремистской направленности составляет не более 1 % (Таблица 2) [Министерство внутренних дел 2023 URL]. При этом, несмотря на кажущуюся незначительность показателя экстремистских преступлений в общем числе регистрируемых уголовно наказуемых деяний, следует понимать, что общественная опасность экстремистских преступлений заключается не в количественных, а в качественных характеристиках. Экстремизм, если не предпринимать превентивных действий, может породить серьезные негативные последствия в виде расслоения общества на группы и категории, может привести к уничтожению основ государственного строя и разрушению общества. Именно поэтому современная государственная политика разных стран направлена на борьбу с экстремизмом в различных его проявлениях и качествах.

Таблица 2

Доля преступлений экстремистской направленности в общем числе зарегистрированных преступлений в Российской Федерации за период 2018–2022 гг.

Год	2018	2019	2020	2021	2022
Общее количество выявленных преступлений	1 991 532	2 024 337	2 044 221	2 004 404	1 966 795
<i>темпы прироста, %</i>	-	+1,6	+1,0	-1,9	-1,9
в том числе:					
преступлений экстремистской направленности	1 265	585	833	1 057	1 566
<i>удельный вес в общем числе, %</i>	0,06	0,03	0,04	0,05	0,08
<i>темпы прироста, %</i>	-	-53,8	+42,4	+26,9	+48,2

Важно понимать, что борьба с экстремизмом должна строиться в первую очередь не на том, чтобы привлечь лиц, совершивших экстремистское преступление, к уголовной ответственности (хотя закрепление в уголовном законе норм об ответственности за преступления экстремистской направленности является необходимой мерой превенции современной уголовной политики), а на том, чтобы осуществлять воздействие на причины и условия, порождающие экстремизм в обществе. Иными словами, профилактика экстремистской деятельности должна строиться на устранении и нивелировании негативного воздействия детерминант экстремизма. Именно поэтому очень важно определить современный детерминационный комплекс экстремизма.

В научной литературе можно встретить различные точки зрения на вопрос о том, что же порождает экстремизм в обществе. Так, С. Н. Фридинский считает, что существуют экономические, социально-политические и идеологические факторы [Фридинский 2008: 59]:

1. К экономическим факторам следует относить низкое материальное положение как населения в целом, так и отдельных социальных групп.

Согласно данным Росстата, в среднем в России около 11 % жителей живут за чертой бедности (Таблица 3) [Уровень жизни 2023 URL].

Уровень бедности (в процентах от общей численности населения)
в Российской Федерации за период 2018–2022 гг.

Год	2018	2019	2020	2021	2022
Уровень бедности, в %	12,6	12,3	12,1	11,0	9,8
<i>темп прироста, %</i>	-	-2,4	-1,6	-9,1	-11,0

Приведенные официальные статистические данные свидетельствуют о том, что государство, несомненно, убеждено в необходимости повышения уровня жизни населения, а потому на государственном уровне взят курс на снижение уровня бедности населения. Вместе с тем представленные статистические показатели также свидетельствуют о том, что каждый 10 житель Российской Федерации вынужден выживать и, по сути, бороться за свое существование в обществе. Такая ситуация провоцирует озлобленность и недовольство в социуме, а значит, ведет к развитию идей экстремизма и нетерпимости по отношению к тем или иным социальным группам.

2. К социально-политическим факторам следует относить различные политические события, происходящие в обществе.

Так, представители правоохранительных органов Беларуси связывают рост совершаемых в стране преступлений экстремистской направленности с протестными акциями, проходившими после выборов Президента данного государства в 2020 году. Совершаемые преступления связаны с осквернением сооружений и порчей имущества, оскорблением представителей власти, насилием или угрозами применения насилия в отношении сотрудников милиции [В Белоруссии зафиксировали более 3 тыс. преступлений... 2021 URL]. Министр внутренних дел России также связывает активизацию экстремистов с ведением специальной военной операции на территории Украины [Колокольцев заявил об активизации экстремистов... 2023 URL].

3. В качестве идеологических факторов выступают недостатки современной культуры и реализуемой в обществе идеологии.

Указанный фактор находит свое отражение в различных аспектах и связан как с современной культурой в киноиндустрии, музыке, литературе, пропагандирующей насилие, нетерпимость, жестокость по отношению к лицам, отличающимся от основной общественной массы по тем или иным признакам (по цвету кожи, по гендерным признакам, по признаку вероисповедания и т. п.), так и с разнообразием религиозных течений. Специалисты, проводившие соответствующие научные исследования, подчеркивают, что экстремизм нередко имеет религиозный окрас и часто связан с нетерпимостью по отношению к иноверующим [Яхьяев 2015: 65]. При этом экстремистские идеи проявляются не только среди приверженцев одной религии (как правило, в таких случаях подразумеваются мусульмане, однако это является стереотипом), но и представителей иных религий.

Среди иных факторов, относящихся к детерминационному комплексу экстремизма, следует также относить:

- 1) особенности общественных отношений, в которых ключевая роль отводится несовершеннолетним и молодежи;
- 2) проблемы незаконной миграции.

Раскроем названные факторы более подробно.

Специалисты подчеркивают, что именно молодежи в силу ее физических и психологических особенностей присущ радикализм во взглядах и оценках, максимализм в суждениях, и, к сожалению, данными особенностями пользуются экстремисты, вовлекающие молодых людей в различные экстремистские сообщества [Фридинский 2015: 6]. В силу возраста ведущим видом деятельности подростков и молодежи является обучение в образовательных организациях. В указанный возрастной период подростки и молодежь, как правило, являются школьниками и студентами. И в этой связи в наибольшей опасности от угроз экстремистского характера находится сфера образования [Сидорова 2021: 67].

Данная проблема характерна не только для России, но и для иных государств, в том числе Республики Беларусь. Например, говоря о такой проблеме, как скулштинг, представители правоохранительных органов Беларуси подчеркивают, что борьба с данным явлением должна строиться на «разборе причин таких происшествий. Важным профилактическим шагом является внедрение в учебные заведения электронной системы пропуска, установление видеокамер и тревожных кнопок. Следует улучшать техническое оснащение образовательных организаций, должен быть обеспечен пропускной режим. Кроме того, немаловажно понять, что подталкивает подростков к таким действиям. Здесь уже помимо правоохранительных органов к поиску решения проблемы должны подключиться родители, учителя, врачи. Нужно следить, какие сайты в Интернете посещает подросток, с кем дружит, где гуляет, чем занимается во внеурочное время, обращать внимание на его девиантное поведение» [В преддверии Дня милиции ... 2019 URL].

С представленным мнением нельзя не согласиться. Именно комплексный подход к вопросам обеспечения безопасности образовательной среды от угроз экстремистского характера способен в корне переломить непростую ситуацию с экстремизмом среди молодых людей.

Если говорить о таком факторе экстремизма, как несовершенство миграционной политики, то следует согласиться с мнением специалистов о том, что миграционные потоки являются угрозой для национальной безопасности страны в том случае, когда такие процессы происходят бесконтрольно [Куровский 2023: 56].

Проведенные исследования показывают, что в настоящее время наблюдается рост числа мигрантов, приехавших в Россию и совершивших преступления экстремистской направленности [Куровский 2023: 58]. Так, если в 2019 году таких иностранных граждан было 8 человек, то в 2022 году – уже 33 человека (рис. 1) [Состояние преступности ... 2023 URL].

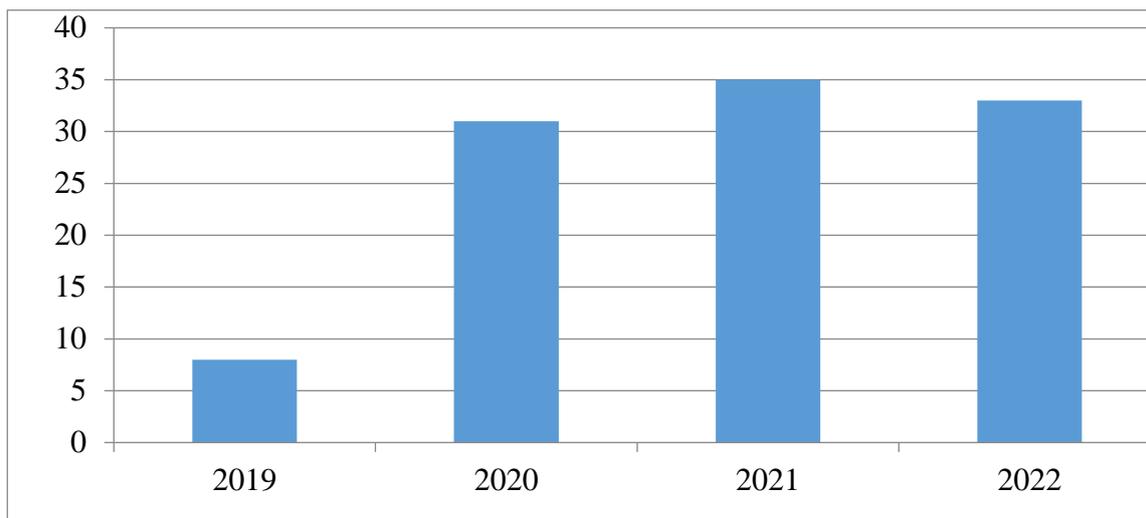

Рис. 1. Количество выявленных в Российской Федерации иностранных лиц и лиц без гражданства, совершивших преступления экстремистской направленности, в 2019–2022 гг.

Раскрывая современный детерминационный комплекс экстремизма, следует подчеркнуть, что в настоящее время идеи экстремистского характера нередко распространяются посредством использования тех или иных цифровых (информационных) технологий, в том числе сети Интернет. Так, Генеральный прокурор Республики Беларусь А. И. Швед подчеркивает, что за 11 месяцев 2022 года в стране было установлено более 5 тысяч преступлений экстремистской направленности, причем большинство из них были совершены в Интернете [Генпрокурор Швед назвал число выявленных... 2022 URL].

Следует подчеркнуть, что борьба с экстремизмом, распространяемым в сети Интернет, характеризуется определенными особенностями. При этом в сети Интернет совершаются и иные виды преступлений, в том числе связанные с похищением имущества граждан, в первую очередь безналичных денежных средств, с распространением порнографических материалов, в том числе с изображением несовершеннолетних лиц, с клеветой в отношении граждан и т. п. Именно поэтому важно отметить, что борьба с интернет-экстремизмом всегда будет находиться во взаимосвязи с превентивными действиями, направленными на борьбу с иными интернет-преступлениями. Борясь с киберпреступностью в целом, субъекты профилактики борются в частности и с интернет-экстремизмом [Сидорова 2023: 51].

Повсеместное развитие компьютерных технологий и распространенность сети Интернет вызывает необходимость внедрения мер профилактики цифровой преступности в целях обеспечения национальной безопасности различных государств. Ввиду анонимности, открытости и отсутствия цензуры, ряд пользователей используют интернет-пространство как инструмент совершения преступных деяний различной направленности. В условиях глобализации активизация экстремистской деятельности посредством использования сети Интернет является причиной развития и распространения международного терроризма. Интернет-возможности используются для распространения экстремистских материалов и для обеспечения деятельности экстремистских сообществ и организаций. Факторы, оказывающие воздействие на активизацию экстремистской деятельности, носят криминогенный характер и обусловлены:

- во-первых, процессом глобализации, который несет в себе конечную цель в виде создания однополярного мира;
- во-вторых, увеличением интенсивности процесса глобальной информатизации в рамках процесса мировой глобализации;
- в-третьих, процессом глобализации в культуре и религии.

Данные факторы обуславливаются повсеместным внедрением высоких технологий, которые могут носить техногенную опасность для как для мировой, так и для национальной безопасности. Ввиду стремительного развития информационной структуры использование Интернет-пространства для распространения терроризма и экстремизма становится все более популярным направлением в рамках киберпреступлений.

Одним из проявлений уголовно наказуемого экстремизма является совершение преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». При этом данная уголовно-правовая норма содержит в себе такой криминообразующий признак, как совершение указанного деяния с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (ч. 2 ст. 280 УК РФ). Важной особенностью квалификации экстремистской деятельности посредством использования Интернет-ресурсов выступает рассмотрение широты охвата призыва [Евдокимов 2014, 34]. Призыв считается экстремистским при условии, что он наделен соответствующей публичностью и обращен к широкому кругу

пользователей. Отличительной чертой рассматриваемого правонарушения выступает отсутствие подстрекательства лица на совершение конкретного правонарушения. И в современных условиях такие призывы легко осуществить посредством использования тех или иных интернет-ресурсов (сайтов, социальных сетей, мессенджеров и т. п.).

Интернет-пространство активно используется правонарушителями для возбуждения ненависти, вражды или призывов к унижению человеческого достоинства. Конституция Российской Федерации четко указывает на недопустимость подобной пропаганды и агитации [Конституция Российской Федерации 1996]. Это касается любых признаков расового, религиозного, национального и иного превосходства. С точки зрения объективности данные деяния признаются противоправными в случаях, если они направлены на унижение достоинства человека или группы лиц, в отношении принадлежности к определенной социальной группе. Экстремистскими признаются деяния, совершаемые посредством публичного унижения или призыва к унижению.

Проведение мероприятий экстремистской направленности осуществляется посредством периодической пропаганды, направленной на стремление вызвать в гражданах определенные установки и идеи. Важно отметить, что единичные высказывания в сети Интернет не могут быть квалифицированы как экстремизм. Стоит отметить, что высказывания, подчеркивающие различия, указывающие на неполноценность или исключительность, также могут быть признаны экстремизмом. Наличие состава данного преступления усматривается и тогда, когда действия правонарушителя направлены на унижение культурных или религиозных ценностей, унижение национального достоинства или издевательство над историей. Однако характерным и объединяющим все перечисленные критерии является то, что деяние имеет публичный характер и совершается посредством использования интернет-сетей или средств массовой информации.

Другим экстремистским преступлением, которое может быть совершено в сети Интернет, является возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Киберэкстремизм может найти отражение также в совершении иных преступлений, например в создании экстремистского сообщества путем сговора или приискания участников. Ответственность за создание экстремистского сообщества, или участие в нем, или вовлечение лица в деятельность такого сообщества регламентируется ст. 282.1 УК РФ (российский законодатель подразумевает под экстремистским сообществом такую форму соучастия, как организованная группа).

Существует и такая уголовно правовая норма, как организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). Данное преступление также может быть совершено посредством сети Интернет. Согласно ст. 282.2 УК РФ организация деятельности экстремистской организации регламентируется как развитие деятельности объединения после постановления о необходимости его ликвидации и неправомерности. Деятельность подобных организаций может носить разные цели, например:

- сбор средств и (или) информации с целью проведения мероприятий экстремистской направленности;
- предоставление информации о деятельности объединений с целью привлечения новых участников;
- оказание психологического воздействия посредством обращения к публике с сообщениями о планируемых или совершенных правонарушениях;
- привлечение лиц, которые специализируются на интернет-мошенничествах.

Получение информации о возможной экстремистской деятельности посредством использования сети Интернет сопровождается дальнейшей доследственной проверкой, которая устанавливает следующие категориальные нарушения или их отсутствие:

- содержание и направленность публикуемой информации, возможность отнесения данной информации к категории экстремизма;
- выявление ущерба в результате противоправной деятельности;
- места неправомерного проникновения в компьютерные сети либо места распространения экстремистской информации;
- выявление использовавшихся средств для совершения правонарушения;
- фактическое место изготовления программ вредоносного назначения или публикации экстремистских материалов.

Нередко целью экстремистов в сети Интернет является вербовка новых членов. Поэтому для борьбы с киберпреступностью, в том числе киберэкстремизмом, важно на государственном уровне реализовывать мероприятия организационного характера. Так, наличие служб, деятельность которых направлена на борьбу с киберпреступностью, значительно снижает вероятность совершения таких преступлений. К организационно-техническим мерам борьбы с киберпреступлениями, в том числе интернет-экстремизмом, можно отнести следующие мероприятия:

- создание информационных систем, обеспечивающих выполнение задач по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию киберпреступлений;
- организация подготовки и повышения квалификации кадров, в том числе путем стажировки специалистов, организации конференций, семинаров и учебных курсов, что позволит сотрудникам МВД России осуществлять расследование цифровых преступлений с достаточными навыками и знаниями;
- обеспечение государственных органов необходимыми технологическими ресурсами;
- разработка и осуществление скоординированных мероприятий и операций по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию киберпреступлений, а также обмен информацией о готовящихся или совершенных интернет-преступлениях и причастных к ним физических и юридических лицах;

– постоянное изучение и выявление новых способов совершения цифровых уголовно наказуемых деяний;
– совершенствование форм и методов предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования киберпреступлений и обмен соответствующей информацией между государственными органами различных стран.

Таким образом, в настоящем исследовании мы обратились к характеристике такого негативного социального явления, как экстремизм. Современная практика показывает, что экстремистские идеи находят свое отражение в обществе различных государств, в том числе России и Беларуси. И поскольку данное явление характеризуется определенными чертами и особенностями, в рамках настоящего исследования мы обратили также внимание на современный детерминационный комплекс факторов, порождающих экстремизм. Подчеркнем, что изучение понятия экстремизма, а также причин и условий, способствующих его проявлению в обществе, необходимо не само по себе, а для того, чтобы выработать эффективные меры профилактики данного негативного явления. И одним из методов противодействия экстремистской деятельности является закрепление в законодательстве того или иного государства норм административной и уголовной ответственности за экстремизм.

Литература

В Белоруссии зафиксировали более 3 тыс. преступлений, связанных с протестами после выборов / ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11156519?ysclid=lpe2r5d9cr400471569>

В преддверии Дня милиции в редакции «Гомельской правды» прошла прямая линия с начальником УВД облисполкома Александром Васильевым / Правда. Гомель. Новостной портал: сайт. URL: <https://gp.by/novosti/obshchestvo/news190617.html#bounce>

Генпрокурор Швед назвал число выявленных экстремистских преступлений в 2022 / Точка: сайт. URL: https://tochka.by/articles/policy/genprokuror_shved_nazval_chislo_vyavlennykh_ekstremistskikh_prestupleniy_v_2022/?ysclid=lpdcot0n6g969100967

Евдокимов К. Н. проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации / Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4(19). – С. 33–36.

Колокольцев заявил об активизации экстремистов и торговцев оружием после начала СВО / ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17436681?ysclid=lpe3flf15m34101995>

Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>

Куровский В. М. Некоторые аспекты уголовно-правового анализа преступлений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства / Вестник Пермского института ФСИН России. – 2023. – № 3(50). – С. 53–60.

Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/>

Сидорова Е. З. Уголовно-правовое противодействие финансированию экстремистской деятельности и терроризма: монография. Иркутск, 2023.

Сидорова Е. З. Экстремизм и терроризм в образовательной среде как угроза криминологической безопасности системы образования / Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 64–71.

СК о количестве экстремистских уголовных дел в Беларуси / Комсомольская правда: сайт. URL: <https://www.belarus.kp.ru/online/news/4712277/?ysclid=lpdcoo4gv3858832144>

Состояние преступности: офиц. сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics?ysclid=liv1iebo6v27222853>

Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ / КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=le23ihecqg609035276

Уровень жизни: офиц. сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397#>

Фридинский С. Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности / Обзор. НЦПТИ. – 2015. – № 5. – С. 4–9.

Фридинский С. Н. Понятие экстремизма и основные направления борьбы с ним / Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 3. – С. 59–61.

Яхьяев М. Я. К вопросу об экстремизме в исламе / Исламоведение / Дагестанский государственный университет. – 2015. – Т. 6. – № 2(24). – С. 64–76.

References

- Evdokimov, K. N. (2014). Problems of criminal law qualification of crimes in the field of computer information. Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences, 4(19), 33-36 (in Russian).
- Fridinsky, S. N. (2008). The concept of extremism and the main directions of combating it. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, 59-61 (in Russian).
- Fridinsky, S. N. (2015). Youth extremism as a particularly dangerous form of manifestation of extremist activity. Review. NCPTI,

5, 4-9 (in Russian).

Kolokoltsev announced the activation of extremists and arms dealers after the start of the SVO. (2023). Available from: <https://tass.ru/obschestvo/17436681?ysclid=lp3flf15m34101995> (in Russian).

Kurovsky, V. M. (2023). Some aspects of the criminal law analysis of extremist crimes committed by foreign citizens and stateless persons. Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 3(50), 53-60 (in Russian).

Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2023). Available from: <https://мвд.рф/> (in Russian).

More than 3 thousand crimes related to post-election protests were recorded in Belarus. (2021). Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11156519?ysclid=lp2r5d9cr400471569> (in Russian).

On the eve of the Police Day, a direct line with the head of the Department of Internal Affairs of the regional Executive Committee, Alexander Vasiliev, was held in the editorial office of Gomelskay Prayda. (2019). Available from:

<https://gp.by/novosti/obshchestvo/news190617.html#bounce> (in Russian).

Sidorova, E. Z. (2023). Criminal law counteraction to the financing of extremist activities and terrorism: monograph. Irkutsk (in Russian).

Sidorova, E. Z. (2021). Extremism and terrorism in the educational environment as a threat to the criminological security of the education system. Legal Bulletin of the Kuban State University, 4, 64-71 (in Russian).

Standard of living: official the website of the Federal State Statistics Service of Russia. (2023). Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397#> (in Russian).

The Constitution of the Russian Federation. (1993). Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (in Russian).

The state of crime: official. the website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (2023). Available from: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics?ysclid=liv1iebo6v272222853> (in Russian).

The Criminal Code of the Russian Federation. (1996). Available from:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=le23ihcecgq609035276 (in Russian).

The Swedish Prosecutor General named the number of identified extremist crimes in 2022. (2022). Available from:

https://tochka.by/articles/policy/genprokuror_shved_nazval_chislo_vyavlennykh_ekstremistskikh_prestupleniy_v_2022/?ysclid=lpdcot0n6g969100967 (in Russian).

UK on the number of extremist criminal cases in Belarus. (2022). Komsomolskaya Pravda. Available from:

<https://www.belarus.kp.ru/online/news/4712277/?ysclid=lpdcoo4gv3858832144> (in Russian).

Yahyaev, M. Ya. (2015). On the issue of extremism in Islam. Islamic Studies, 6, 2(24), 64-76 (in Russian).

Citation:

Сидорова Е. З., Алиев Т. Ф. Соотношение юридического и лингвистического аспектов изучения терминов «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный», «оправданный» и их слов-обозначений // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 84-91.

Sidorova E. Z., Aliyev T. F. (2024) Modern Determinant Complex of Extremism (Case Study of Legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus). Legal Linguistics, 33, 84-91.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Галлицизмы в юридическом английском языке

О. М. Бредихина

*Московский государственный институт международных отношений
пр. Вернадского 76, 119454, Москва, Россия. E-mail: olga_b2000@mail.ru*

Статья посвящена исследованию французских терминов в юридическом английском языке.

Еще со времен нормандского нашествия в 1066 английский язык стал испытывать на себе влияние французского языка. Несмотря на то, что норманны были достаточно немногочисленны, они заняли места местной знати и ввели в употребление старофранцузский язык как средство общения высших слоев общества. Суды стали использовать так называемый Law French для ведения судебной переписки и в зале судебных заседаний. До сих пор некоторые слова используются в терминах общего права.

Law French ввел в употребление многочисленные заимствования в юридический английский, например *fee simple*, *voir dire*, *fine*, *warranty*, *replevin*. Интересным представляется тот факт, что грамматика английского также до сих пор имеет некоторые французские корни. Так, например, соответствующий французскому порядок слов с употреблением прилагательного после существительного можно встретить в выражениях *fee simple determinable*, *fee simple defeasible*. Широко распространены некоторые типично французские суффиксы, как *-ee*, в словах *bailee*, *employee*, *trustee*. Некоторые заимствования трансформировались согласно правилам английского языка – *interpleader* и *joinder* стали *interplead* и *join*.

В настоящее время вполне возможно говорить о наличии обратного процесса, так называемого *Franglais*, когда английские слова переходят во французский язык, неизменными или с французскими грамматическими изменениями – *googliser*, *flashmob*, *neologisms from digital world*. Данный процесс описывается в работе.

Ключевые слова: Law French, юридический английский, заимствования, *Franglais*.

Gallicisms in Legal English

O. M. Bredikhina

*Moscow State University of International Relations
76 Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: olga_b2000@mail.ru*

The article discusses the research of French terms in Legal English.

English has been influenced by French since the Norman Conquest in 1066. Although the Normans were fewer, they removed locals from governmental positions and introduced Old French as a language of the ruling class in England. Courts started to use so-called Law French in their pleadings and hearings – many terms of it are still in use in common law jurisdictions.

Law French introduced a huge number of words into English – *fee simple*, *voir dire*, *fine*, *warranty*, *replevin*, - just to name a few. It also influenced grammar (word order – *fee simple determinable*, *fee simple defeasible*, where an adjective comes after a noun), word building (suffix *-ee*, e.g. *bailee*, *employee*, *trustee*, etc). English borrowed many words though transforming them according to the English rules – *interpleader* and *joinder* have turned into *interplead* and *join*.

Nowadays we can talk about the reverse process, so-called *Franglais*, when English words are borrowed by French – *neologisms from digital world* – *googliser*, *flashmob*.

Key words: Law French, Legal English, borrowings, *Franglais*.

В 1066 году произошло Нормандское завоевание (Norman Conquest): в результате ряда сражений герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель подчинил себе страну. В течение нескольких веков французы осуществляли управление страной, а местное население имело статус крепостных крестьян. Основные сферы государства – образование, судебная система, управление, религия – стали вестись на французском языке.

Французский язык (нормандский вариант) был международным деловым языком того времени, поэтому большое количество французских слов перешло в английскую экономическую и юридическую лексику: *chattel*, *court*, *domicile*, *estate*, *lease* и так далее.

С конца XIII – начала XIV вв. значительная часть слов заимствовалась из т. н. парижского говора. В юридический пласт лексики пришли такие термины, как *regime*, *police*, *attorney*, *advocate* и др. [Коларькова, Савина 2017: 110].

Очень важно разграничение двух вышеназванных периодов, поскольку именно оно объясняет существование т. н. лексических дублетов – слов с одинаковым значением, но различным написанием в силу того, что они пришли в язык в разные периоды. В юридической терминологии примерами могут быть слово нормандского происхождения *warrantu* и слово *guarantee*, пришедшее из парижского диалекта французского языка [Секирин, 1971: 68].

В период нормандских заимствований в английскую юридическую лексику пришли основополагающие понятия права, а в период парижского диалекта – термины, имевшие альтернативу в английском языке. В итоге получилось, что слова нормандского происхождения «растворились» в английском языке. Так, термины *fine* и *warranty* имеют нормандское происхождение, хотя это довольно сложно предположить, а слова *police* и *regime* легко идентифицируются, поскольку сохранили написание и ударение французского языка.

Англо-французский оставался основным языком закона вплоть до 1362 г., когда был принят акт о судопроизводстве на английском языке. Но даже тогда юристы продолжали вести записи на т. н. «французском законном языке», который был особым языком юристов: он был непонятен не только их английским клиентам, но и тем, кто говорил на обычном французском языке. В юридический английский из французского законного языка пришли устойчивые словосочетания, где прилагательное следует за существительным, что свойственно французской грамматике. Среди них можно выделить такие словосочетания, как *attorney general* (адвокат общей практики), *fee simple absolute* (абсолютное право собственности), *letters testamentary* (разрешение суда на вступление в права наследования) и др.

Французский законный язык не только обогащал лексику английского языка, но и вносил некоторые не характерные для него грамматические формы. Одной из таких форм было причастие прошедшего времени с суффиксом *-ee-*, который обозначает человека – объекта действия. Это окончание имеют такие слова, как *lessee* (арендатор), *vendee* (покупатель) и др.

Интересным представляется исследование с лингвистической точки зрения так называемых *Year Books* – ежегодных судебных хроник, которые велись в основном на французском языке (в некоторых случаях на латинском). Именно их можно считать основным источником французской юридической лексики. Это детализированные описания судебных заседаний, которые включали в себя вопросы судьи и аргументы адвоката. До наших дней дошли некоторые отрывки хроник, один из них датируется 1319 годом, автор неизвестен: «*Richard porta brief de dette vers un abbe et soun commougne, et dit qe le moygn taunt com il fut seculer avoit apromte de ly x livres, a payer a certeyn jour, a quel jour il ne paya rount; et de seo tendist sute saunz especiale...*» [Year Book URL] Можно предположить по словам *dette* и *a quel jour il ne paya rount*, что речь идет о не оплаченном вовремя долге.

В 1650 году Парламентом был выпущен законодательный акт, по которому все отчеты о судебных решениях, а также любые другие книги по праву должны быть переведены с французского на английский язык. Все правовые документы, выпущенные после вступления в силу нового закона, должны быть написаны только на английском языке.

Но переводами юридических документов занимались люди, которые недостаточно хорошо владели английским языком, поэтому они не могли подбирать английские эквиваленты каждому понятию (даже если таковые были). В итоге слова перешли в английский язык без перевода в таком виде, в котором употреблялись до этого.

Говоря о глаголах, относящихся к юриспруденции, можно сказать, что процесс их упрощения состоял в потере инфинитивного окончания. Так, глаголы *interpleader* и *joindre* потеряли окончания и стали употребляться в виде *to interplead* и *to join*. Это произошло потому, что в английском языке показателем инфинитива является не окончание, а частица *to* перед глаголом.

Еще одним способом проникновения французских слов в английский язык были аллитерационные пары синонимов. Два слова, звучащие похожим образом и очень близкие по значению, соединялись при помощи союза *and*, и получалась синонимичная пара, характерная для официального стиля речи. Одной из самых распространенных в юридической речи пар является *breaking and entering* (взлом и проникновение). Два слова имеют разное происхождение: *breaking* имеет древнеанглийские корни, *entering* – древнефранцузские. Аналогичная структура у сочетаний *had and received* (полученный), *acknowledge and confess* (признание) и *will and testament* (завещание). Преимущество этих синонимичных пар перед отдельными заимствованиями состоит в том, что для носителей английского языка звучит слово и сразу его примерный перевод на французский язык. Это позволяло легче и быстрее запоминать иноязычную лексику. Следовательно, они эффективнее и прочнее входили в английский язык [Быстрикова 2012: 18].

Хотелось бы привести в пример несколько выражений, которые до сих пор широко используются в правовом контексте.

Chose in action / chose in possession – оба выражения пришли из французского, поэтому до сих пор следуют французскому принципу произношения. На русский язык можно перевести как «имущество в требовании» и «имущество во владении» [Williman Daniel URL].

Voir dire – так называется процедура отбора присяжных заседателей (*jurors*), особенно в США. Сама фраза *voir dire*, или *voire dire*, буквально переводится как «говорить правду». Конечно, можно возразить, что в современном французском *voir* означает «видеть», однако в данном контексте мы имеем дело не с ним, а с его древнефранцузским омонимом, который напрямую происходит от латинского *vera* (*verum*) – правда. *Vera* в современном языке превратилось в слово *vrai*, использующееся в выражении *à vrai dire* (по правде говоря) [Williman Daniel URL].

Все вполне логично, учитывая, что изначально присяжные выступали в роли свидетелей, предоставлявших сведения о совершенных преступлениях. А будучи свидетелями, они обязаны были говорить только правду.

Сейчас же данный термин используется по отношению к процедуре отбора присяжных, которые будут задействованы в ходе судебного разбирательства. Этот процесс нередко показывают в фильмах: адвокат или судья задают кандидатам в присяжные заседатели определенные вопросы, чтобы установить, подходят ли они для выполнения этой функции или нет. Данную процедуру называют также *voir dire exam* и *examination on the voir dire*.

В настоящее время распространение юридического французского языка замедлилось, хотя и необходимо отметить тот факт, что в Суде ЕС французский является единственным рабочим языком. Роль французского языка в качестве рабочего заметна и сегодня: даже говоря на английском языке, специалисты в Суде ЕС используют французские термины: *juge-rapporteur*, *avocat général* и т.д. Знание французского языка (хотя бы пассивное) является обязательным требованием для всех работников Суда.

Интересным представляется тот факт, что в настоящее время французы говорят о проникновении англицизмов в их язык, с середины прошлого века появился термин «франгле» – *franglais*. [Скоробогатова 2016: 92] Примерами могут быть не только новые слова (*flashmob* – флэшмоб, *googliser* – искать в Гугле, *hashtag* – хештег), но и коннотативные заимствования, эквиваленты которых существуют во французском, например *week-end* – *fin de la semaine*, *baby* – *bebe*, *barman* – *garçon*. Если говорить об экономическом и юридическом аспекте языка, стоит упомянуть названия старых и новых криптовалют, цифровых ценных бумаг. Получается, процесс взаимопроникновения языков не остановить, это отдельный живой мир, который постоянно меняется и развивается.

Литература

Быстрикова Н. Ф., Гарсия-Каселес К. К., Миголатьева И. В. К проблеме заимствований и их функционирования в современном английском языке (на примере галлицизмов и латинизмов) / Полилингвильность и транскультурные практики. – 2012. – №2. – С.17-20 URL: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/1764>

Войнова Е. А. Лексикология современного английского языка. М., 1991.

Коларькова О. Г., Савина А. А. Заимствование юридической терминологии в английском языке / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. - 2017. - № 11-1 (77). С.109-111.

Кочурова Ю. Н. К вопросу об ассимиляции интернационализмов французского происхождения в английском языке / Альманах современной науки и образования. Тамбов. - 2009. - № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. - С. 73-76.

Круглова, А. Д. Заимствования французских слов в английском языке / Юный ученый. - 2018. - № 1.1 (15.1). - С. 48-49. URL: <https://moluch.ru/young/archive/15/1156/>

Секирин В. П. Заимствования в английском языке. М., 1971.

Скоробогатова Т. И., Суралева О. Ю. Франгле: вчера и сегодня/ Научная мысль Кавказа. - 2016. - № 3. - С. 92-97.

Williman D. Legal Terminology: an Historical Introduction to the Technical Language of Law. URL: [Legal Terminology \(corsanoandwilliman.org\)](http://Legal Terminology (corsanoandwilliman.org))

Year Books. URL: www.languageandlaw.org/TEXTS/CASES/ANON1319.HTM

References

Bystrikova, N. F., Garsia-Kaseles, K. K., Migolatieva, I. V. (2012). To the Problem of Borrowings and their Functioning in the Modern English Language (with examples of gallicisms and latinisms). *Polylinguality and Transcultural Practices*, 2, 17-20. Available from: <https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/1764>

Kochurova, Yu. N. (2009). To the Question about Assimilation of Internationalisms of French Origin in English Language. *Yearbook of Contemporary Science and Education*. Tambov, 8 (27), 2 parts, Part I, 73-76.

Kolarkova, O. G., Savina, A. A. (2017). Borrowings of Legal Definitions in English Language. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, Tambov, 11-1 (77), 109-111 .

Kruglova, A. D. (2018). Borrowings of French Words in English Language. *Young Scientist*, 1.1 (15.1), 48-49. Available from: <https://moluch.ru/young/archive/15/1156/>

Sekirin, V. P. (1971). *Borrowings in English Language*. Moscow

Skorobogatova, T. I., Suraleva, O. Yu. (2016). *Franglais: yesterday and today*. *Scientific Belief of Caucuses*, 3, 92-97

Voinova, E. A. (1991). *Lexicology of the Modern English*. Moscow .

Williman, D. *Legal Terminology: an Historical Introduction to the Technical Language of Law*. Available from: [Legal Terminology \(corsanoandwilliman.org\)](http://Legal Terminology (corsanoandwilliman.org))

Year Books. Available from: www.languageandlaw.org/TEXTS/CASES/ANON1319.HTM

Citation:

Бредихина О. М. Галлицизмы в юридическом английском языке // Юрислингвистика. – 2024. – 33. – С. 92-94.

Bredikhina O. M. (2024) Gallicisms in Legal English. *Legal Linguistics*, 33, 92-94.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 25.09.2024 г.

Дата публикации издания 01.10.2024 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2024